

ISSN 2218-2926

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ

**ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В.Н. КАРАЗИНА**

КОГНИЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС

Направление «Филология»

№ 14

Международный электронный сборник научных трудов

Основан в 2010

**Включен в Перечень специализированных научных изданий Украины
(приказ МОН Украины от 07.10.2016 № 1222)**

**Харьков
2017**

Статьи данного выпуска содержат результаты исследований лингвистов Украины и Армении в области лингвокогнитивистики и нарративистики, прагматики традиционной и когнитивной на материале английских, украинских, армянских, русских художественных и психопатологических текстов в аспекте лингвистики и переводоведения.

Для лингвистов, преподавателей, аспирантов и магистрантов.

Утверждено решением Ученого совета
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина
(протокол № 9 от 19 июня 2017 г.)

Редактор:

И.С. Шевченко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Ответственный секретарь:

Е.В. Бондаренко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Редакционная коллегия:

- Д. Александрова, доктор философии (университет Климента Охридского, г. София, Болгария)
Л.Р. Безуглая, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
А.Д. Белова, докт. филол. наук (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина)
Д. Вандервекен, доктор философии (университет Квебека, г. Труа-Ривьер, Канада)
С.К. Гаспарян, докт. филол. наук (Ереванский государственный университет, Армения)
С.А. Жаботинская, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)
В.И. Карасик, докт. филол. наук (Волгоградский государственный педагогический университет, Россия)
Е.А. Карпиловская, докт. филол. наук (Институт украинского языка Национальной академии наук Украины, Украина)
Г. Коллер, доктор философии (университет имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия)
Г.Н. Манаенко, докт. филол. наук (Ставропольский государственный педагогический институт, Россия)
А.П. Мартынюк, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
Ф.Д. Матито, доктор философии (университет Ла Риоха, г. Мадрид, Испания)
Л.М. Минкин, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
С.А. Моисеева, докт. филол. наук (Белгородский государственный университет, Россия)
Е.И. Морозова, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
В.Г. Пасынок, докт. пед. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
А.Н. Приходько, докт. филол. наук (Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Украина)
В.А. Самохина, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
Е.А. Селиванова, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)
Л.В. Солощук, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
М. Фриман, доктор философии, почетный профессор (Вэлли Колледж, г. Лос-Анжелес); со-директор (Мэрифилд институт когниции и гуманитарных наук, г. Хит, США)
Н. Чабан, доктор философии (университет Кентербери, г. Крайстчерч, Новая Зеландия)
В.Е. Чернявская, докт. филол. наук (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Россия)

Секретарь:

М.В. Котов, канд. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Адрес редакционной коллегии:

Украина, 61022, г. Харьков, пл. Свободы, 4
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина
Факультет иностранных языков Тел.: (057) 707-51-44
irina.shevchenko7@gmail.com
Интернет-страница журнала: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>
Текст дается в авторской редакции.

Статьи прошли внутреннее и внешнее рецензирование.

Периодичность – 2 выпуска в год.

Журнал «Kognitsia, kommunikatsia, diskurs» индексирован в международной базе данных ERIH PLUS (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/periodical/info?id=491014>)

© Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, оформление, 2017

ISSN 2218-2926

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені В.Н. КАРАЗІНА

КОГНІЦІЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС

Напрямок “Філологія”

№ 14

Міжнародний електронний збірник наукових праць

Започаткований у 2010 р.

Включено до Переліку спеціалізованих наукових видань України
(наказ МОН України від 07.10.2016 № 1222)

Харків
2017

Статті даного випуску містять результати досліджень лінгвістів України та Вірменії в області лінгвокогнітивістики і наративістики, прагматики традиційної та когнітивної на матеріалі англійських, українських, вірменських, російських художніх і психопатологічних текстів в аспекті лінгвістики та перекладознавства.

Для лінгвістів, викладачів, аспірантів та магістрантів.

Затверджено рішенням Вченої ради
Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна
(протокол № 9 від 19 червня 2017 р.)

Редактор:

І.С. Шевченко, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

Відповідальний секретар:

Є.В. Бондаренко, доктор філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

Редакційна колегія:

Д. Александрова, доктор філософії (університет Климента Охридського, м. Софія, Болгарія)

Л.Р. Безугла, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

А.Д. Белова, докт. філол. наук (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна)

Д. Вандервекен, доктор філософії (університет Квебека, м. Труа-Рив'єр, Канада)

С.К. Гаспарян, докт. філол. наук (Єреванський державний університет, Вірменія)

С.А. Жаботинська, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)

В.І. Карасик, докт. філол. наук (Волгоградський державний педагогічний університет, Росія)

Є.А. Карпіловська, докт. філол. наук (Інститут української мови Національної академії наук України, Україна)

Г. Коллер, доктор філософії (університет імені Фрідріха Александра, м. Ерланген-Нюрнберг, Німеччина)

Г.М. Манаєнко, докт. філол. наук (Ставропольський державний педагогічний інститут, Росія)

А.П. Мартинюк, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

Ф.Д. Матіто, доктор філософії (університет Ла Риоха, м. Мадрид, Іспанія)

Л.М. Мінкін, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

С.А. Моїсеєва, докт. філол. наук (Белгородський державний університет, Росія)

О.І. Морозова, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

В.Г. Пасинок, докт. пед. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

А.М. Приходько, докт. філол. наук (Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара, Україна)

В.О. Самохіна, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

О.О. Селіванова, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)

Л.В. Солощук, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

М. Фріман, доктор філософії, почесний професор (Веллі коледж, м. Лос-Анжелес); співдиректор (Мерифілд інститут когніції та гуманітарних наук, м. Хіт, США)

Н. Чабан, доктор філософії (університет Кентербері, м. Крайстчерч, Нова Зеландія)

В.Є. Чернявська, докт. філол. наук (Санкт-Петербурзький державний політехнічний університет (Росія)

Секретар:

М.В. Котов, канд. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61022, м. Харків, майдан Свободи, 4

Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна

Факультет іноземних мов. Тел.: (057) 707-51-44

irina.shevchenko7@gmail.com

Інтернет-сторінка журналу: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

Текст подано в авторській редакції.

Статті пройшли внутрішнє та зовнішнє рецензування.

Періодичність – 2 випуски на рік

Журнал «Kognitsia, kommunikatsia, diskurs» індексовано в міжнародній базі даних ERIH PLUS
(<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/periodical/info?id=491014>)

© Харківський національний університет
імені В.Н. Каразіна, оформлення, 2017

ISSN 2218-2926

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF UKRAINE

V.N. KARAZIN KHARKIV NATIONAL UNIVERSITY

COGNITION, COMMUNICATION, DISCOURSE

Series “Philology”

14

International on-line journal

<http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

Published since 2010

**Included in the list of specialized scientific publications in Ukraine
(The order of the Ministry of Education and Science of Ukraine
from 07.10.2016 № 1222)**

**Kharkiv
2017**

The articles in this issue contain the results of studies of Ukrainian and Armenian linguists in the field of cognitive and narrative studies, traditional and cognitive pragmatics on the material of English, Ukrainian, Armenian, Russian literary and psychopathological texts in the aspect of linguistic and translation studies.

For linguists, teachers, graduate students and undergraduates.

Editor:

Iryna Shevchenko, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine, irina.shevchenko7@gmail.com)

Executive Secretary:

Y.V. Bondarenko, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine; ievgeniia.bondarenko.2014@gmail.com)

Editorial Board:

Donka Alexandrova, Doctor, Professor (University St.Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria)

A.D. Belova, Doctor, Professor (Kyiv National Taras Shevchenko University, Ukraine)

L.R Bezugla, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Natalia Chaban, PhD, Associate Professor (University of Canterbury, Christchurch, New Zealand)

V.E. Chernyavskaya, Doctor, Professor (St. Petersburg State Research Polytechnical University, Russia)

Margaret H. Freeman, PhD, Co-director of Myrifiel Institute for Cognition and the Arts, Health; Professor Emeritus (Valley College, Los Angeles, USA)

S.K. Gasparian, Doctor, Professor (Yerevan State University, Armenia)

Vladimir Karasik, Doctor, Professor (Volgograd State Pedagogical University, Russia)

Y.A. Karpilovska, Doctor, Professor (Ukrainian Language Institute, National Academy of Sciences, Kyiv, Ukraine)

Gerhardt Koller, PhD, Professor (Friedrich Alexander University, Erlangen-Nuremberg, Germany)

G.N. Manaenko, Doctor, Professor (Stavropol State Pedagogic Institute, Russia)

A.P. Martyniuk, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Dominguez Matito, F., PhD, Professor Titular (University of La Rioja, Spain)

L.M. Minkin, Doctor, Professor (Kharkiv National Pedagogical University, Ukraine)

S.A. Moiseyeva, Doctor, Professor (Belgorod State Research University, Russia)

E.I. Morozova, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

V.G. Pasyuk, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

A.M. Prikhodko, Doctor, Professor (Dnepropetrovsk National University, Ukraine)

V.A. Samokhina, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

O.O. Selivanova, Doctor, Professor (Bogdan Khmelnytsky Cherkassy National University, Ukraine)

L.V. Soloschuk, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Daniel Vanderveken, PhD, Full Professor (University of Quebec at Trois-Rivières, Canada)

S.A. Zhabotinska, Doctor, Professor (Bogdan Khmelnytsky Cherkassy National University, Ukraine)

Secretary:

M.V. Kotov, PhD, Associate Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Editorial Address:

Ukraine, 61022, Kharkov, Svobody square, 4

(V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Faculty of Foreign Languages

Tel.: (057) 707-51-44

Internet-page: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

All articles are peer reviewed

Published 2 issues a year

Recommended by the Academic Council of V.N. Karazin Kharkiv National University
(Minutes № 6 of 28 May 2010)

This open access peer reviewed journal is indexed in ERIH PLUS Index database as
«Kognitsia, kommunikatsia, diskurs».

(<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/periodical/info?id=491014>)

© 2017 V.N. Karazin Kharkiv National University, Cover design: Vadim Shevchenko

СОДЕРЖАНИЕ

Безуглая Л.Р. ИМПЛИКАТУРЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА	8
Савчук Р.И. ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ФРАНЦУЗСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ XVIII–XXI ВЕКОВ	19
Chubaryan A.E., Karapetyan R.R. COMPLEXITY OF NATURAL PHENOMENA AND LINGUISTIC COHERENCE	36
Gasparyan S., Sargsyan M., Madoyan G. SYNTACTIC AND RHYTHMIC PROPERTIES OF REPRESENTING THE CONCEPT OF “LONELINESS” IN K. MANSFIELD’S SHORT STORIES	45
Kravchenko N. INDIRECT SPEECH ACTS VIA CONVERSATIONAL IMPLICATURES AND PRAGMATIC PRESUPPOSITIONS	54
Muradian G.H. FACT AND FICTION IN RAY BRADBURY’S <i>FAHRENHEIT 451</i>	67
Strelchenko N.S. ECHO QUESTIONS IN ENGLISH CONVERSATIONAL DISCOURSE: STRUCTURAL-SEMANTIC, COGNITIVE-COMMUNICATIVE, AND FUNCTIONAL CHARACTERISTICS	75
Vakhovska O.V. METAPHORS OF DEPRESSIVE EMOTIONS IN PSYCHOPATHOLOGICAL DISCOURSE: A COGNITIVE LINGUISTIC ANALYSIS	86
Редакционная коллегия	98
Рекомендации авторам по оформлению статей	101

УДК 81.255.4

ИМПЛИКАТУРЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

Л.Р. Безуглая (Харьков, Украина)

Л.Р. Безуглая. Импликатуры поэтического текста в аспекте перевода.

Закономерности воспроизведения импликатур при переводе поэтических текстов рассматриваются на материале переводов миниатюр Маши Калеко и Роберта Гернгардта Генрихом Ейгером. Основной чертой импликатуры является то, что она намеренно вкладывается автором в высказывание. Создавая поэтический текст, автор имеет две разновидности интенции: 1) референтивную, которая связана с референцией – соотношением слов с положениями вещей внешнего мира, и 2) эстетическую – позитивное эмоционально-оценочное отношение к создаваемой вербальной форме. Импликатуры поэтического текста отражают и референтивную, и эстетическую интенцию. Они одновременно реферируют и к положениям вещей внешнего мира (собственно референция), и к словам (авто-референция). Поэтому их воспроизведение в переводе имеет двойное значение – как для передачи содержания текста, так и для отображения идиостиля автора. Каждая импликатура принадлежит к одному из двух уровней коммуникации, которые выделяются в художественном тексте: а) вертикальному – коммуникация между автором и читателем, б) горизонтальному – коммуникация между персонажами текста. Установлено два случая воспроизведения импликатур исходного текста – сохранение и утрата. В первом случае имеются три возможности: 1) переводчику удастся воспроизвести импликатуру такими же средствами, как она выражена в оригинале; 2) оригинальное высказывание, порождающее импликатуру, отличается грамматически от текста перевода; 3) переводчик вынужден использовать другие языковые средства для воспроизведения импликатуры. Во втором случае имеются три возможности: 1) экспликация импликатуры, 2) замена ее на другую импликатуру, 3) полная утрата.

Ключевые слова: высказывание, Г. Ейгер, импликатура, интенция автора, М. Калеко, перевод, поэтический текст, Р. Гернгардт, уровни коммуникации.

Л.Р. Безуглая. Імплікатури поетичного тексту в аспекті перекладу. Закономірності відтворення імплікатур при перекладі поетичних текстів розглядаються на матеріалі перекладів мініатюр Маші Калеко та Роберта Гернгардта Г. Ейгером. Головною рисою імплікатури є те, що вона навмисно вкладається автором у висловлення. Створюючи поетичний текст, автор має два різновиди інтенції: 1) референтивну, яка пов'язана із референцією – співвіднесенням слів зі станами речей зовнішнього світу, та 2) естетичну – позитивне емоційно-оцінне ставлення до створюваної вербальної форми. Імплікатури поетичного тексту відображають і референтивну, і естетичну інтенцію. Вони одночасно реферують і до станів речей зовнішнього світу (власне референція), і до слів (авто-референція). Тому їх відтворення у перекладі має подвійне значення – як для передачі змісту тексту, так і для відображення ідіостилу автора. Кожна імплікатура належить одному з двох рівнів комунікації, які виокремлюються у художньому тексті: а) вертикальному – комунікація між автором і читачем, б) горизонтальному – комунікація між персонажами тексту. Встановлено два випадки відтворення імплікатур вихідного тексту – збереження і втрата. У першому випадку наявні три можливості: 1) перекладачу вдається відтворити імплікатуру такими ж засобами, як її виражено в оригіналі; 2) оригінальне висловлення, що породжує імплікатуру, відрізняється граматично від тексту перекладу; 3) перекладач мусить використовувати інші мовні засоби для відтворення імплікатури. В другому випадку наявні три можливості: 1) експлікація імплікатури, 2) заміна її на іншу імплікатуру, 3) повна втрата.

Ключові слова: висловлення, Г. Ейгер, імплікатура, інтенція автора, М. Калеко, переклад, поетичний текст, рівні комунікації, Р. Гернгардт.

L.R. Bezugla Implicatures of poetic text: translation methods. Consistent patterns of conveying implicatures in translating poetic texts are described on material of Mascha Kaléko's and Robert Gernhardt's miniatures translated by Genrikh Yeyger. The main feature of implicature is that it is enclosed in utterance intentionally by the speaker. Creating a poetic text, the author has two kinds of intentions – 1) referential intention which is connected with reference – correlation of words and states of affairs in the outside world, and 2) aesthetic intention – author's positive emotional-appraisive attitude to the verbal form being created. Implicatures in poetry reflect both referential and aesthetic intentions. They simultaneously refer to states of affairs in the outside world (the reference itself) and to words (self-reference). That is why their reproduction in translation is twice as important – for recreating text content as well as reflecting author's individual style. Each implicature belongs to one of two communication levels distinguished in literary text: a) vertical – communication between author and reader; b) horizontal – communication between characters of a text. The two ways of conveying implicatures of original text are determined: keeping and losing implicature. In the first case there are three possible options: 1) translator manages to convey an implicature by using the same means as in the original; 2) the original utterance containing an implicature can slightly differ grammatically from the translated equivalent; 3) translator has to use other suitable language means to reproduce an implicature;. In the second case there are three options: 1) explication of an implicature; 2) substitution with another implicature; 3) complete loss.

Key words: author's intention, communication levels, G. Yeyger, implicature, M. Kaléko, R. Gernhardt, poetic text, translation, utterance.

Введение

Речь человека пронизана скрытыми, имплицитными смыслами, которые не выражены буквально, но выводятся – с разной степенью осознанности – на основе буквальных значений языковых единиц.

Воспроизведение имплицитных смыслов при переводе представляет одну из важнейших проблем, решение которой является актуальной задачей переводоведения и неизменно привлекает исследователей (см. например: [Баклан 2016; Кашичкин 2003; Нефедова 2001]).

Действенным инструментом установления закономерностей воспроизведения имплицитных смыслов при переводе представляется теория импликатур Г.П. Грайса [Grice 1993], популярная в западном языкознании. Считается, что она «принадлежит к обязательным трюизмам общей лингвистической эрудиции» [Harras 1999: 2], являясь одним из значительнейших лингвистических открытий 20-го века [Heringer 1994: 40]. Наименование «открытие» может вызвать возражение – открыть можно лишь объективно существующую в природе сущность, а теория импликатур представляет собой скорее эпистемологический инструмент анализа того, что скрыто между строк. Тем не менее, другой подобной теории, дающей возможность системно описать все разнообразие имплицитных смыслов в речевой коммуникации, пока не создано.

Будучи языковой универсалией, импликатуры проявляют и национально-культурное своеобразие, прежде всего, в плане способов языкового выражения [Heringer 1994: 47]. Выявление межкультурной специфики импликатур дает выход и в лингводидактику [Безугла 2013а; Bouton 1994], и в теорию перевода.

Цель настоящей статьи – установить закономерности воспроизведения импликатур поэтических текстов в переводе. Материалом послужили поэтические миниатюры немецкоязычных авторов Маши Калеко и Роберта Гернхардта, переведенные на русский язык Генрихом Ейгером.

Генрих Ейгер – профессор Харьковского университета им. В.Н. Каразина, ныне живущий в Германии. Помимо плодотворной научной деятельности (статьи по проблемам теории коммуникации, переводоведения, лингвистики текста и психолингвистики)

он выпустил две книги поэтических переводов с немецкого на русский и с русского на немецкий.

Вначале есть смысл рассмотреть понятие импликатуры и определить специфику импликатур поэтического текста. Затем обратимся непосредственно к возможностям воспроизведения импликатур поэтических текстов Маши Калеко и Роберта Гернхардта в переводах Генриха Ейгера.

Теория импликатур и поэтический текст

Импликатура представляет собой имплицитный смысл высказывания, который намеренно вкладывается в него адресантом и выводится адресатом в дискурсе.

По Г.П. Грайсу, коммуниканты, общаясь, руководствуются основополагающим принципом кооперации, который состоит в том, что они принимают цели и установки друг друга, какими бы те ни были, иначе общения не происходит [Grice 1991: 26]. Этому принципу подчинены конверсационные максимы, предписывающие, что высказывание должно:

- 1) быть в меру кратким и достаточно информативным (максимы количества);
- 2) быть искренним (максимы качества);
- 3) действительно касаться соответствующей ситуации (максима релевантности);
- 4) быть ясным и недвусмысленным (максимы способа) [ibid.: 30].

Принцип кооперации и конверсационные максимы лежат в основе когнитивного механизма вывода адресатом импликатуры, вложенной адресантом в высказывание. С большей или меньшей степенью автоматичности и осознанности адресат делает цепочку умозаключений, в частности:

- когда буквальная интерпретация высказывания не устраивает адресата, это должно свидетельствовать о нарушении какой-либо максимы адресантом;
- однако для адресата очевидно, что адресант не имеет оснований не следовать принципу кооперации, поскольку продолжает общение;
- адресат приходит к выводу, что это нарушение намеренное и адресант «эксплуатирует» максиму, вкладывая в свои слова нечто большее, чем они конвенционально означают;
- анализируя высказывание и контекст, адресат выводит имплицитно выраженный в высказывании смысл – импликатуру.

Один из ярких примеров импликатуры принадлежит С. Левинсону [Levinson 2001: 138]:

– *Was ist mit dem Braten passiert?*

– *Der Hund sieht sehr zufrieden aus. +> Der Hund hat den Braten gefressen* (знак «+>» означает «имплицитирует» [Meibauer 2001: 27]).

Вывод этой импликатуры представляет собой приблизительно следующую цепочку умозаключений адресата (ср.: [Levinson 2001: 124]):

- 1) я спросил, что случилось с мясом;
- 2) мой собеседник ответил, что собака выглядит довольной;
- 3) он нарушил максиму релевантности – его высказывание касается собаки, хотя я спросил о мясе;
- 4) у меня нет причин предполагать, что собеседник не придерживается принципа кооперации, потому что он ответил на мой вопрос;
- 5) значит, он нарушил максиму релевантности осознанно и намеренно, чтобы вложить в свои слова какой-то небуквальный смысл;
- 6) чтобы сказать, что собака выглядит довольной, придерживаясь принципа кооперации, собеседник должен иметь в виду, что именно собака съела мясо;

7) он должен знать, что мы оба знаем, что предполагается, что собака съела мясо, если выходить из того, что он кооперативен;

8) он ничего не сделал, чтобы заставить меня, своего собеседника, не верить, что собака съела мясо;

9) следовательно, наверное, он хотел, чтобы я поверил, что собака съела мясо, и, говоря, что собака выглядит довольной, он имел в виду, что она довольная, потому что съела мясо.

Главное свойство имплицатуры состоит в том, что она является интендируемой, т.е. вкладывается в высказывание адресантом намеренно, будучи отображенной в его коммуникативной интенции в виде перлокутивной цели – адресант намеревается воздействовать на адресата так, чтобы тот вывел имплицатуру. Выводимость является, таким образом, другим свойством имплицатуры.

Имплицатуры подразделяются Грайсом на конвенциональные и конверсационные. Имплицатура является конвенциональной, если «ее определяет конвенциональное значение употребляемых слов» [Grice 1991: 25], иначе она квалифицируется как конверсационная, «будучи связанной с определенными чертами дискурсивного контекста» [ibid.: 26], к которым относится принцип и максимы кооперации. Языковые элементы, к которым привязаны конвенциональные имплицатуры, – это своего рода триггеры, которые вызывают активацию имплицатуры в сознании коммуникантов, адресант использует их для интендирования имплицатуры, а адресат – для ее выведения.

Теория имплицатур создавалась с опорой на разговорный дискурс. Поэтому на первый взгляд, она не может быть применена к поэтическому тексту. С другой стороны, поэзии присуща иносказательность, глубина и смысловая емкость каждой строки, создающаяся имплицитными смыслами. Вспомним основной внутренний закон поэтического искусства, сформулированный Е.Г. Эткиндром – «максимальная сжатость словесного пространства при беспредельной емкости жизненного содержания» [Эткинд 2004: 125]. Иными словами, поэзии присуща иносказательность, глубина и смысловая емкость каждой строки, создающаяся имплицитными смыслами. Именно высокая концентрация имплицитных смыслов в поэтическом тексте говорит в пользу применения теории имплицатур для его анализа.

Имплицатуры поэтического текста имеют свою специфику, которая определяется свойствами поэтического текста в целом, а именно ведущей ролью эстетической функции языка, автореферентивностью, первенством языковой формы и фикциональностью. Эстетическая (поэтическая) функция языка, предполагающая рассмотрение речевого сообщения как произведения словесного искусства [Якобсон 1975: 193], основана на автореферентивности – сосредоточении на словах ради самих слов, что обуславливает первенство языковой формы над содержанием текста, в результате чего становится закономерной фикциональностью – принцип несоответствия слова и реальной действительности.

В этой связи становится очевидным, что не все имплицитные смыслы поэтического текста являются имплицатурами, а только намеренные, входящие в интенцию автора.

Специфическими чертами авторской интенции поэтического текста являются: ограниченность репрезентационным уровнем, фикциональностью, текстовое выражение, двойственный характер – одновременная реализация двух видов интенции – референтивной и эстетической (более подробно об этом см. [Безуглая 2013b]).

Имплицатуры поэтического текста отражают не только референтивную интенцию автора, но и эстетическую. Референтивная интенция автора предполагает отражение положений вещей внешнего мира, эстетическая – его положительное эмоционально-оценочное отношение к создаваемой словесной форме. Создавая поэтический текст, автор сосредоточен не только на его содержании, но и на самих словах, на гармонии словесных комбинаций, на возникающих образах и ассоциациях.

Имплицатуры в поэзии одновременно реферируют и к положениям вещей внешнего мира (собственно референция), и к словам (авто-референция). Поэтому их воспроизведение при переводе вдвойне значимо – и для воссоздания содержания текста, и для отражения идиостиля автора.

Имплицатура является продуктом акта коммуникации. Коммуникация же имеет в поэтическом тексте свою специфику. Адресантом поэтического текста выступает его автор, поэт, а адресатом (в соответствии с классификацией Г.Г. Почепцова [Почепцов 2009: 450]) может быть реальный человек, обобщенный, коллективный адресат (читатель, современники, все человечество), а также не прямой адресат, квазиадресат (неживой предмет, божественная сущность), или же сам автор (об особенностях поэтической коммуникации см. [Безуглая 2013b]).

Для анализа имплицатур поэтического текста важно, что в поэзии, как и в художественной литературе в целом, выделяются два уровня коммуникации: 1) вертикальная – коммуникация автора с читателем, и 2) горизонтальная – коммуникация персонажей друг с другом, если таковые имеются в поэтическом тексте (см. обзор в [Безугла 2007: 68]). Соответственно, имплицатуры относятся к тому или иному уровню.

Соотношение имплицатуры и порождающего высказывания имеет три типа:

1) и имплицатура, и высказывание, ее порождающее, относятся к вертикальной коммуникации;

2) и имплицатура, и высказывание, ее порождающее, относятся к горизонтальной коммуникации;

3) высказывание, порождающее имплицатуру, относится к горизонтальной коммуникации, а сама имплицатура – к вертикальной.

Следует подчеркнуть, что для анализа с позиций теории имплицатур приемлема не всякая поэзия. Наиболее частотны имплицатуры в коротких, афористичных стихах – миниатюрах. Миниатюра – небольшое стихотворение законченной формы с глубоким содержанием. Основная мысль, как правило, подается в скрытой форме, т.е. является имплицатурой. Миниатюры характерны для творчества Маши Калеко и Роберта Гернхардта. Такие стихи привлекательны для переводчика именно задачей (порой очень сложной) воспроизвести имплицатуры. С этой задачей успешно справляется Генрих Ейгер.

Воспроизведение имплицатур в переводе миниатюр

Маши Калеко и Роберта Гернхардта Генрихом Ейгером

Чаще всего переводчику удается сохранить имплицатуру. В идеальном случае сохраняются и структурно-семантические характеристики порождающего ее высказывания. В качестве примера рассмотрим стихотворение Маши Калеко „Unbescheidene Bescheidenheit“:

Mascha Kaléko
UNBESCHIEDENE BESCHIEDENHEIT

„Das ist ein so bescheidener Mensch!
Den mag jeder leiden“.
Wenn dies sein einziger Vorzug ist –
Worauf ist er so bescheiden?

+> *Wenn er keine Vorzüge hat, gibt es keinen Grund ihn bescheiden zu nennen*

Генрих Ейгер
НЕСКРОМНАЯ СКРОМНОСТЬ

«Он скромный человек!
Тем он приятен всегда». Но если это единственный плюс –
То в чем его скромность тогда?

+> *Если у него нет достоинств, нет основания называть его скромным*

Переводчику удастся передать импликатуру, используя те же средства, что и в оригинале. Триггером импликатуры выступает лексема *bescheiden*. В первой половине катрена имеется в виду первое значение этого слова – ‘простой, умеренный’. А в импликатуре актуализируется второе значение – ‘сдержанный в демонстрации собственных достоинств’.

Риторический вопрос *Wenn dies sein einziger Vorzug ist – Worauf ist er so bescheiden? / Но если это единственный плюс – То в чем его скромность тогда?* порождает импликатуру +> *Wenn er keine Vorzüge hat, gibt es keinen Grund ihn bescheiden zu nennen / Если у него нет достоинств, нет основания называть его скромным.*

Для переводчика облегчающим обстоятельством явилось то, что немецкое *bescheiden* и русское *скромный* полностью совпадают в семантике.

В приведенном стихотворении импликатура представляет вертикальный уровень коммуникации – автора с читателем, как и порождающее ее высказывание (первый тип соотношения импликатуры и порождающего высказывания).

Исходное высказывание, содержащее импликатуру, может немного отличаться грамматически от переводного соответствия. Например, в стихотворении Маши Калеко „Herz contra Hirn“ импликатура +> *Intuition ist wichtiger als Hirn / Интуиция важнее разума* порождается словами персонажа Интуиции *Ach, das...? – Das wusst ich immer schon*, где глагол стоит в прошедшем времени. Соответствующее русское *Ах, это...? Я давно уж знаю* содержит глагол в настоящем времени:

Mascha Kaléko

Генрих Ейгер

HERZ CONTRA HIRN

ИНТУИЦИЯ ПРОТИВ РАЗУМА

Wie müht sich unser Intellekt,
bis er ein Körnchen Gold entdeckt:
Drauf gähnt Madame Intuition:
„Ach, das...? – Das wusst ich immer schon!“

Как много разуму трудиться,
Чтоб истины найти крупицу:
А интуиция зевает:
«Ах, это...? Я давно уж знаю».

+> *Intuition ist wichtiger als Hirn*

+> *Интуиция важнее разума*

Примечательно, что, хотя порождающее импликатуру высказывание представляет слова персонажа, импликатура относится к вертикальной коммуникации (третий тип соотношения импликатуры и порождающего высказывания).

Импликатура может сохраняться в переводе, однако порождающие высказывания в оригинале и в тексте перевода различаются в структурно-семантическом отношении. Пример – стихотворение Роберта Гернхардта „Basis und Überbau“:

Robert Gernhardt
BASIS UND ÜBERBAU

Генрих Ейгер
БАЗИС И НАДСТРОЙКА

Die Basis sprach zum Überbau:
„Du bist ja heut schon wieder blau!“
da sprach der Überbau zur Basis:
„Was is?“

Надстройке базис говорит:
«Да от тебя опять разит!»
Надстройка ответила базису так:
«П-п-п-у-сс-тяк!»

+> *Du bist betrunken*

+> *Ты пьяна*

+> *Der Überbau ist sehr betrunken*

+> *Надстройка очень пьяна*

Видя название, читатель невольно ждет какой-то скрытый философский смысл, однако, как оказывается, персонажи Базис и Надстройка введены автором по вполне безобидному поводу – эти слова создают хорошую рифму: *Überbau – blau, Basis – Was is?* Автор сосредотачивается на красоте слова – наблюдаем отражение его эстетической интенции. Он наслаждается формой – рифмой, ритмом, интонацией, сплетением слов и импликатурами, которые они порождают. Базис и надстройка персонифицируются – предстают людьми, которым ничего не чуждо. На основе неконгруэнтности между претензией на философию и приземленным смыслом возникает юмористический эффект.

Все это прекрасно передано в переводе (хотя ритм несколько отличается, что в данном случае не важно). Здесь наблюдаем коммуникацию двух уровней. Первая импликатура относится к горизонтальному уровню: Базис передает Надстройке смысл +> *Du bist betrunken / Ты пьяна*. Это конвенциональная импликатура, привязанная к значению фразеологической единицы *blau sein*, которая выступает ее триггером. Имеет место второй тип соотношения импликации и порождающего высказывания.

Вторая импликатура, хоть и вкладывается автором в слова Надстройки, относится к интенции автора, а не Надстройки: укороченным стихом автор передает читателю смысл +> *Der Überbau ist sehr betrunken / Надстройка очень пьяна*, таким образом, наблюдаем третий тип соотношения импликации и порождающего ее высказывания.

Хотя импликатура полностью сохранена в переводе, языковые средства для ее порождения применены другие, абсолютно адекватные: *du bist blau* заменяется на *от тебя разит, Was is?* – на графически выделенное *П-п-п-у-сс-тяк*. Кроме того, происходит замена рода персонифицированных существительных: в немецком языке говорит трезвая женщина *Basis* и пьяный мужчина *Überbau*, в русском – трезвый мужчина *Базис* и пьяная женщина *Надстройка*.

Импликатура не всегда сохраняется при переводе. Если импликатуру невозможно сохранить, переводчик ее эксплицирует. Этот принцип применен Г. Ейгером в следующем стихотворении Маши Калеко. Метафорическая импликатура +> *Mein schönstes Gedicht wohnt in meiner Seele* передается эксплицитно – *Он в глубине души*:

Mascha Kaleko

Mein schönstes Gedicht.

Ich schrieb es nicht.

Aus tiefster Tiefe stieg es.

Ich schwieg es.

Генрих Ейгер

Мой лучший стих?

Возник и стих.

Он в глубине души.

Попробуй, запиши!

+> *Mein schönstes Gedicht wohnt in meiner Seele*

К сожалению, окказиональное употребление Машей Калеко глагола *schweigen* как переходного остается без внимания переводчика – он заменяет ассертив в последней строке директивом *Попробуй, запиши!* Этим, а также вопросом в первой строке *Мой лучший стих?* усиливается адресатный аспект стихотворения. Обращенность к читателю делает его диалогичным, в то время как исходный текст представляет раздумья автора, благодаря повествовательным предложениям, совпадающим со строками, и пролепсису –вынесению за рамки синтаксической структуры существительного *Gedicht* и замещению его позиции местоимением *es*. Таким образом, экспликация импликации происходит в ущерб передаче эстетической интенции автора.

Возможен и другой прием – замена импликации на другую, адекватную в контексте, который представлен в стихотворении Роберта Гернхардта „*Ökumenischer Dialog*“:

Robert Gernhardt
ÖKUMENISCHER DIALOG

„Trinken ist ein Laster –
ist das klar, Herr Pastor?“

„Alles klar, Herr Kardinal –
dasselbe bidde noch einmal!“

+> *Schenken Sie mir noch etwas
ein, was ich eben getrunken habe*

Генрих Ейгер
ЭКУМЕНИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

«Пастор, среди мирских утех
Пьянство – это страшный грех».

«Понял я, герр кардинал,
Мне того же в мой бокал!»

+> *Налейте мне того же, что и себе*
+> *Кардинал тоже выпивает*
+> *Церковные служители – пьяницы,
и это плохо*

Высказывание *dasselbe bidde noch einmal!*, принадлежащее одному из персонажей – пастору, порождает импликацию +> *Schenken Sie mir noch etwas ein, was ich eben getrunken habe* / *Налейте мне еще того же, что я только что пил*. Однако в переводе возникает другая импликация: +> *Налейте мне того же, что и себе*. Это происходит благодаря добавлению переводчиком словосочетания *в мой бокал*, которое, занимая сильную позицию текста, становится триггером импликации.

В исходном тексте этой импликации нет, автор хочет показать пьянство только пастора, передавая его нечленораздельную речь графически. В переводе такое выделение было бы бессмысленным, поскольку противопоставило бы пастора кардиналу, что противоречит импликации.

Более того, на уровне вертикальной коммуникации актуализируется еще одна импликация, автор будто говорит читателю: +> *Кардинал тоже выпивает* +> *Я осуждаю церковных служителей за пьянство*.

Таким образом, это тот случай, когда перевод оказывается интересней и глубже оригинала – так называемый «сверхперевод» [Кашичкин 2003: 19].

Наконец, при переводе импликация может полностью утрачиваться. Пример – стихотворение Роберта Герхардта „Gespräch des Geschöpfes mit dem Schöpfer“:

Robert Gernhardt

GESPRÄCH DES GESCHÖPFS
MIT DEM SCHÖPFER

„Schier sechzig Jahr auf deiner Welt –
bekomme ich jetzt Schmerzensgeld?“

„Mein Kind, mir geht dein Wunsch zu Herzen:
Geld hab ich keins.
Doch kriegst du Schmerzen!“

+> *Wenn man sich Geld wünscht, dann kriegt
man Schmerzen*
Schmerzensgeld +> *Geld bringt Schmerzen*

Генрих Ейгер

РАЗГОВОР СОЗДАТЕЛЯ
И ТВОРЕНИЯ

«Я прожил полвека –
страх и мученья!

Прошу за моральный ущерб
возмещения!»

«Нет денег в казне, но взамен
обещаю:

Останутся муки. А страх я
снимаю!»

Триггером импликации выступает сложное существительное *Schmerzensgeld*, отражающие композитную специфику немецкого языка. Его соответствие в русском – ‘денежная компенсация за моральный или материальный ущерб’.

Благодаря фигуре хиазма – перестановки композитных элементов *Schmerzen* и *Geld* – возникает импликатура +> *Wenn man sich Geld wünscht, dann kriegt man Schmerzen*, а также окказиональное значение слова *Schmerzensgeld* +> *Geld bringt Schmerzen* / *Деньги приносят боль*. Переводчик не находит возможности воспроизвести эти импликации, но передает хиазм. Он обыгрывает в хиазме слова *страх* и *мученья*. Смысл немного меняется. Кроме того, из-за отсутствия смысловой некогруэнтности, создаваемой высказыванием *Mein Kind, mir geht dein Wunsch zu Herzen* / *Дитя мое, я понимаю твоё желание*, которое остается не воспроизведенным, ослабевает комический эффект.

Следовательно, из-за потери импликации и референтивная, и эстетическая интенция автора остаются не в полной мере отраженными в переводе.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ позволяет суммировать возможности воспроизведения импликаций исходного текста в переводе:

1. Сохранение импликации:

- 1-1) с сохранением порождающего высказывания,
- 1-2) с грамматической модификацией порождающего высказывания,
- 1-3) с заменой порождающего высказывания.

2. Утрата импликации:

- 2-1) экспликация импликации,
- 2-2) замена ее на другую импликацию,
- 2-3) полная утрата.

Анализ переводов немецкоязычных поэтических миниатюр Г. Эйгера дает возможность убедиться, что теория импликаций Г.П. Грайса является действенным инструментом установления закономерностей воспроизведения имплицитных смыслов при переводе поэтических текстов.

Перспективным представляется рассмотрение механизмов воспроизведения различных типов импликаций при переводе художественных текстов разных жанров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баклан І.М. Відтворення імпліцитності у перекладі текстів німецькомовного офіційно-ділового дискурсу : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.16 / І.М. Баклан. – Херсон, 2016. – 20 с.
2. Безугла Л.Р. Вербалізація імпліцитних смислів у німецькомовному діалогічному дискурсі / Л.Р. Безугла. – Харків : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2007. – 332 с.
3. Безугла Л.Р. Дидактичні аспекти теорії імплікатур / Л.Р. Безугла // Сучасні фундаментальні теорії та інноваційні практики навчання іноземної мови у вузі. – Х. : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2013а. – С. 114–138.
4. Безуглая Л.Р. Прагмапоэтика в когнитивном измерении // Вісник Київ. нац. лінгв. ун-ту. Серія «Філологія». – 2013б. – Т. 16, № 2. – С. 20–27.
5. Кашичкин А.В. Имплицитность в контексте перевода : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.20 / А.В. Кашичкин ; МГЛУ. – М., 2003. – 26 с.
6. Нефедова Л.А. Когнитивно-типологический аспект имплицитной коммуникации (на материале французских текстов и их переводов на русский язык) : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.02.20 / Л.А. Нефедова ; УГПУ. – Екатеринбург, 2001. – 41 с.
7. Почепцов Г.Г. Избранные труды по лингвистике / Г.Г. Почепцов. – Харьков : ХНУ им. В.Н. Каразина, 2009. – 556 с.
8. Эткинд Е.Г. Разговор о стихах / Е.Г. Эткинд. – СПб. : ДЕТГИЗ, 2004. – 240 с.
9. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика / Р.О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–230.

10. Bouton L.F. Conversational Implicature in a second Language: Learned Slowly when not Deliberately Taught / L.F. Bouton // *Journal of Pragmatics*. – 1994. – Vol. 22. – P. 157–167.
11. Grice H.P. *Studies in the Way of Word* / H.P. Grice. – Cambridge (Mass.), L. : Harvard Univ. Press, 1991. – 406 p.
12. Harras G. Jenseits von semantischen Konventionen – zum Beispiel: tautologische Äußerungen / G. Harras // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. – 1999. – Heft 27. – S. 1–12.
13. Heringer H.J. Gricesche Maximen und interkulturelle Kommunikation / H.J. Heringer // *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*. – 1994. – Heft 25. – 2. Halbjahr. – S. 40–49.
14. Levinson S.C. *Pragmatik* / S.C. Levinson ; ins Dt. üb. von M. Wiese. – Tübingen : Niemeyer, 2001. – 476 S.
15. Meibauer J. *Pragmatik* / J. Meibauer. – Tübingen : Stauffenburg, 2001. – 208 S.

REFERENCES

- Baklan, I.M. (2016). *Vidtvorennya implitsynosti u perekladi tekstiv nimetskomovnoho ofitsijno-dilovogo dyskursu [Reproducing implicitness in German business discourse texts translation]*. (Candidate dissertation synopsis). Kyiv National Linguistic University, Kyiv, Ukraine. (in Ukrainian).
- Bezugla, L.R. (2007). *Verbalizaciya implicitnykh smysliv u nimeczkomovnomu dialogichnomu dyskursi [Verbalization of implicit meanings in German dialogical discourse]*. Kharkiv: Karazin University Publ.
- Bezugla, L.R. (2013a). Dydaktychni aspekty teorii implikatur [Didactic issues of the implicature theory]. *Suchasni fundamental'ni teorii ta innovacijni prakty'ky` navchannya inozemnoyi movy` u vuzi. – Modern fundamental theories and innovative practices of foreign languages teaching in high schools*, pp. 114–138. (in Ukrainian)
- Bezuglaja, L.R. (2013b). Pragmapojetika v kognitivnom izmerenii [Pragmapoetics in cognitive dimension]. *Visnyk Kyiv nats. linhv. un-tu. – Kyiv Nat. Linguistic University Messenger*, 16 (2), pp.20–27. (in Russian)
- Bouton, L.F. (1994). Conversational implicature in a second language: Learned slowly when not deliberately taught. *Journal of Pragmatics*, 22, 157–167.
- Grice, H.P. (1991). *Studies in the way of word*. Cambridge (Mass.), London: Harvard Univ. Press.
- Harras, G. (1999). Jenseits von semantischen Konventionen – zum Beispiel: tautologische Äußerungen. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 27, 1–12.
- Heringer, H.J. (1994). Gricesche Maximen und interkulturelle Kommunikation. *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*, 25(2), 40–49.
- Jakobson, R.O. (1975). Lingvistika i pojetika [Linguistics and poetics]. *Strukturalizm: "za" I "protiv"*. – *Structuralism: pro and contra*, pp. 193–230. (in Russian).
- Jetkind, E.G. (2004). *Razgovor o stihah [Talk about poetry]*. SPb.: DETGIZ Publ.
- Kashichkin, A.V. (2003). *Implicitnost' v kontekste perevoda [Implicitness: translation methods]*. (Candidate dissertation synopsis). Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia. (in Russian).
- Levinson, S.C. (2001). *Pragmatik*. Tübingen: Niemeyer.
- Meibauer, J. (2001). *Pragmatik*. Tübingen: Stauffenburg.
- Nefedova, L.A. (2001). *Kognitivno-tipologicheskij aspekt implikativnoj kommunikacii (na materiale francuzskih tekstov i ih perevodov na russkij jazyk) [Cognitive and typological issues of implicative communication (on material of French texts and its translation in Russian)]*. (Doctor dissertation synopsis). Ural State Pedagogic University, Yekaterinburg, Russia. (in Russian).
- Pocheptsov, G.G. (2009). *Izbrannye trudy po lingvistike [Selected papers in linguistics]*. Kharkiv: Karazin University Publ.

Источники иллюстративного материала

1. Yeyger G. Augenblicke: Nachdichtungen russischer und deutscher Lyrik / Genrikh Yeyger. – Berlin : Lit Verl., 2006. – 101 S.
2. Yeyger G. Einblicke: Nachdichtungen russischer, ukrainischer und deutscher Lyrik / Genrikh Yeyger. – Berlin : Edita Gelsen, 2009. – 163 S.

Безуглая Лилия Ростиславовна – доктор филол. наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина); e-mail: bezugla@daad-alumni.de

Bezugla Liliia – PhD (doctor of science), Full professor, V.N. Karazin Kharkiv National University, Department of German Philology and Translation (Maidan Svobody, 4, Kharkiv, 61022 Ukraine); e-mail: bezugla@daad-alumni.de

УДК 811.133.1'42:82-3(045)

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ФРАНЦУЗСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ XVIII–XXI ВЕКОВ

Р.И. Савчук (Киев, Украина)

Р.И. Савчук. Лингвокогнитивные нарративные стратегии французского художественного текстообразования XVIII–XXI веков. В статье предложен новый интерпарадигмальный теоретико-методологический подход к раскрытию процессов и механизмов художественного текстообразования, позволивший представить доминантные лингвокогнитивные нарративные стратегии французских художественных текстов XVIII–XXI веков, которые отображают динамику нарративного мышления писателей каждой эпохи. В работе определены типы повествовательной реальности как результат авторских нарративных программ, представленных основными категориями художественного нарратива (голос, темпоральность, пространство, модальность). В ходе анализа французского художественного дискурса XVIII–XXI веков были раскрыты лингвокогнитивные механизмы концептуализации нарративных стратегий XVIII века: "игра" и "зеркало"; была реконструирована фреймовая структура нарративных стратегий XIX века: "взгляд" и "воспоминание" и XX века: "экспрессия" и "самоидентификация"; были сконструированы гештальт-структуры нарративных стратегий конца XX – начала XXI века: "калейдоскоп" и "дублирование".

Ключевые слова: гештальт-структура, лингвонаратология, нарративная стратегия, фрейм-представление, фрейм-ситуация.

Р.І. Савчук Лінгвокогнітивні нарративні стратегії французького художнього текстотворення XVIII–XXI століть. У статті запропонований новий інтерпарадигмальний теоретико-методологічний підхід до розкриття процесів і механізмів художнього текстотворення, що дав змогу представити домінуючі лінгвокогнітивні нарративні стратегії французьких прозових творів XVIII–XXI ст., які відображають динаміку нарративного мислення письменників кожної епохи. У роботі визначено типи оповідної реальності як результат авторських нарративних програм, скомплікованих основними категоріями художнього нарративу (голос, темпоральність, просторовість, модальність). У результаті аналізу французького художнього дискурсу XVIII–XXI століть розкрито лінгвокогнітивні механізми концептуалізації нарративних стратегій XVIII ст.: "гра" і "дзеркало"; реконструйовано фреймову структуру нарративних стратегій XIX ст.: "погляд" і "спогад" та XX ст.: "експресія" і "самоідентифікація"; представлено гештальт-структури нарративних стратегій кінця XX – поч. XXI ст.: "калейдоскоп" і "дублювання".

Ключові слова: гештальт-структура, лінгвонаратологія, нарративна стратегія, фрейм-уявлення, фрейм-ситуація.

R.I. Savchuk. Linguistic, Cognitive and Narrative Strategies of the 18th – 21st centuries French Fictional Text Formation. The research paper elaborates a new interparadigmatic theoretical and methodological approach for the identification and analysis of cognitive narrative strategies of the 18th – 21st centuries French fictional text formation. The complex of applied research operations has made it possible to trace the dynamics of the French writers' narrative thinking in the 18th – 21st centuries. Different types of the narrative reality have been determined as a product of the author's narrative programme which is implemented through such narrative categories, as voice, temporality, space and modality. Linguistic and cognitive mechanisms of "game" and "mirror" narrative strategies conceptualization in the French fictional text formation in the 18th century have been revealed. Linguistic and cognitive basis of the frame organization of the narrative strategies "focus" and "memoirs" in the 19th century French fictional text formation as well as "expression" and "self-identification" in that of the 20th century has been

reconstructed. Postmodern narrative reality in the late 20th – early 21st centuries has been proved to be built like a gestalt structure KALEIDOSCOPE while minimalist narrative reality is constructed on the principle of gestalt structure DUPLICATION.

Key words: concept, conception frame, gestalt structure, linguistic narratology, narrative strategy, situation frame.

Введение

Современная лингвонарратология, ориентирующаяся в последние годы на дискурс-анализ (В.А. Андреева, К.А. Андреева, И.А. Бехта, О.М. Крижовецкая, Л.В. Татари), находится в стадии активного методологического переформатирования и поиска новых методик и направлений в интерпретации художественного текста, учитывая при этом достижения предыдущих эпох.

Один из наиболее оптимальных способов погружения в мир художественного текста предложен, как нам кажется, в концепции представителей тексто-центрированного подхода, [Genette 1972], поскольку именно такое понимание и видение сущности проблем, связанных с порождением и функционированием художественного произведения, позволяет анализировать формо- и смыслообразующие конститuentы текста, которые, собственно, и моделируют индивидуально-авторские нарративные стратегии. По нашему мнению, *нарративные стратегии* представляют собой некую *авторскую программу построения повествовательной реальности* определенного типа с помощью нарративных приемов и средств, техник и тактик, которые создает писатель в ту или иную историко-литературную эпоху.

Сегодня "нарратологический поворот" является характерной особенностью разных гуманитарных парадигм, взаимодействие которых обусловило актуализацию таких направлений в самой нарратологии, как трансжанровый и трансмедиаальный (М. Bal, S. Chatman, M. Fludernik); прагматический и риторический (W. Booth, S. Lanser); когнитивный и метанарративный (M. Steinberg, M. Jahn); постклассический (C. Brooke-Rose, H. Miller) и социолингвистический (D. Herman, W. Labov).

При этом, термин "нарратология" и доныне представляет собой отдельную дискуссионную проблему, поскольку употребляется, по меньшей мере, в двух значениях. Во-первых, нарратологию отождествляют с *нарративными направлениями* или *концепциями* [Herman 1997; 1999; 2003], что значительно расширяет перспективу современных исследований, так как включает любой нарративно организованный дискурс: литературный, историографический, конверсационный, кинематографический и тому подобное. Во-вторых, нарратологию связывают с *нарративной теорией*, разрабатывавшейся в 60-70 годах XX века, в первую очередь, во Франции под эгидой структурализма и его формалистского предшественника [Папуша 2013: 213].

В этом контексте, принципиально важным для нас является то, что именно *постклассические нарративные концепции*, в отличие от классической нарратологии, направленной на анализ повествовательного текста, отдают преимущество анализу нарративных стратегий и тактик не только при восприятии и декодировании повествования, но и при его конструировании.

Из вышеизложенного следует, что постструктуралистская нарратология есть самостоятельной *интерпретативной теорией*, представители которой [Kindt 2008; Lanser 1981; Ryan 2003] пытаются разработать два нарративные аспекты художественного текста: *когнитивный* [Herman 1997; 1999; 2003] и *семиотический* [Бразговская 2008], связанные с такими категориями, как сознание / мышления и художественный дискурс.

Непосредственно в языковедческих работах последних лет (О.А. Бабелюк, Е.А. Гончарова, А.А. Корниенко, Р. Charaudeau) все более важными для исследователей являются новые тенденции в изучении художественного текстопостроения, ведь, рассматривая процесс текстообразования как особенную социальную игру, мы приходим

к выводу о том, что абстрактный и вымышленный авторский "мир идей" [Пропп 2001: 468] последовательно трансформируется в мир реалистичный и конкретный по определенному нарративному сценарию [Прието 1983: 394]. Следовательно, допускаем, что стиль эпохи, ее эстетика и философия отражаются на индивидуальных поисках писателей, предопределяя, таким образом, выбор тех или других нарративных стратегий и тактик в конструировании повествовательной реальности определенного типа.

В настоящее время одним из самых важных факторов художественного текстообразования является **индивидуально-авторская нарративная программа**, выражающаяся в последствии в нарративной форме художественного текста [Королева 2002], в которой кодируются (процесс семиотизации) элементы писательского миропонимания и мировосприятия (когнитивный процесс). Эта позиция основана, прежде всего, на нарративном принципе художественного конструирования текстоформирующих стратегий представления авторского мира или его опыта [Андреева 2009]. В этом случае, полностью оправданным является понимание художественного текста как нарративно организованной системы знаний.

Такой подход к пониманию художественного текста прослеживается в большинстве работ, где реконструкция художественного мышления писателя осуществляется путем выявления и анализа концептуальных знаков текстовой ткани произведений (Е.М. Кагановская), нарративных кодов интимизации (А.В. Королева), музыкальных гамм и психоэмоциональных состояний, иконически вписанных и отображенных в текстовой семантике (О.П. Воробьева), принципов постмодернистского создания стилистических приемов и средств (О.А. Бабелюк, Н.П. Ткачук), дискурсивных и текстовых параметров художественного нарратива в целом (К.А. Андреева, Е.В. Падучева) и др. Однако, невзирая на мощную когнитивно-семиотическую традицию в изучении художественных текстов, дискуссионным и донныне остается вопрос *нарративного текстообразования*, связанного с раскрытием механизмов или "законов глубинной текстовой жизни" [Луцак 2002: 3], которые превращают авторскую словесную практику в упорядоченную систему событий и/или действий.

Актуальность изучения нарративных стратегий художественного текстообразования с позиций когнитивной лингвистики предопределена возможностью изучения взаимосвязей языка и сознания в целом и языка и художественного мышления в частности, прежде всего, в тех аспектах, которые отображают процессы и механизмы художественного текстообразования как процесса реализации авторской нарративной программы. Мы полагаем, что именно комплексная разработка проблематики *нарративных стратегий художественного текстообразования* даст возможность проследить динамику нарративного мышления писателей как представителей определенной культурной эпохи, раскрывая при этом особенности семиозиса их языковых и художественных практик.

Неоспоримым есть тот факт, что французские прозаические произведения XVIII–XXI веков являются теми образцами художественного мышления писателей, которые воплощают общественные настроения в каждый исторический период, а поэтому анализ авторских художественных потенциалов как текстообразующих элементов нарратива каждого века является необходимым для реконструкции механизмов трансформации когнитивных структур в определенные знаково-языковые формы.

Цель нашей статьи мы видим в представлении и раскрытии специфики доминантных лингвокогнитивных нарративных стратегий художественного текстообразования, которые являются наиболее характерными для французских прозаических произведений XVIII–XXI веков.

Достижение поставленной цели предполагает решение **последующих задач**:

- представить синтез основных научных идей в исследованиях художественного нарратива и сформулировать теоретические предпосылки для его понимания с позиций лингвокогнитивной семиотики;

- уточнить понятие "нарративной стратегии" в контексте когнитивных процессов и механизмов текстообразования;

- идентифицировать тип повествовательной реальности во французских художественных произведениях XVIII–XXI веков как результат авторских нарративных программ, представленных основными категориями художественного нарратива (голос, темпоральность, пространство, модальность);

- раскрыть лингвокогнитивные механизмы концептуализации нарративных стратегий XVIII в. "игра" и "зеркало";

- реконструировать фреймовую структуру нарративных стратегий XIX в.: "взгляд" и "воспоминание" и XX в.: "экспрессия" и "самоидентификация";

- сконструировать гештальт-структуры нарративных стратегий конца XX – начала XXI веков "калейдоскоп" и "дублирование".

Гипотеза исследования основывается на предположении о том, что французский художественный дискурс XVIII–XXI веков формируется когнитивно-семиотическими нарративными стратегиями художественного текстообразования, которые свойственны той или иной литературно-исторической и культурной эпохе. Именно эти нарративные стратегии создают образно-стилистическую фигуративность повествовательной реальности в художественных произведениях и отображают специфику творческого сознания французских писателей через текстуализацию доминант их нарративного мышления.

Отметим, что становление когнитивно-семиотической традиции в изучении художественного текста происходило путем интеграции традиционного и формалистского взглядов на художественный нарратив как совокупность текстовых единиц, объединенных смысловыми и темпоральными связями (В.Я. Пропп, Б.В. Томашевский, Б.А. Успенский, В.Б. Шкловский, J.M. Adam, C. Bremond), а также его позиционированием как когнитивной, а следовательно, умственной деятельности автора и читателя, выступающих в таком случае в качестве сотворцов повествовательной реальности (К.А. Андреева, И.А. Бехта, Л.В. Татару).

В современном понимании, *нарратив* является *поликодовой смысловой множественностью*, выражающейся в нарративной структуре художественного текста путем его семиотической кодировки.

За последние годы в исследованиях по нарративному текстообразованию, а речь идет здесь по большей части о французской лингвистической традиции, четко вписалась и закрепились *лингвонарратология*, обогащая лингвистику текста и стилистику художественного языка новыми приемами и методами анализа. Учитывая такой интерпарадигмальный подход, о котором говорят также и отечественные ученые (М.И. Голянич, С.Н. Луцак, Н.Г. Петриченко), потенциал нарратологических студий видится, прежде всего, в возможности моделирования нарративной идентичности писателя (É. Bordas, M. Borgomano, P. Charaudeau), поиска индивидуально-авторских знаково-языковых средств создания "нарративного напряжения" в повествовании (R. Baroni, L. Bonoli), выяснения динамики фокализационного кода как основного текстообразующего элемента в художественном произведении (D. Herman, J. Kaempfer).

Учитывая повышенный интерес к художественному текстообразованию, а также разработку типологии нарративной организации текста, в лингвистической традиции конца XX – начала XXI веков формируется новая отрасль научных знаний, исследующая язык художественной литературы, – лингвистика нарратива [Падучева 1996], которая изучает основные тенденции форматирования повествования в плане организации семантической и грамматической категорий.

Лингвонаратология как самостоятельная интерпретативная теория, или теория художественной прозы, имеет достаточно много точек пересечения с когнитивной лингвистикой и когнитивной психологией, и работает в настоящее время над решением двух основных вопросов. Во-первых, речь идет о выяснении когнитивного статуса повествования [Schaeffer 2010: 215–232], поскольку художественный текст является системой знаний, выстраивающейся по определенному нарративному сценарию. Во-вторых, немало усилий прилагается для того, чтобы описать способ, в который писатель выстраивает нарратив, в том числе и художественный, принимая во внимание его когнитивные ресурсы и компетенции. Таким образом, художественный текст анализируется не в плане того, что в нем представлено (как в сюжетологии, по В. Шмиду [Шмид 2003: 9–11]), а с точки зрения того, как автор конструирует и семиотизирует окружающий мир или собственный опыт в категориях художественного нарратива.

Одним из импульсов к более обстоятельному изучению нарративности в целом и художественного нарратива в частности считается идея Р. Барта о наличии разного рода повествовательных текстов и вероятности существования некой нарративной модели [Barthes 1966: 1] или, согласно предложенной в этой статье концепции, *авторской программы текстообразования*. Такой программой реализации и воплощения авторского замысла в художественном тексте является, по нашему мнению, *нарративная стратегия*, представляющая собой *своеобразный алгоритм создания повествовательной реальности определенного типа* с помощью нарративных приемов и средств, техник и тактик, которые, в сочетании с модальными средствами риторико-стилистического уровня и выразительно-образительными средствами языковой репрезентации, отображают специфику творческого сознания писателя через текстуализацию доминант его нарративного мышления.

В когнитивном аспекте, *нарративная стратегия* – это процесс категоризации и концептуализации автором окружающего мира в структурах концептов, фреймов или гештальтов как ключевых механизмов текстообразования.

Напомним, что под *художественным нарративом* понимаем письменный текст любого литературного жанра, повествующий об одном или нескольких событиях и/или действиях, связанных между собой темпорально и логично [Андреева 1998: 4–5]. С точки зрения лингвокогнитивной семиотики, *художественный нарратив* является творческим способом конструирования и кодирования повествовательной реальности в знаково-языковых формах комбинирования событий и/или действий и построения своеобразных сеток: пространственной, темпоральной, повествовательно-речевой и модальной (вслед за Л.В. Татару [Татару 2009]), соотносящихся с такими категориями художественного нарратива, как голос, темпоральность, пространство и модальность.

Категория *темпоральности* выстраивается в художественном нарративе лексико-семантическими и лексико-грамматическими средствами, которые представляют собой разные вариации и корреляции между событиями и/или действиями в форме линейности / нелинейности движения времени в повествовательной реальности. Темпоральность формируется, таким образом, исходя из особенностей развертывания в тексте нарративной категории *времени* [Голосова 2002: 57], воплощенной лингвистическими единицами грамматической категории времени и аспектуальности.

Категория *пространства* в художественном нарративе имеет абстрактный характер, поскольку является умственным конструктом [Ильин 1983: 152], ввиду того, что нарративные объекты и их пространства видимы лишь в воображении, а потому они трансформируются со слов в некие умственные проекции. *Пространственную сетку* образуют, таким образом, своеобразные S-сигналы как такие нарративные конфигурации, которые передают информацию о пространственной организации повествования или географической локализации нарративных объектов и субъектов по отношению к автору как творцу повествовательного изображения.

Категория *голоса*, выстраивающая *речевую* или *повествовательно-речевую сетку художественного нарратива*, опирается на грамматические категории лица, времени и способа действия, которые получают выражение в соответствующих окончаниях глаголов и личных местоимениях как дейктических маркерах повествователя в мимезисе или диегезисе.

Модальная сетка, референтом которой выступает *категория модальности*, включает эмоционально-оценочные лексические и стилистические средства, имплицитные / эксплицитные отношения автора / повествователя к повествовательной реальности. Исходя из этого, мы соотносим ее с индивидуально-авторским способом отображения окружающей действительности.

Стоит отметить, что *нарративные стратегии* французских писателей XVIII–XXI веков чрезвычайно разнообразные и в то же время мало исследованные. Каждая эпоха имеет свои правила и нормы развертывания художественной коммуникации в триаде автор – текст – читатель и формирует собственные особенности создания художественного нарратива как *ментального конструкта авторской идентичности*.

Мы полагаем, что художественно-образная и нарративная составляющие французской прозы XVIII–XXI веков являются достаточно показательными для определения основных модификационных и трансформационных особенностей формирования определенного типа повествовательной реальности, а также воплощения в ней широкого спектра философско-эстетических и концептуальных доминант писателей в литературном процессе Франции каждой историко-литературной и культурной эпохи.

Методология исследования. Привлечение когнитивных достижений в сферу художественного текстообразования (С.А. Жаботинская, Е.С. Кубрякова, М. Минский, Т.С. Сорокина), в частности для идентификации типов повествовательной реальности во французской литературе XVIII–XXI веков, обусловило разработку *лингвокогнитивного направления* в изучении процессов и механизмов художественного текстообразования, отображающих взаимосвязи языка и художественного мышления.

Комплексная методика предложенного нами исследования основана на *интерпарадигмальном методологическом подходе*, согласно которому объект исследования – *нарративные стратегии художественного текстообразования* – являются воплощением индивидуально-авторской нарративной программы конструирования определенного типа повествовательной реальности, характеризующейся пространственно-временной континуальностью и образно-стилистической фигуративностью в зависимости от принадлежности писателя к той или иной историко-литературной эпохе, а также его индивидуальных жанрово-дискурсивных предпочтений.

Такой подход обусловил выбор релевантных методов и приемов исследования: методы *наблюдения, сопоставления, систематизации и обобщения* в сочетании с методикой *нарративного анализа*, по Ж. Женетту – для идентификации композиционных, семантико-синтаксических и образно-стилистических нарративных конфигураций французского художественного текстообразования XVIII–XXI в.; *контекстуально-интерпретационного* (вслед за И.В. Смуцинской) и *лингвостилистического методов* – для анализа модальных риторико-стилистических приемов языковой репрезентации смысловых доминант и выразительно-изобразительных средств вербализации ключевых концептов, формирующих словесную почву образно-стилистической фигуративности повествовательной реальности; *метода дискурс-анализа* (по Р. Барту) – для раскрытия нарративных моно- / полифонии в традиционных и скомплицированных типах повествования французской прозы; *метода дискурс-типологического анализа* (по Д. Менгено) – для систематизации жанро- и стилеобразующих потенциалов нарративных стратегий французского художественного текстообразования; *семантико-когнитивного метода* (вслед за Е.М. Кагановской) – для семантической и когнитивной интерпретации языковых единиц, отображающих

индивидуально-авторское мировосприятие в структурах концептов или гештальтов; *методики концептуального анализа* – для моделирования ядерно-периферийной структуры концептов ИГРА и ЗЕРКАЛО как доминант лингвокогнитивных нарративных стратегий художественного текстообразования XVIII в., *методики фреймового моделирования* (вслед за С.А. Жаботинской) – для реконструкции фреймовой организации таких нарративных стратегий французского художественного текстообразования XIX и XX вв., как "взгляд" и "воспоминание" и "экспрессия" и "самоидентификация"; *методики гештальт-анализа* (вслед за Т.С. Сорокиной) – для визуализации и иллюстрации структурных компонентов гештальт-структуры текстообразующих нарративных стратегий конца XX – начала XXI в. "калейдоскоп" и "дублирование".

Результаты исследования и дискуссия

Предложенный нами интерпарадигмальный теоретико-методологический подход к раскрытию процессов и механизмов художественного текстообразования позволил представить доминантные *лингвокогнитивные нарративные стратегии* французских художественных текстов XVIII–XXI веков, которые отображают динамику нарративного мышления писателей каждой эпохи. Мы определили типы повествовательной реальности: зеркальная, романтическая, веристическая, модернистская, сюрреалистская, постмодернистская и минималистическая, как результат авторских нарративных программ, представленных основными категориями художественного нарратива (голос, темпоральность, пространство, модальность), а также раскрыли лингвокогнитивные механизмы концептуализации нарративных стратегий XVIII в.: "игра" и "зеркало"; реконструировали фреймовую структуру нарративных стратегий XIX в.: "взгляд" и "воспоминание" и XX в.: "экспрессия" и "самоидентификация"; и наконец, мы сконструировали гештальт-структуры нарративных стратегий конца XX – начала XXI в.: "калейдоскоп" и "дублирование" во французском художественном текстообразовании.

Французское художественное текстообразование XVIII века характеризуется такими лингвокогнитивными нарративными стратегиями, как "игра" и "зеркало", которые выстраивают *зеркальную повествовательную реальность*. Мы полагаем, что вышеупомянутые лингвокогнитивные нарративные стратегии воплощены в художественном произведении этой историко-литературной эпохи концептами ИГРА и ЗЕРКАЛО, которые вербализированы средствами грамматического и лексико-семантического уровней и могут быть соотнесены с такими категориями художественного нарратива, как голос и темпоральность, формирующими ядро концептов, и модальность и пространство, размещающимися на ближней и дальней периферии.

Текстообразование XVIII века отличается наличием игровых тенденций, которые отформатированы путем конструирования своеобразной замкнутости гомо- или гетеродиегетического повествователя (категория голоса) на особенностях персонажного бытия. Повествователь выстраивает собственное повествование и одновременно рассказывает о некоем герое, который впоследствии принимает на себя роль нарративного субъекта.

Лингвокогнитивная нарративная стратегия "игра" имеет в своей основе приемы создания игры писателя с временными координатами персонажей (категория темпоральности), а также такие семантические оппозиции, как свое / чужое, внутреннее / внешнее, истинное / воображаемое (категория модальности). Вариантным средством концептуализации нарративной стратегии "игра" является метонимия, которая в рамках сопоставления предметов или явлений на основе их смежности сужает пространство персонажного бытия, акцентируя внимание лишь на отдельных элементах или деталях, которые, несмотря на технику части вместо целого, форматируют своеобразную пространственную сетку художественного нарратива (категория пространство).

Концепт ЗЕРКАЛО в художественном произведении XVIII века имплицирован нарративной техникой показа как отражением / отображением, а не созданием некоторой реальности, отличной от уже существующей. Наиболее показательными инвариантными маркерами вербализации концепта ЗЕРКАЛО является местоимение первого лица единственного числа *je*, соотносящееся, в этом случае, с двумя нарративными моделями гомодиегетического повествователя, а именно: "Я-медиатор" и "Я-нарративный субъект" (категория голоса), и лексические номинации, содержащие сему "зеркальный или имеющий свойство отражать / отображать". Вариантными средствами вербализации концепта ЗЕРКАЛО стали параллельные синтаксические конструкции, парцелляции и репризы как маркеры особого ритмо-синтаксического рисунка симметричности и зеркальности повествовательного изображения в художественном нарративе.

Доминантной стратегией в художественном текстообразовании XIX века является фрейм-представление ВЗГЛЯД, который представлен такими когнитивными операциями, как *наблюдение*, или направленность, устремленность глаз в сторону кого-л. или чего-л., и *суждение* как мнение по какому-л. поводу. Благодаря нарративной технике скомплицированности, которая реализована в художественном нарративе этого периода сочетанием нетрадиционных типов повествования, разных по своим функционально-прагматическими характеристикам повествователей и быстрой сменной перспективы видения, смоделирована *веристическая повествовательная реальность*.

Фрейм-представление ВЗГЛЯД сконструирован слотами грамматического и лексико-семантического уровней. Активизация фрейма-представления ВЗГЛЯД происходит через вербализацию этих слотов терминалами или терминальными элементами. Грамматическими слотами фрейма-представления ВЗГЛЯД является ГОЛОС, ВРЕМЯ и ПРОСТРАНСТВО как текстуализированное воплощение нарративных категорий голоса, темпоральности и пространства, опирающихся на грамматические категории лица, времени и образа действия и получающих выражение в соответствующих окончаниях глаголов и личных местоимениях как терминалах слотов грамматического уровня, которые выступают маркерами выявления гомо- или гетеродиегетического повествователя в мимезисе или диегезисе.

Фрейм-представление ВЗГЛЯД сконструирован также наличием в художественных нарративах языковых элементов, которые имеют антропоцентрический компонент и соотносятся с категорией модальности. Речь идет о тех текстовых единицах, в семантике которых воплощена определенная позиция повествователя как участника или наблюдателя событий и/или действий, а также субъекта ментальных и эмоциональных состояний.

Другой доминантной нарративной стратегией во французском художественном текстообразовании XIX века выступает фрейм-представление ВОСПОМИНАНИЕ.

Отметим, что лингвокогнитивная нарративная стратегия "воспоминание", выстраивая *романтическую повествовательную реальность*, является фреймом-представлением ВОСПОМИНАНИЕ. В своей основе эта стратегия имеет нарративную технику воспоминания / припоминания и структурируется слотами ГОЛОС и ВРЕМЯ как вербализованными средствами грамматического уровня, соотносящимися с категориями голос и темпоральность, и модальными средствами лексико-семантического уровня с семантикой 'воспоминания и персеверации' (ВОСПОМИНАНИЕ, ПОДАВЛЕННОСТЬ, ТЕКУЧЕСТЬ БЫТИЯ, ПУСТОТА, ПЕРСЕВЕРАЦИИ, ПАССИВНОЕ СОЗЕРЦАНИЕ и РАНИМОСТЬ).

Лингвокогнитивная нарративная стратегия фрейм-представление ВОСПОМИНАНИЕ имплицирована в художественном нарративе XIX века темпоральной выразительностью процесса воспоминания:

Comment exprimer cette foule de sensations fugitives que j'éprouvais dans mes promenades? Les sons que rendent les passions dans le vide d'un coeur solitaire ressemblent au murmure que les vents et les eaux font entendre dans le silence d'un désert; on en jouit, mais on ne peut

les peindre. L'automne me surprit au milieu de ces incertitudes: j'entrai avec ravissement dans le mois des tempêtes. Tantôt j'aurais voulu être un de ces guerriers errant au milieu des vents, des nuages et des fantômes; tantôt j'enviais jusqu'au sort du pâtre que je voyais réchauffer ses mains à l'humble feu de broussailles qu'il avait allumé au coin d'un bois. J'écoutais ses chants mélancoliques, qui me rappelaient que dans tout pays le chant naturel de l'homme est triste, lors même qu'il exprime le bonheur. Notre coeur est un instrument incomplet, une lyre où il manque des cordes, et où nous sommes forcés de rendre les accents de la joie sur le ton consacré aux soupirs (Chateaubriand, Mémoires d'outre-tombe).

Учитывая то, что отличительной чертой романтической повествовательной реальности является исповедальная тональность нарративной репрезентации, гомодиегетический повествователь форматирует свой рассказ в Passé Simple. Эта временная форма, как основной терминал грамматического слота ВРЕМЯ 1 фрейма-представления ВОСПОМИНАНИЕ, передает редуцированные события и/или действия, которые были совершены и завершены в прошлом, но возникают лишь в перспективе припоминания: *l'automne me surprit au milieu de ces incertitudes; j'entrai avec ravissement dans le mois des tempêtes.*

На сегмент повествования в прошлом наслаивается другой темпоральный план. Речь идет уже об Imparfait, незавершенном прошедшем времени как втором терминале грамматического слота ВРЕМЯ 1 фрейма-представления ВОСПОМИНАНИЕ. Этот терминал не только обозначает событие и/или действие, незавершенное в прошлом, но и вводит новую историю персонажного бытия, то есть вербализирует нарративную ситуацию, выстраивающуюся в момент воспоминания: *comment exprimer cette foule de sensations fugitives que j'éprouvais dans mes promenades; j'écoutais ses chants mélancoliques, qui me rappelaient.* Таким образом, именно через воспоминание повествователь погружается в прошлое, однако создает рассказ "здесь" и "сейчас". В этом случае, мы выделяем Présent gnomique как третий терминал грамматического слота ВРЕМЯ 1 фрейма-представления ВОСПОМИНАНИЕ, который усиливает ощущение всей правдивости бытия повествователя "здесь" и "сейчас": *le chant naturel de l'homme est triste; qu'il exprime; notre coeur est un instrument incomplet; il manque des cordes; nous sommes forcés.*

На фоне общей статичности гомодиегетического повествователя темпоральная динамика Présent, Imparfait и Passé Simple усиливает протяженность повествования. Текст в Passé Simple движется ускоренно, а события и/или действия сменяют друг друга линейно: *l'automne me surprit au milieu de ces incertitudes; j'entrai avec ravissement dans le mois des tempêtes.* Сегменты повествования в Imparfait имеют уже замедленное развитие и звучание, а поэтому выстраивают некоторую "тягучесть" рассказа.

С позиций синтаксиса, такие фигуры, как зеркальные параллельные конструкции, введенные союзом tantôt: *tantôt j'aurais voulu être un de ces guerriers errant au milieu des vents, des nuages et des fantômes; tantôt j'enviais jusqu'au sort du pâtre que je voyais réchauffer ses mains à l'humble feu de broussailles qu'il avait allumé au coin d'un bois,* и гармонии (les harmonies imitatives), сформированные за счет использования слов, которые имеют сходное звучание в небольшом по объему сегменте: *les sons que rendent les passions dans le vide d'un coeur solitaire ressemblent au murmure que les vents et les eaux font entendre dans le silence d'un désert,* подчеркивают паузу, которая приобретает особую значимость и выразительность благодаря Présent: *dans tout pays le chant naturel de l'homme est triste, lors même qu'il exprime le bonheur. Notre coeur est un instrument incomplet, une lyre où il manque des cordes, et où nous sommes forcés de rendre les accents de la joie sur le ton consacré aux soupirs.*

В этом случае вневременное, то есть гномическое настоящее время (Présent gnomique) обозначает и противопоставляет ситуацию бытия гомодиегетического повествователя с незабываемыми и постоянными истинами "здесь" и "сейчас" воспоминаниям как тому, что уже было добыто в результате некоторого опыта.

Модернистская повествовательная реальность выстроена во французском художественном нарративе XX века лингвокогнитивной нарративной стратегией "экспрессия" как фиксацией и отображением мгновенных и кратковременных впечатлений гомо- или гетеродиегетического повествователя в форме ряда отдельных нарративных сцен. Процесс художественного текстообразования XX века не имел целью целостной репрезентации событий и/или действий либо детализированной характеристики персонажа. Задачей писателя этого периода было представление мгновенного и кратковременного впечатления или ощущения гомо- / гетеродиегетического повествователя.

Такая техника коррелирует с конструированием серии отдельных "наррационных сцен", которые не всегда отмечены внутренне единым или сплошным ходом событий и/или действий. Стратегия "экспрессия" реализована во французском художественном текстообразовании XX века фреймом-ситуацией ЭКСПРЕССИЯ, который представлен слотами лексико-семантического уровня, реферирующими к категории модальности.

Итак, фрейм-ситуация ЭКСПРЕССИЯ имплицирован двумя наиболее показательными лексико-семантическими слотами, являющимися его структурными составляющими. Речь идет об ЭКСТЕРИОРИЗАЦИИ ЧУВСТВ как своеобразном показе или "вынесении наружу" результатов умственных действий гетеродиегетического повествователя. Вторым лексико-семантическим слотом фрейма-ситуации ЭКСПРЕССИЯ является ВПЕЧАТЛЕНИЕ, которое охватывает то, что остается в сознании повествователя от увиденного или пережитого.

Каждый из упомянутых выше лексико-семантических слотов в художественном нарративе XX века наполнен собственными терминалами, раскрывающими наиболее типичные признаки *модернистской повествовательной реальности* через использование лексем со значением 'восприятие и ощущение', а также таких стилистических фигур и тропов, как инверсия, гомеотелевт, сравнение, персонификация, антитеза, метафора и метонимия.

К характерным для французского текстообразования XX века механизмам концептуализации и категоризации писателями окружающего мира или собственного опыта мы отнесли также лингвокогнитивную нарративную стратегию "самоидентификация", которая в терминах фреймового моделирования является фреймом-ситуацией САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ.

Принимая во внимание тот факт, что литературному процессу Франции XX века присущи углубление психологизма повествования и субъективизация дискурса, повлекшие за собой модификацию и появление новых скомплицированных конфигураций традиционных и новейших нарративных форм и практик в художественной манере авторов, именно лингвокогнитивная нарративная стратегия "самоидентификация" позволила французским писателям реализовать в художественном нарративе этой историко-литературной эпохи элементы реального авторского бытия.

К примеру, роман Андре Бретона "Nadja" имеет мощную авторскую доминанту, что, собственно, и объясняет наличие объективных деталей, раскрывающих его повседневную жизнь, особенности мировосприятия и мироощущения. Уже первыми словами произведения имплицирована идея поиска писателем своей сущности, а именно риторический вопрос *qui suis-je*, выступающий терминалом лексико-семантического слота ПОИСК СОБСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:

Qui suis-je? Si par exception je m'en rapportais à un adage: en effet pourquoi tout ne redeviendrait-il pas à savoir qui je "hante"? Je dois avouer que ce dernier mot m'égare, tendant à établir entre certains êtres et moi des rapports plus singuliers, moins évitables, plus troublants que je ne pensais. Il dit beaucoup plus qu'il ne veut dire, il me fait jouer de mon vivant le rôle d'un fantôme, évidemment il fait allusion à ce qu'il a fallu que je cessasse d'être, pour être qui je suis. < ... > Il se peut que ma vie ne soit qu'une image de ce genre, et que je sois condamné à revenir sur mes pas tout en croyant que j'explore, à essayer de

connaître ce que je devrais fort bien reconnaître, à apprendre une faible partie de ce que j'ai oublié (Breton, Nadja).

В центроверсионном форматировании приведенного выше фрагмента повествователь актуализирован внутри изображаемого именно посредством риторического вопроса, а также ряда ассоциаций и метафорических образов: *des rapports plus singuliers, moins évitables, plus troublants; le rôle d'un fantôme; ma vie ne soit qu'une image de ce genre*, которые представляют собой лексико-семантический слот ПОИСК СОБСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. Вполне логично допустить, что в таком повествовании в нарративной идентичности бытия гомодиегетического повествователя выписана нарративная идентичность самого писателя (П. Рикер).

Учитывая денотативные значение глагола être v.i. и существительных *fantôme* n.m. и *vie* n.f., в рассматриваемом сегменте произведения имплицирован процесс осознания французским автором своей сущности, что воплощено наличием лексико-семантического слота ПОИСК СОБСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. Этот слот структурирован такими лексико-семантическими подслотами, как ВНУТРЕННЯЯ БОРЬБА (терминалом которого выступают лексемы *бытие / небытие*), НЕСОВЕРШЕНСТВО (терминалом которого мы видим в метафоре *жизнь как симулякр*) и РАЗДВОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ (терминалом которого является метафора *Я – фантом / иллюзия*).

Одной из системных закономерностей конструирования *постмодернистской повествовательной реальности* является прием *калейдоскопа* как такой текстообразующий принцип формирования и форматирования художественного нарратива, который дает возможность выстраивать фрагментарное и монтажное повествовательное изображение. Наиболее примечательной и продуктивной лингвокогнитивной нарративной стратегией французского художественного текстообразования конца XX – начала XXI века является "калейдоскоп" как гештальт-структура, воплощающая авторское осмысление окружающего мира в образных и сценарных схемах.

Фоном гештальт-структуры КАЛЕЙДОСКОП в художественном произведении конца XX – начала XXI века является гомо- / гетеродиегетический повествователь (категория голоса), который вводит события и/или действия как отдельные параллельные кадры из жизни главного персонажа повествования (категория темпоральности), что является результатом сочетания нарративных сегментов или нарративных сцен с монтажным характером, которые представлены из разных пространственных точек персонажного бытия (категория пространство).

Наиболее выразительными маркерами гештальт-структуры КАЛЕЙДОСКОП выступают также фрагментарные или прерывистые воспоминания, возникающие вследствие коротких, иногда хаотичных и раздробленных визуализированных картинок-кадров, которые текстуализируются в повествовании через лексикализованные метафоры, сравнения и антитезы как основные фигуры построения гештальт-структуры КАЛЕЙДОСКОП. Именно посредством этой лингвокогнитивной нарративной стратегии в художественном нарративе конца XX века воплощены чрезмерные чувственность и уязвимость персонажа / повествователя, которые выступают, в свою очередь, основными нарративными субъектами и объектами *постмодернистской повествовательной реальности*.

В романе французского писателя Э.-Э. Шмитта все фрагменты повествовательного изображения имеют смысловую связь между собой (жизнь Адольфа Гитлера), однако последующий эпизод-картинка никак не берет свое начало с предыдущей. Сравним:

1-я картинка:

– *Adolf Hitler: recalé* ("Адольф Гитлер: незачислен").

Le verdict tomba comme une règle d'acier sur une main d'enfant.

– *Adolf Hitler: recalé.*

Rideau de fer. Terminé. On ne passe plus. Allez voir ailleurs. Dehors.

Hitler regarda autour de lui. Des dizaines d'adolescents, oreilles cramoisies, mâchoire crispée, le corps tendu sur la pointe des pieds, des aisselles mouillées par l'affolement, écoutaient l'appareil qui égrenait leur destin < ... > (Schmitt, La Part de l'Autre).

2-я картинка:

– *Adolf Hitler: admis* ("Адольф Гитлер: зачислен").

Une vague de chaleur inonda l'adolescent. Le flux du bonheur roulait en lui, inondait ses tempes, bourdonnait à ses oreilles, lui dilatait les poumons et lui chavirait le coeur. Ce fut un long instant, plein et tendu, muscles bandés, une crampe extatique, une pure jouissance comme le premier orgasme accidentel de ses treize ans.

< ... > Mais peu importe: il était reçu! (ibid.).

Именно таким образом в представленном выше фрагменте художественного нарратива реализована гештальт-структура КАЛЕЙДОСКОП, фоновым средством конструирования которой является гетеродиегетический повествователь и его множественное или перекрестное представление персонажного бытия. Подобно тому, как изменение, происходящее со стеклами в калейдоскопе, влечет за собой мгновенное образование новой конфигурации, то есть целостной симметричной картинки, так и разрозненные кадр за кадром, отдельные эпизоды калейдоскопически, а, следовательно, многоцветно, выстраивают жизнь Адольфа Гитлера (главного персонажа романа).

Рассматриваемый роман форматируется гетеродиегетическим повествователем, однако манера ведения повествования и подача событий и/или действий как отдельных параллельных кадров из жизни главного персонажа, конструирует комплексный, сложный для восприятия, но в тоже время многогранный и разноцветный мир. Из отдельных нарративных сегментов выстроена повествовательная канва произведения, которые, при отсутствии причинно-следственных связей, имеют монтажный характер и сопоставляют отдельные отрезки текста – образы, картинки и сцены.

Благодаря нарративному приему "калейдоскоп" в тексте формируется большое количество неповторимых узоров как целостных кадров, подающих жизнь главного персонажа – Адольфа Гитлера как вечное настоящее. Лингвокогнитивная нарративная стратегия "калейдоскоп" позволила, таким образом, выстроить повествование, в котором каждое событие и/или действие возникает каждый раз как первое и есть, так сказать, отправной точкой, не связанной с предыдущим или прошлым.

Учитывая метажанровые вариации [Шевякова 2009: 3] и процессы переосмысления традиционных нарративных практик [Viart 2013], во французском художественном произведении конца XX – начала XXI века выстраивается также *минималистическая повествовательная реальность* в форме гештальт-структуры ДУБЛИРОВАНИЕ. Применение французскими писателями лингвокогнитивной нарративной стратегии "дублирование", основанной на принципе *дублирования / повтора / серийности* дало возможность форматировать и формировать повествование, в котором концовка повторяет его начало полностью или частично, выписывая, таким образом, форму кольца как некоторого конечного пункта с поворотным кругом, который может выступать одновременно и отправной, т.е. начальной точкой.

Фоном гештальт-структуры ДУБЛИРОВАНИЕ является гетеродиегетический повествователь в экстрадиегетической ситуации, который маркирован в произведении неопределенно-личным местоимением *on* или чередованием местоимений *il, je* и *on*, что объясняется желанием писателя достичь незаурядной достоверности в (ре)презентации только что пережитого момента, почти близкого к театральной постановке.

Лингвокогнитивная нарративная стратегия "дублирование" конструирует *минималистическую повествовательную реальность* через показ или воспроизведение чувственного, психологического или социального опыта, общего для гетеродиегетического повествователя и читателя. Такое повествование не имеет сюжета в полном смысле этого

термина, не имеет также и четкой нарративной трансформационной программы. При этом, его *параболическая композиция* как основная фигура гештальт-структуры ДУБЛИРОВАНИЕ дает возможность создавать достаточно сложную полифонию текстовых значений, поскольку в чем-то незначительном воплощено нечто концептуально значимое и глобальное, дающее повествованию философское звучание.

Показательными фигурами гештальт-структуры ДУБЛИРОВАНИЕ выступают также такие стилистические фигуры, как повтор, амплификация или конкатенация, в основе которой лежит синтаксическая фигура анадиплосис – дублирование или повтор. Конкатенация в таком случае происходит на уровне развития абзаца или на уровне целой главы. Отметим, что в этом случае, принцип повторения или серийности повествовательного изображения как основа фигур гештальт-структуры ДУБЛИРОВАНИЕ представляет собой нарративный инструмент внутренней организации *минималистической повествовательной реальности*, поскольку соединяет отдельные высказывания гетеродиегетического повествователя в экстрадиегетической ситуации, сочетание которых и создает впечатление "объемной притчи" или параболы.

Выводы

В свете нашего исследования, *нарративные стратегии* французского художественного текстообразования составляют *авторскую программу конструирования определенного типа повествовательной реальности*, которая в когнитивном аспекте отображает специфику нарративного мышления писателя на основе таких смыслообразующих структур текстов XVIII–XXI веков, как концепты, фреймы и гештальты.

Представленный в статье теоретико-методологический подход есть интерпарадигмальным по своей сути, поскольку подразумевает раскрытие "законов глубинной внутренней текстовой жизни" и может реализовываться в исследовании путем моделирования процессов и механизмов художественного текстообразования как продукта авторской нарративной программы. Комплекс применяемых исследовательских операций позволил проследить динамику нарративного мышления французских писателей XVIII–XXI веков.

Наиболее показательные и системные структурно-композиционные, семантико-синтаксические и образно-стилистические нарративные конфигурации французского художественного текстообразования XVIII–XXI веков соотносятся с лингвокогнитивными механизмами смыслопорождения, которые реализованы во внутренних закономерностях форматирования соответствующего типа повествовательной реальности, исходя из принадлежности писателя к определенной историко-культурной эпохе, литературному направлению и его индивидуально-жанровых приоритетов.

В процессе раскрытия лингвокогнитивных механизмов концептуализации нарративных стратегий "игра" и "зеркало" как доминант французского художественного текстообразования XVIII века определены основные тенденции в конструировании *зеркальной повествовательной реальности*, представленной ядерно-периферийной структурой концептов ИГРА и ЗЕРКАЛО. Доказано, что лингвокогнитивная нарративная стратегия "игра" основывается на игре гомодиегетического повествователя со временем (категория темпоральности) и маркерами его воплощения в повествовании (категория голоса), а "зеркало" – на нарративной технике показа как отображении / отражении, а не создании некоторой реальности, отличной от существующей (категория модальности).

Реконструкция лингвокогнитивной основы фреймовой организации нарративных стратегий "взгляд" и "воспоминание" во французском художественном текстообразовании XIX века и "экспрессия" и "самоидентификация" – XX века дало возможность раскрыть специфику построения *веристической / романтической и модернистской / сюрреалистской повествовательных реальностей* в структурах фрейма-представления и фрейма-ситуации.

Фрейм-ситуация САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ смоделирован слотами на основе средств лексико-семантического уровня, которые вербализируют первичный авторский диегезис и раскрывают нарративную идентичность самого писателя.

В процессе определения лингвокогнитивных ресурсов конструирования гештальт-структур "калейдоскоп" и "дублирование" как доминантных текстообразующих практик французского художественного текстообразования конца XX – начала XXI века выяснено, что *постмодернистская повествовательная реальность* выстроена наподобие гештальт-структуры КАЛЕЙДОСКОП. Фоном этой гештальт-структуры является гомо- / гетеродиегетический повествователь, а также перекрестный / параллельный монтаж как чередование сюжетно-незавершенных событий и/или действий, что и позволило создать повествование, характеризующейся сценарностью повествовательного изображения. *Постмодернистская повествовательная реальность* выстроена такими фигурами, как сегментация, сепаратизация, капитализация высказываний персонажа / повествователя с метафорической или антитезисной окраской, а также эллиптических конфигураций контекстуально-неполных предложений и апозиопезисных структур. *Минималистическая повествовательная реальность* сконструирована по принципу гештальт-структуры ДУБЛИРОВАНИЕ, фоном которой является гетеродиегетический повествователь, а фигурами – парабола, метафора и стилистические фигуры синтаксического уровня, имплицитные повествование кругообразной формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева В.А. Текстовые и дискурсные параметры литературного нарратива (на материале современной немецкоязычной прозы) : автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.04 "Германские языки" / В.А. Андреева. – СПб., 2009. – 35 с.
2. Андреева К.А. Грамматика и поэтика нарратива в русском и английском языках : автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.20 "Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание" / К.А. Андреева. – Екатеринбург, 1998. – 45 с.
3. Бразговская Е.Е. Языки и коды. Введение в семиотику культуры : [учеб. пособие] / Елена Евгеньевна Бразговская. – Пермь : Пермск. гос. пед ун-т., 2008. – 201 с.
4. Голосова Т.М. Темпоральна структура художнього тексту : дис. ... доктора філол. наук : 10.02.02 / Голосова Тетяна Михайлівна. – Черкаси, 2002. – 416 с.
5. Ильин И.П. Теоретические аспекты коммуникативного изучения литературы (обзор) / И.П. Ильин // Семиотика. Коммуникация. Стилль: [сб. обзоров] / отв. ред. И.П. Ильин. – М. : Ин-т научн. информ. по естественным наукам, 1983. – С. 126–162.
6. Корольова А.В. Типологія нарративних кодів інтимізації в художньому тексті : [монографія] / Алла Валер'янівна Корольова. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2002. – 266 с.
7. Луцак С.М. Внутрішня організація прозового тексту (на матеріалі художніх творів Івана Франка): дис. ... канд. філол. наук : 10.01.06 / Луцак Світлана Миколаївна. – Івано-Франківськ, 2002. – 210 с.
8. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Елена Викторовна Падучева. – М. : Школа "Языки русской культуры", 1996. – 464 с.
9. Папуша І.В. Modus ponens. Нариси з наратології / Ігор Володимирович Папуша. – Тернопіль : Крок, 2013. – 259 с.
10. Прието А. Нарративное произведение / А. Прието "Морфология романа" // Семиотика. – М. : Радуга, 1983. – С. 370–399.
11. Пропп В.Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки (ответ К. Леви-Строссу) / В.Я. Пропп // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. – [2-е изд., испр.

- и доп.]. – М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 453–471.
12. Татару Л.В. Точка зрения и ритм нарративного текста (на материале произведений Дж. Джойса и В. Вулф) [Электронный ресурс] : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.19 / Татару Людмила Владимировна. – Саратов, 2009. – 419 с. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content>.
 13. Шевякова Э.Н. Современная французская проза рубежа веков: модификация романной формы : автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.01.03 "Литература народов стран зарубежья (западноевропейская литература)" / Э.Н. Шевякова. – М., 2009. – 35 с.
 14. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
 15. Barthes R. Introduction à l'analyse structurale des récits / R. Barthes // *Communications*. – 1966. – № 8. – P. 1–27.
 16. Genette G. *Figures III* / G. Genette. – P. : Seuil, Points, 1972. – 282 p.
 17. Herman D. Scripts, Sequences and Story: Elements of a Postclassical Narratology / D. Herman // *PMLA*. – 1997. – Vol. 112. – № 5. – P. 1046–1059.
 18. Herman D. *Narratologies: New Perspectives on Narrative Analysis* / D. Herman. – Columbus : Ohio State UP., 1999. – 432 p.
 19. Herman D. Regrounding Narratology: The Study of Narratively Organized System of Thinking / D. Herman // T. Kindt and H.-H. Muller. *What is Narratology: Questions and Answers Regarding the Status of a Theory*. – Berlin : Walter de Gruyter, 2003. – P. 303–332.
 20. Kindt T. L'auteur implicite. Remarque à propos de l'évolution de la critique d'une notion entre narratologie et théorie de l'interprétation [Электронный ресурс] / T. Kindt // *Vox Poetica*. – 2008. – Режим доступа : <http://www.vox-poetica.org/t/kindt.htm>.
 21. Lanser S.S. *The Narrative Act. Point of View in Prose Fiction* / S.S. Lanser. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1981. – 309 p.
 22. Ryan M.-L. *Narrative Cartography: Towards a Visual Narratology* / M.-L. Ryan // T. Kindt and H.-H. Muller. *What is Narratology: Questions and Answers Regarding the Status of a Theory*. – Berlin : Walter de Gruyter, 2003. – P. 333–364.
 23. Schaeffer J.-M. *Le traitement cognitif de la narration* / Jean-Marie Schaeffer // J. Pier, F. Berthelot. *Narratologies contemporaines: approches nouvelles pour la théorie et l'analyse de récit*. – P. : Éditions des archives contemporaines, 2010. – P. 215–232.
 24. Viart D. De la littérature contemporaine à l'Université: une question critique [Электронный ресурс] / Dominique Viart // *Fabula. La recherche en littérature*. – 2013. – Режим доступа : <http://www.fabula.org/atelier.php>.

REFERENCES

- Andreeva, K.A. (1998). *Grammatika i poetika narrativa v ruskom i anglijskom jazykah [The Narrative Grammar and Poetics in Russian and English Languages]*. (Doctor dissertation synopsis). Tyumen State University, Tyumen, Russia. (in Russian).
- Andreeva, V.A. (2009). *Tekstovye i diskursnye parametry literaturnogo narrativa (na materiale sovremennoj nemeckojazychnoj prozy) [Text and Discourse Parameters of Literary Narrative (on the example of Modern German Prose)]*. (Doctor dissertation synopsis). Herzen Russian State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russia. (in Russian).
- Barthes, R. (1966). Introduction à l'analyse structurale des récits. *Communications*, 8, 1–27.
- Brazgovskaja, E.E. (2008). *Jazyki i kody. Vvedenie v semiotiku kul'tury [Languages and Codes. Introduction to the Semiotics of Culture]*. Perm': Permsk. gos. ped un-t Publ.
- Genette, G. (1972). *Figures III*. Paris: Seuil, Points.
- Herman, D. (1997). Scripts, Sequences and Story: Elements of a Postclassical Narratology. *PMLA*, 112(5), 1046–1059.
- Herman, D. (1999). *Narratologies: New Perspectives on Narrative Analysis*. Columbus: Ohio State UP.

- Herman, D. (2003). Regrounding Narratology: The Study of Narratively Organized System of Thinking. In: T. Kindt & H.-H. Muller (Eds). *What is Narratology: Questions and Answers Regarding the Status of a Theory*. (pp. 303-332). Berlin: Walter de Gruyter.
- Holosova, T.M. (2002). *Temporal'na struktura khudozhn'oho tekstu [The Fictional Text Temporal Structure]*. (Doctor dissertation). Bogdan Khmelnytsky National University of Cherkasy, Ukraine. (in Ukrainian).
- Il'in, I.P. (1983). Teoreticheskie aspekty kommunikativnogo izuchenija literatury (obzor) [Theoretical Aspects of Literature Communicative Study (review)]. In: I.P. Il'in (Ed.). *Semiotika. Kommunikacija. Stil' [Semiotics. Communication. Style]*. (pp. 126–162). Moscow: In-t nauchn. inform. po estestvennym naukam Publ.
- Kindt, T. (2008). L'auteur implicite. Remarque à propos de l'évolution de la critique d'une notion entre narratologie et théorie de l'interprétation. *Vox Poetica*. Available from: <http://www.vox-poetica.org/t/kindt.htm>.
- Korol'ova, A.V. (2002). *Typolohiya naratyvnykh kodiv intymizaciyi v khudozhn'omu teksti [The Narrative Codes of Intimization Typology in Fictional Text]*. Kyiv: Vyd. centr KNLU Publ.
- Lanser, S.S. (1981). *The Narrative Act. Point of View in Prose Fiction*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Lucak, S.M. (2002). *Vnutrishnya orhanizaciya prozovoho tekstu (na materialy khudozhnix tvoriv Ivana Franka) [Inner organization of the prose text (based on Ivan Franko works)]*. (Candidate dissertation synopsis). Volodymyr Gnatyuk Ternopil State Pedagogical University, Ternopil, Ukraine. (in Ukrainian).
- Paducheva, E.V. (1996). *Semanticheskie issledovanija. Semantika vremeni i vida v russkom jazyke. Semantika narrativa [Semantic Researches. Semantics of Time and Aspect in Russian language. Semantics of Narrative]*. Moscow: Shkola Jazyki russkoj kul'tury Publ.
- Papusha, I.V. (2013). *Modus ponens. Narysy z naratolohiyi [Modus ponens. Essays in Narratology]*. Ternopil: Vyd-vo Krok Publ.
- Prieto, A. (1983). Narrativnoe proizvedenie [Narrative Text]. In: Yu.S. Stepanov (Ed.). *Semiotika*, (pp. 370–399). M.: Raduga Publ.
- Propp, V.Ja. (2001). Strukturnoe i istoricheskoe izuchenie volshebnoj skazki (otvet K. Levi-Strauss) [The Structural and Historical Study of the Wondertale (the answer to C. Lévi-Strauss)]. In: Yu.S. Stepanov (Ed.). *Semiotika: Antologija [Semiotics: Anthology]*. (pp. 453–471). Moscow: Akademicheskii proekt; Ekaterinburg: Delovaia kniga Publ.
- Ryan, M.-L. (2003). Narrative Cartography: Towards a Visual Narratology. In: T. Kindt & H.-H. Muller (Eds). *What is Narratology: Questions and Answers Regarding the Status of a Theory* (pp. 333–364). Berlin: Walter de Gruyter.
- Schaeffer, J.-M. (2010). Le traitement cognitif de la narration. In: J. Pier & F. Berthelot. *Narratologies contemporaines: approches nouvelles pour la théorie et l'analyse de récit*. (pp. 215–232). Paris: Éditions des archives contemporaines.
- Shevjakova, Je.N. (2009). *Sovremennaja francuzskaja proza rubezha vekov: modifikacija romannoformy [Modern French Prose at the turn of centuries: the novel modifications]*. (Doctor dissertation synopsis). Moscow State University of Printing Arts, Moscow, Russia. (in Russian).
- Shmid, V. (2003). *Narratologija. [Narratology]*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ.
- Tataru, L.V. (2009). *Tochka zrenija i ritm narrativnogo teksta (na materiale proizvedenij Dzh. Dzhojasa i V. Vulf). [The Narrative Text Point of View and Rhythm (on the material of J. Joyce and V. Woolf works of literature)]*. (Doctor dissertation). Saratov Chernyshevsky State University, Russia. Available from: <http://www.dissercat.com/content>. (in Russian).
- Viart, D. (2013). De la littérature contemporaine à l'Université: une question critique. *Fabula. La recherche en littérature*. Available from: <http://www.fabula.org/atelier.php>.

Савчук Руслана Ивановна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры испанской и французской филологии, Киевский национальный лингвистический университет (ул. Лабораторная 3 (корпус 2), Киев, 03680, Украина); e-mail: ruslana.savchuk11@gmail.com

Savchuk Ruslana Ivanovna – Doctor of Philological Sciences, Associate professor, Department of Spanish and French Philology, Kyiv National Linguistic University (Laboratorna st., 3 (building no. 2), Kyiv, 03680, Ukraine); e-mail: ruslana.savchuk11@gmail.com

УДК 811.81'276.6

**COMPLEXITY OF NATURAL PHENOMENA
 AND LINGUISTIC COHERENCE**
A.E. Chubaryan, R.R. Karapetyan (Yerevan, Armenia)

A.E. Chubaryan, R.R. Karapetyan. Complexity of natural phenomena and linguistic coherence. With the progress of science, we observe an unprecedented use of adverbial participles, which come to express increasingly more complex concepts and relations. This tendency is evident not only in the texts of natives, but also of non-natives. The present study examines to what extent non-native speakers of English are influenced by linguistic norms of their native languages when writing academic texts in English. It also focuses on the role of adverbial participles in the syntactic and informative organization of scientific English. The quantitative-qualitative analysis of the material has revealed that the encoding and transmission of complex ideas in scientific English require a high degree of coherence. The results of the paper are sure to contribute to current research in applied and corpus linguistics from the perspective of speakers' cognitive processes and their linguistic realizations.

Key words: Academic English, adverbial participial clauses, complexity and coherence, quantitative-qualitative analysis, encoding and transmission of information, semantic role.

А.Э. Чубарян, Р.Р. Карапетян. Сложность естественных явлений и лингвистическая когерентность. С развитием науки становится очевидным беспрецедентное употребление деепричастных оборотов, которые выражают все более сложные понятия и отношения. Эта тенденция проявляется в научных текстах, написанных как носителями языка, так и иностранцами, для которых английский язык не родной. В настоящем исследовании анализируется, в какой степени не-носители английского языка находятся под влиянием языковых норм родного языка при написании научных текстов на английском языке. Мы также фокусируемся на роли деепричастий в синтаксической и информативной организации английского научного дискурса и показываем, что для кодирования и передачи сложных идей в научном дискурсе необходима высокая степень когерентности. Результаты исследования показывают, что учет взаимосвязи между когнитивными процессами и их языковыми реализациями является перспективным для дальнейшего развития прикладной и корпусной лингвистики.

Ключевые слова: английский научный дискурс, деепричастный оборот, кодирование и передача информации, количественно-качественный анализ, семантическая роль, сложность и когерентность.

А.Е. Чубарян, Р.Р. Карапетян. Складність природних явищ і лінгвістична когерентність. З розвитком науки стає очевидним безпрецедентне вживання дієприкметникових оборотів, які відображають дедалі складніші поняття і відношення. Ця тенденція проявляється в наукових текстах, написаних як носіями мови, так і іноземцями, для яких англійська мова не є рідна. У цьому дослідженні аналізується, у якій мірі не-носії англійської мови знаходяться під впливом мовних норм рідної мови при написанні наукових текстів англійською мовою. Ми також фокусуємося на ролі дієприслівників у синтаксичній та інформативній організації англійського наукового дискурсу і показуємо, що для кодування і передачі складних ідей в науковому дискурсі необхідна висока ступінь когерентності. Результати дослідження показують, що урахування взаємозв'язку між когнітивними процесами і їх мовними реалізаціями є перспективним для подальшого розвитку прикладної та корпусної лінгвістики.

Ключові слова: англійський науковий дискурс, дієприслівниковий зворот, кодування і передача інформації, кількісно-якісний аналіз, семантична роль, складність і когерентність.

Introduction

The given research seeks to examine the role of adverbial participial – ing clauses (APC), in Academic English, in terms of their semantic variability and the peculiarities of functioning in the register mentioned. Special emphasis is placed on the intercultural aspect. More specifically, it is examined how the units mentioned are used in the speech of Russian and Armenian physicists. This examination (based on the study of numerous scientific papers (accessed through the on-line resource arxiv.org) and aim to uncover the regularities, scope, frequency and inaccuracies of the use of participial -ing clauses encountered in the papers of non-natives. The results of the analysis are backed up by the data collected from the papers of English and American scientists in the same sphere. Preconditioned by their structural incompleteness, participial clauses occupy a unique niche in the syntactic and informative organization of scientific English. Thus, the principles of cognitive and functional linguistics are employed to ensure the topicality of the research and to make the given study more comprehensive. Another approach which proved quite useful to grounding the wide-spread use of participial clauses, as well as to bring in more precision into application of the latter in scientific English, is the concept of complexity and coherence viewed as a paired configuration and regarded as constituting parameters of a 'good' text [Schmied et al. 2007: 1].

Methods

As is known, contemporary science requires that the language, meant for the transfer of scientific knowledge, be compendious, logically constructed and capable of transferring more information in less linguistic volume. The grammatical category of compressed syntactic units under discussion is gaining ground in scientific English particularly due to its information-efficient attribute. It is worth mentioning that it took centuries for non-finite clauses to work their way into language, and later become an indispensable, albeit an ambivalent constituent of scientific English. In fact, from the diachronic perspective non-finite clauses, and adverbial -ing participial clauses, respectively, are innovations in English syntax, which is measured in centuries rather than decades. In Old English, with very few exceptions, finite complement clauses were the norm. In those cases in which there is a choice between finite and infinitival clauses, finite wh-complement clauses remained common well into the nineteenth century [Leech 2009: 183]. Thus, at least at face value, it might be presupposed that the scientific and technological breakthrough correlates with the propagation of more 'scientifically-oriented' language.

Adverbial –ing clauses are of wide and prolific exploitation in scientific English, expressing a diverse spectrum of semantic relationships, which can be quite explicit, or left implicit. But in comparison to its finite alternative, it (non-finite) saves the speaker the trouble of redundantly repeating a constituent of the main clause [Leech 2009: 184]. This property calls for the two-fold use of these units quite often, but requires a very accurate treatment in order to avoid the danger of 'dangling' or 'unattached' participles, which are condemned in all grammars and writing textbooks, for native and non-native speakers alike [Granger 1997: 187]. On the one hand, the clauses under consideration, being compressed and laconic transmitters of information and relationship between concepts, represent a highly favourable asset of scientific English. On the other hand, the absence of the finite verb in adverbial participle clauses and the corresponding subordinators signaling the semantic relation between ideas expressed, makes the sentences with non-finite clauses quite hard and vague to interpret. This particularly applies to scientific English which does not permit dual interpretation of rigid scientific data, as in

- (1) *...that a simple renormalizable extension of the Minimal Standard Model, containing three right-handed neutrinos N_1 of masses smaller than the electroweak scale,..., can explain simultaneously dark matter and the baryon asymmetry of the Universe, being consistent with neutrino and mixings observed experimentally. (Shaposhnikov, 2)*

- (2) Begin by defining an initial Calabi-Yau three-fold X and a holomorphic vector bundle V over X by specifying the complex structure... (Anderson, 8)
- (3) Hence, the vanishing of the D -term required by supersymmetry forces the C^L field vevs to vanish - taking us precisely to the split point in bundle moduli space. (Anderson, 25)
- (4) Indeed, the relation $ZZ = \sqrt{p_i p_i}$, upon fixing of value $\bar{ZZ} = p_0 = \text{const}$, yields the fibration corresponding to the first Hopf map $S^3/S^1 = S^2$. (Mkrtychan, 5)

The semantic interpretations of the clauses underlined are quite intricate, and require professional background in the sphere. Moreover, these clauses are not isolated concepts, but rather complex scientific ideas in sophisticated implicit relationship with the meanings in the preceding and succeeding clauses. Thus, in (1) the semantic interpretation of the adverbial participial is that of cause, in (3) we have the semantic relation of consequence and in (4) that of condition. Sentence (2) is a more complicated example of the use of adverbial participial – namely *a string of non-finite clauses (my term)*, the types and functioning of which will be considered in detail in this study. It will be shown to what extent the high complexity of scientific data is balanced out by appropriate coherence in the texts of native and non-native speakers.

In linguistic analysis, any structure is supposed to consist of form and function. An important property of language is the fact that there is no one-to-one correspondence between the class of unit and its function. While it is true that certain classes of unit typically realise certain functions, it is nevertheless also true that many classes of unit can fulfil many different functions, and different functions are realised by many different classes of unit [Downing, Locke 2006: 19]. It is to be noted that the structural and functional-pragmatic aspects of finite clauses have been examined and the topic received a wide coverage. There is an extensive form-based grammar literature which deals with non-finites, including the adverbial -ing participles as well. Meanwhile, function-based grammars provide a solid analysis of the semantic roles of non-finites and the latter are found in diverse sections such as development of the message, supplementary clauses: specifying and commenting, enhancing a message [Downing, Locke 2006: 108, 284].

However we find it necessary to fill a specific lacuna and elucidate the unique niche which these structures occupy in the syntactic and informative organization of scientific English. With the progress of science we observe an unprecedented use of adverbial participles, which come to express increasingly more complex concepts and relations. This tendency is evident not only in the texts of natives, but also of non-natives. Thus, it is of paramount importance to examine and classify all the peculiarities of the use of the units mentioned across cultures with the aim of guaranteeing the balance of complexity and coherence in scientific communication [Schmied et al. 2007: 1]. The qualitative-quantitative approach to the problem and the results it yielded permits the use of the data in the sphere of corpus linguistics. As is stated by Leech: “Non-finite clauses represent a strengthened grammatical category in Present-Day English—displaying more structural diversity, greater functional range and higher discourse frequencies than in earlier stages of the language” [Leech 2009: 204]. Below we make an attempt to delve into each of these aspects, and demonstrate the feasibility of this statement for scientific English within the outlined principles.

Semantic-functional properties of APCs in Academic English

The growing importance and axial position of adverbial participle clauses in transmitting complex notions, and rather sophisticated relations between the latter, is currently beyond any doubt. Sentences with adverbial clauses semantically present the situation wherein two connected events are more closely united than the events described in the clauses of composite sentences. The unique niche of the units under consideration is ascribed by this property of adverbial clauses, permitting of smooth and natural flow of intrinsically indivisible relations of natural phenomena in the linguistic context. But on account of the grammatically fragmentary character, adverbial participial clauses

require reflection of mental and situational contexts in order to be successfully perceived. As is witnessed by empirical data, the wide semantic capacity and structural laconism of adverbial participles in scientific English have eventually dominated over their ambivalence, which is well corroborated by the results of the statistical analysis shown below.

Table 1

	Number of APC	Number of pages analyzed
Native speakers of English	162	108
Armenian physicists	128	90
Russian physicists	122	87

It is noteworthy that here we present the figures obtained not only from the research articles of native speakers, but also of non-natives. The numerical analysis reveals the frequency of adverbial participle clauses is nearly equivalent for natives and non-natives in the texts of scientific English. This comes to convincingly demonstrate the steady propagation of adverbial participial clauses regardless of their structural incompleteness. In other words, currently in the field of professional literacy clauses with unexpressed and to-be-inferred elements, which designate complex scientific relations and events, prevail over bulky linguistic units with all the elements explicit. The problem at this stage lies already in the domain of the 'qualitative', rather than 'quantitative'.

As was demonstrated in (1)-(4) adverbial participial clauses can fulfill numerous functions the most common of which is that of manner. It is to be stipulated that this kind of relation is quite frequently encountered in scientific English as expressed via adverbial participial clause in the research articles of both native and non-native speakers equivalently:

- (5) *Furthermore, by analyzing the $Tr(ga \bar{b} Fa \bar{b})^2$ term in (1.3), we were able to show that it is equivalent to D-term contributions to the four-dimensional potential energy, where the D-terms are associated with the anomalous $U(1)$ gauge factors.* (Anderson, 4)
- (6) *One can also modify the lattice action to improve the numerical performance by reducing lattice artifacts etc. (Rychkov, 4)*
- (7) *The developed theory utilizes the graded R operator formalism^{26,27,28,29,3} and allows the generalization to other integrable models, which is demonstrated in this work by operating with rather general R operator. (Khachatryan, 1)*

The sentences above represent an easily traced semantic relation of manner, which is made more evident by the use of the preposition *by*. It can also be assumed that no drastic differences are found in this case between native and non-native scholars who transmit the relation of manner via adverbial participles. This semantic relation is the most oft-encountered one.

However, more complex and contextually, as well as conceptually dependent cases of the use of adverbial participial clauses in the scientific English comprise the scope of our interest. In the given paper we proceed from the notion of cognitive complexity, which definitely results in linguistic complexity. But what is complexity, how is it defined and what categories and principles lie behind this notion, be it cognitive or linguistic? Why have we arrived at investigating adverbial

participial clauses from the perspective of complexity and coherence duality? The underpinning definition of complexity adopted in the given research is based on the one outlined by J. Schmied et al. as “...complexity is not necessarily difficulty and complex means not necessarily complicated...A preliminary working definition would therefore describe the complexity of a linguistic object as the sum of its elements at various levels of consideration and the possible (i.e. permitted) relationships between them” [Schmied, Haase & Povolna 2007: 2]. In the case of the units mentioned, we have a sophisticated combination of cognitively complicated phenomena of the natural world expressed by complicated syntactic structures with the to-be-inferred elements and the complex (quite often implicit) relationship between the clauses considered with the main clauses. Such semantic concepts as consequence, condition, concession, cause-effect, purpose and temporality play a pivotal role for the transmission and dissemination of scientific knowledge, and represent a vivid example of high cognitive and linguistic complexity. Provided this complexity is linguistically well-organized, the use of structurally incomplete units under discussion is absolutely justified:

- (8) *Now, suppose that we begin with a supersymmetric field configuration, and then vary the Kahler moduli while keeping the other moduli fixed. (Anderson, 2)*
- (9) *At a typical non-symmetric point in field space, the ratio of this potential to the fourth power of a typical mass of a heavy gauge sector state is of order s , the dilaton, when working in string units. (Anderson, 22)*
- (10) *The $C_2^P = 0$ vevs thus spontaneously break $U(1)$, reducing the symmetry to a pure E_6 gauge theory. (Anderson, 12)*
- (11) *Integrating out the heavy $U(1)$ gauge boson, the -3 charge of the remaining 20 C_2 fields can be ignored. (Anderson, 13)*

The semantic relations of concession (8), time (9), consequence (10) and condition (11) are obvious and extremely clear-cut in the sentences provided. It was observed that the relative pronoun *when* with an adverbial participial clause (9) is rather common in the texts by native speaking scientists, whereas in the texts of non-natives speakers it has not been observed, at least in the material analyzed. This can be accounted for by the absence of such a structure (*when* with an adverbial participial clause) both in the Armenian and Russian (in most cases though, the given pronoun comes to differentiate the semantic relation of time and condition). As a consequence, its omission in the texts of non-native speakers calls for ambiguity and the absence of coherence. Meanwhile the sentences above have been written by native speaking scientists and can be considered as a successful example of a paired configuration of complexity and coherence. As is stated by J. Schmied et al. “A ‘good’ text can be complex if complexity is structured as to satisfy coherence expectations and demands of a reader/listener” [Schmied et al. 2007: 1]. There are, however, numerous cases when the isomorphism between the linguistic complexity and coherence is broken by the inadequate use and structure of linguistic units. This mostly applies to the texts by non-natives and can in some cases be unacceptably confusing, especially considering that in scientific speech ambivalence should be reduced to the minimal level. Below are the cases of the kind:

- (12) *Indeed, the relation $ZZ = \sqrt{p_i p_i}$, upon fixing of value of $ZZ = p_0 = const$, yields the fibration corresponding to the first Hopf map $S^3/S^1 = S^2$ (Mkrtchyan, 5)*
- (13) *Then, after performing the integration, we obtain.....(Khachatryan, 9)*
- (14) *After reducing the modified Bessel functions, this leads to the final expression(Saharian, 8).*
- (15) *Coming back to Composite Higgs models, they allow for an honest and rather complete discussion of expected flavor effects, which are typically safely below the experimental bounds. (Rychkov, 9)*

All the sentences considered are taken from the papers by Armenian and Russian scientists and stand for numerous similar cases of inadequate use of complex linguistic structures, breaking the complexity/coherence configuration. Thus, in (12) the adverbial participial clause expressing condition is introduced by the inappropriate conjunction *upon*, thus shifting its interpretation to the temporal, which is not intended here. Moreover in the given sentence an obvious confusion of the gerund and participle is observed. In (13) again the conjunction expressing the concept of temporality is used to introduce the semantic relation of manner. It might be concluded here that the complex relations between the linguistic elements are distorted and the text fails to meet the coherence needs of a reader/listener. Such cases can be found in abundance in the texts of non-native speaking scientists. Another striking peculiarity of the unsuccessful use of complex linguistic structures among non-native speakers is the loose and unclear connection between the elements of the clauses. In (14) and (15) it is seen that none of the elements in the adverbial participial clauses can be correlated to any of the elements in the main clause. The situation could become better, were the adverbial participial clauses used in the post-position to the main clauses. But here again we observe a clear-cut exemplification of complexity/coherence inadequacy. Statistical data in succeeding part demonstrates that adverbial participial clauses designating such complex relations are much more rarely used among non-native speakers. And it might be assumed that reason for this lies in this incoherence of complex linguistic structures, which is natural for non-native speakers.

Another peculiar and quite sophisticated use of adverbial participles which involves a good deal of cognitive complexity, necessity to analyze, synthesize and conceive the scientific information before framing it into the linguistically complex and simultaneously coherent structures, are the so-called strings. These can be of two types, namely chains of participial clauses following each other and participial clauses complicated by subordinate clauses. Definitely, in this case the semantic relations between the elements become quite multi-layered and represent an extremely complicated kind of linguistic complexity, which must be coherently structured to avoid any inadequacies. The analysis of the empirical material revealed the wide-spread character of the latter in the scientific writing. And again this popularity can be ascribed to the structural peculiarities of the structures investigated. The sentences below come to manifest it:

- (16) *This can be imposed by demanding that the ten-dimensional gaugino supersymmetry variations vanish.* (Anderson, 2)
- (17) *Instead of first computing the details of a compactification, calculating the Yukawa couplings and discovering, for example, that the top quark mass vanishes, one can analyze the broad features of the allowed interactions at the start to see if the model has any possibility of being phenomenologically viable.* (Anderson, 4)
- (18) *In deriving the WMAP+SADD constraints which are shown in this figure, it was assumed that the universe is spatially flat.* (Tkachev, 19)

In sentence (16) we have the second type of the string. Sentence (17), being extremely complex both in cognitive and linguistic sense, is, nevertheless, ideally structured to convey all the nuances of semantic relations between the elements within the adverbial participial clause, as well as its relation with main clause. Here we have a combination of both types of string: parallel clauses, with one of them complicated by the subordinate object clause. Sentence (18) again demonstrates a very pertinent use of the preposition *in* introducing the adverbial participial clause with the subsequent subordinate clause. All the norms of coherent structuring of the linguistic complexity are observed in this passage by a non-native speaker. In contrast to this coherently structured linguistic complexity, one can also come across such examples as,

- (19) *By taking into account the expressions (13) and (14) for the components of the vector potential, after averaging over the phase α of particle flight into the plate, for the*

spectral-angular density of the radiated energy in the angular region, we find that..... (Mkrtchyan, 4)

In the sentence above we have 2 parallel adverbial clauses, but the cognitive, logical and linguistic parallelism here is violated because of the infelicitous alternation of the conjunctions *by* and *after*.

Discussion of the statistical data

Presented below is the detailed analysis of the statistical data concerning the use frequency and specific features of functioning of adverbial participial clauses from the cross-linguistic perspective.

Table 2

Native speakers (English and American scientists)

Adverbial participial clauses	Total – 162 examples for 108 pages	Introduced syndetically	Introduced asyndetically
Manner	95	43	52
Consequence	13	3	10
Condition	11	1	10
Concession	8	8	0
Temporal	9	8	1
Specification/additional information	6	0	6
Strings	20	–	–

Table 3

Non-natives (Armenian scientists)

Adverbial participial clauses	128 examples for 90 pages	Introduced syndetically	Introduced asyndetically
Manner	86	21	65
Condition	7	6	1
consequence	1	1	0
Temporal	2	2	0
specification/additional information	6	0	6
Strings	26	–	–

Non-natives (Russian scientists)

Adverbial participial clauses	122 examples for 87 pages	Introduced syndetically	Introduced asyndetically
Manner	61	15	46
Consequence	6	0	6
Condition	15	0	15
Concession	2	1	1
Cause	6	0	6
Temporal	5	4	1
Purpose	1	1	0
specification/additional information	18	0	18
Strings	8	–	–

As is seen from the tables, there is no substantial difference in the use of adverbial participial clauses between the native and non-native speakers on the quantitative plane. This dynamic is accounted for by the appropriateness of the aforementioned units to transfer complex information in a compressed way, a highly valued skill in the sphere of academic literacy, irrespective of the nationality.

An interesting and indicative observation deduced from the figures in the tables concerns the distribution and the number of adverbial participles used for the conveyance of more subtle and complex linguistic elements and relations. Thus, Armenian scientists demonstrate quite a restricted range of semantic relations expressed by the constructions under consideration. Moreover, even when they do so, it constitutes a very small amount as compared to natives and Russian scientists. It should be noted that, contrary to Armenian scientists, Russian scientists, exploit these constructions to the full extent, and even more widely than native speakers in the sense of semantic interpretation. This might be due to the fact that the Russian language has quite an elaborate and extensive range of participial clauses in general, while the Armenian language is not as flexible, and in certain cases is quite rigid, which, in its turn, is reflected in the use of the same constructions in a foreign language.

Conclusion

It is a widely accepted fact that "...language allows quick and effective expression, and provides a well developed means of **encoding and transmitting** complex and subtle ideas" [Evans, Green, 2006: 6]. In this paper we viewed adverbial participial clauses from the standpoint of this principle of cognitive linguistics and arrived to show that the encoding and transmission of complex ideas in scientific English requires a high degree of coherence. The results and the ensuing analysis of other structures from the same perspective can yield valuable results both for applied and corpus linguistics.

REFERENCES

- Downing, A., & Locke, Ph. (2006). *English Grammar. A University Course*. UK: Routledge.
- Evans, V., & Green, M. (2006). *Cognitive Linguistics. An Introduction*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers.
- Granger, S. (1997). On Identifying the Syntactic and Discourse Features of Participle Clauses in Academic English: Native and Non-native Writers Compared. In: J.Aarts, I. de Mönnink, &

- H. Wekker (Eds.). *Studies in English Language and Teaching* (pp. 185–198). Amsterdam & Atlanta: Rodopi.
- Holtz, M. (2011). *Lexico-grammatical Properties of Abstracts and Research Articles. A Corpus-Based Study of Scientific Discourse from Multiple Disciplines*. Gehenmigte Dissertation. Darmstadt.
- Langacker, R.W. (2002). *Concept, Image and Symbol: the Cognitive Basis of Grammar*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Leech, G., & Hundt, M. (2009). *Change in Contemporary English. A Grammatical Study*. New York: Cambridge University Press.
- Schmied, J., Haase, Ch., & Povolna, R. (2007). *Complexity and Coherence. Approaches to Linguistic Research and Language Teaching*. Gottingen: Culliver Verlag.

Chubaryan Astghik – PhD, professor, Yerevan State University (Alex Manoogian st, 1, Yerevan, 0025, Armenia); e-mail: astghik.chubaryan@gmail.com

Чубарян Астхик Эдвардовна – канд. филол. наук, профессор, Ереванский государственный университет (ул. Алека Манукяна, 1, Ереван, 0025, Армения); e-mail: astghik.chubaryan@gmail.com

Karapetyan Ruzanna – PhD, Associate professor, Yerevan State University (Alex Manoogian st., 1, Yerevan, 0025, Armenia); e-mail: rkarapetyan79@gmail.com; rkarapetyan@ysu.am

Карапетян Рузанна Рафаэловна – канд. филол. наук, доцент, Ереванский государственный университет (ул. Алека Манукяна, 1, Ереван, 0025, Армения); e-mail: rkarapetyan79@gmail.com; rkarapetyan@ysu.am

УДК 811.111-26

**SYNTACTIC AND RHYTHMIC PROPERTIES OF
 REPRESENTING THE CONCEPT OF “LONELINESS”
 IN K. MANSFIELD’S SHORT STORIES**

S. Gasparyan, M. Sargsyan, G. Madoyan (Yerevan, Armenia)

S. Gasparyan, M. Sargsyan, G. Madoyan. Syntactic and rhythmic properties of representing the concept of “loneliness” in k. mansfield’s short stories. The present article aims at revealing the potential cognitive function of the syntactic and rhythmic arrangement of a piece of literary text. The focus of our analysis is the study of the representation of the concept of “loneliness” in K. Mansfield’s short stories. It is argued that the rhythm in Mansfield’s short stories can facilitate the reader’s perception of the content of the work, enhance the visual and acoustic effects, perform a figurative function, transferring the physical, emotional, mental states of the characters. Additionally, it is asserted that the syntactic arrangement and the rhythm of a piece of text contribute to the formation and perception of the cognitive meaning of the text.

Key words: cognitive function, conceptual sphere, syntactic and rhythmic arrangement.

С. Гаспарян, М. Саргсян, Г. Мадоян. Синтаксические и ритмические способы презентации концепта “одиночество” в коротких рассказах К. Мэнсфилд. В данной статье рассматривается когнитивная функция синтаксической и ритмической организации литературного текста. В частности наш анализ ориентирован на выявление особенностей репрезентации концепта “одиночество” в коротких рассказах К. Мэнсфилд. Анализ материала показывает, что определенное ритмическое оформление облегчает восприятие читателем содержания коротких рассказов автора, повышает визуальные и акустические эффекты, выполняет фигуративную функцию, способствуя передаче информации о физическом, эмоциональном и психическом состоянии персонажей. Кроме того, утверждается, что синтаксическая компоновка и ритм текста играют немаловажную роль в формировании и восприятии когнитивного смысла текста.

Ключевые слова: когнитивная функция, концепосфера, синтаксическая и ритмическая компоновка.

С. Гаспарян, М. Саргсян, Г. Мадоян. Синтаксичні і ритмічні способи презентації концепту “самотність” в коротких оповіданнях К. Менсфілд. У цій статті розглядається когнітивна функція синтаксичної та ритмічної організації літературного тексту. Зокрема, наш аналіз зорієнтовано на виявлення особливостей репрезентації концепту “самотність” в коротких оповіданнях К. Менсфілд. Аналіз матеріалу показує, що певне ритмічне оформлення полегшує сприйняття читачем змісту коротких оповідань автора, підвищує візуальні та акустичні ефекти, виконує фігуративну функцію, сприяючи передачі інформації про фізичний, емоційний та психічний стани персонажів. Крім того, стверджується, що синтаксичне компонування і ритм тексту відіграють важливу роль у формуванні та сприйнятті когнітивного змісту тексту.

Ключові слова: когнітивна функція, концепосфера, синтаксичне і ритмічне компонування.

Introduction

The present article **aims at** revealing the potential cognitive function of the syntactic and rhythmic arrangement of a piece of literary text. The **topicality** of the research is conditioned by the growing interest toward conceptual analysis of literary texts. **Our objective** is to demonstrate that rhythm in short stories can facilitate the reader's understanding of the content of the work,

enhance his/her visual and acoustic perception, perform a figurative function, transferring the physical, emotional, mental states of the characters.

The present research demonstrates the **cognitive approach** which turns very helpful in revealing the conceptual sphere reflected in the text. The research is conducted in the light of the extensive cognitive turn in language and literature (Stockwell 2002, Stockwell 2009, Semino & Culpeper 2002). More specifically, it aims to address issues on text conceptual sphere, particularly the question on how the syntactic means and the rhythmic pattern of the text can contribute to the task of revealing the conceptual sphere in the text. Our study is based on the assumption that the cognitive structure of the text is a means of the authorial picturing of the world, in which the repetition of not only the key words and images but also syntactic patterns contributes to building thematic networks and ensuring a reliable representation of the authorial concepts.

The conceptual orientation of a certain piece of writing has long been mainly ascribed to the semantic content of the work. The stylistic charge of semantic units has also received due attention. In the long run, the role of syntax has somewhat been overshadowed in the creation of the overall impact of a given piece of literature. In the search of the underlying concepts of a piece of literary work, cognitive linguistics, however, has been quite consistent in its study of the syntactic markers (Менджеричкая 1997). Hence, the **subject matter** of the study is the conceptual sphere of the text, with the **scope** encompassing the description of peculiarities of representing the concept of *loneliness* in K. Mansfield's short stories. Of special importance for us is the consideration of the cognitive function of the rhythmical arrangement of the text which supports the process of formation and perception of cognitive meanings. Moreover, we aim to demonstrate that the syntactic arrangement and the rhythm of a piece of text contribute to the creation and perception of the cognitive meaning of the text.

Conceptual Orientation of K. Mansfield's Short Stories

Katherine Mansfield is one of the feminist writers whose works have received a wide recognition not only among the readers but among linguists as well, since they provide an ample area of research nearly at all levels of language. Master of language techniques, Mansfield was able to play with the whole arsenal, the English language can offer, creating most intricate and impressive images. As a matter of fact, they are literally based upon a bundle of stylistic, semantic, phonetic devices which complement one another turning each story into a kind of web calling for a special insight to maneuver. Diverse as the stories may seem both in content and in the form of narrative, Katherine Mansfield's stories are yet connected with each other with some invisible thread. As a matter of fact, only the careful investigation of some biographical data of the author helps shed light on some of the thematic preferences of the writer. In fact, these data help further explain the preference of the author of some of the devices over the others. Still, the most diverse stylistic devices seem to help create the universal concept for all Mansfieldian stories – "*loneliness*".

Despite the content as well as the developments depicted in her stories, they all might successfully go under the general title of *loneliness*. All the characters Mansfield portrayed, young and old, rich and poor, sad or happy, are victims of loneliness, the physical state the author suffered herself. It is the isolation, fatigue, despair, disappointment, powerlessness and certain feelings and emotions they might entail that come to best describe the personages of her stories. On the semantic level, we should distinguish certain units (e.g. wind, chill, dark, lonely, to tremble, to die, etc.) the study of which helps reconstruct the authorial concept of *loneliness* (Sargsyan, Madoyan 2015).

As stated above, the concept of *loneliness* is created and further enhanced not only due to the overall and abundant use of various stylistic devices, but rather, this feeling of seclusion and

despair Mansfield's stories are drenched with, is quite visible and can be easily traced out when analyzing the syntax and the rhythm of the short stories.

Syntactic and Rhythmic Arrangement in the Cognitive Light

Rhythm is generally understood as a tool which regulates on the one hand the author's emotional, aesthetic and speech activities which are reflected in the text via the hierarchy of periodically distributed units at various language levels, and on the other, the process of text perception by the reader (Антипова 1984).

In the works of the proponents of rhythm we observe that the latter confine the text ideology to the rhythmic and intonation structures of the sentence (Черемисина 1989:169). Meanwhile, some linguists point out that text rhythm can be characterized by its compositional function, which is manifested within a larger portion of the text (Эткинд 1974). The rhythm of a text is a relatively regular alternation of various units observable at various text levels, hence it may perform a number of functions, among which those of structuring, aesthetic and expressive-emotional impact are the most evident ones (Гумовская 2000). However, the combination of all these functions allows us to define the rhythm of the structure as a basic factor of text creation and perception. Consequently we can state that it performs an additional, *cognitive function*.

The cognitive function of the rhythm consists in regulating the process of both text formation and perception of the cognitive meaning resulting in a meaningful structure or a whole text. The cognitive function of the rhythm is manifested also by the activation of one of the segments of the sentence. Hence, in terms of syntactic arrangement, the cognitive function of the rhythm acquires significance when we have to deal with artistically motivated deviation, i.e. foregrounding (Leech and Short 1981: 39-45).

For instance, the usual structure of the English sentence is *subject + predicate + object*, and this is a norm, which we have learnt. However, not infrequently in literature we encounter cases when the author deviates from the well-established norm, which results in intensifying the cognitive function of the segment and accelerating the process of perception on the reader's side.

Let us switch to consideration of the following types of sentences frequently occurring in Mansfield's stories.

Drenched were the cold fuchsias, round pearls of nasturtium leaves. <...>

Faint the cry came as they rocked along the fast drying road. <...>

Parched, withered, cold, she stretched on the stones like a piece of tossed-up driftwood.

(*At the Bay*)

And nervously he tied a bow in front of the mirror. (*Mr. and Miss Dove*)

Slower she swung, then took a flying leap; <...>

Viciously she stared at the sun shining through the window space. (*New Dresses*)

Out of the smudgy little window you could see an immense expanse of sad-looking sky.

<...>

Terrible it had been! (*Miss Brill*)

Very stiffly she walked into the middle... (*Her First Ball*)

What can be observed here is the pattern adjective/adverb + noun + predicate – a case of stylistic deviation of the norm which to a great extent helps create the cognitive meaning of the sentence. At first sight the words *nervously, drenched, faint*, etc. in the front position, are words with negative connotation which describe the state of the heroes caused by emotional upheavals in their lives. To demonstrate the case, we will take into consideration the following passage from *Mr. and Miss Dove*.

Here he was! And nervously he tied a bow in front of the mirror, jammed his hair down with both hands, pulled out the flaps of his jacket pockets. Making between 500 and 600 pounds a year on a fruit farm in – of all places – Rhodesia. No capital. Not a penny coming to him. No chance of his income increasing for at least four years. As for looks and all that sort of thing, he was completely out of the running. He couldn't even boast of top-hole health, for the East Africa business had knocked him out so thoroughly that he'd had to take six months' leave... No, he was dashed if he could think of one blessed thing in his favour, while she ... Ah! ... He stopped dead, folded his arms, and leaned hard against the chest of drawers.(Mr. and Miss Dove)

The adverb *nervously*, in the first stressed position, dictates a certain rhythmic pattern to the whole passage. The inner conversation that follows the first sentence confirms the nervous and agitated state of the character who evaluates his own chances of a potential candidate for marriage as meagre. The last sentence of the paragraph comes to sum up the thoughts of the young man. Of course, the effect achieved is not only due to the job of one or two stylistic devices, but rather a careful combination of many of them, and alliteration, as always, is not in the last place. But the occurrence of the adverb *nervously* in the front position creates the initial rhythmic pattern of the passage, which the latter would be devoid of in the case of correct word order. Under the influence of foregrounding a net of metric expectations and mental projections is created in the reader's consciousness, which assists in perceiving the whole passage as a form of materialization of the conceptual sphere of the text.

Another feature recurrent in Mansfield's stories is their excessive dependence on exclamatory and interrogative questions (mostly of rhetorical type) along with the heavy commentary on the part of the narrator. The latter, as will be argued below, further enhances the formulation of the conceptual sphere materialized in the text. As a matter of fact, this technique helps engage readers in the developments perhaps more than any other one. As a result, the reader is left with the feeling that the character is jotting down her emotions on the spur of the moment while experiencing the most troublesome feelings. They help further intensify the feeling of confusion and emphasize the hopelessness of the characters, bringing the concept of *loneliness* to the forefront in one way or another.

*But at the last . . . Ma Parker threw the counterpane over the bed. No, she simply couldn't think about it. It was too much – she'd had too much in her life to bear. She'd borne it up till now, she'd kept herself to herself, and never once had she been seen to cry. Never by a living soul. Not even her own children had seen Ma break down. She'd kept a proud face always. But now! Lennie gone – what had she? She had nothing. He was all she'd got from life, and now he was took too. Why must it all have happened to me? She wondered. "What have I done?" said old Ma Parker. "What have I done?" (*The Life of Ma Parker*)*

Here is a lady suffering from the loss of her dear grandson, the only good thing she had in her life and then she was deprived of this happiness, too. Suffering her great loss in silence was too much for her too bear. The pain becomes evident through the repetition of the negative adverb *never* which becomes more influential in a stressed position in inverted sentences. The overall sadness and the feeling of suffering are even more enhanced through the syntactic constructions. The use of the Past Perfect creates a contrast between the previous and current psychological state of the personage. Moreover, the repetition of certain words, word combinations and syntactic units contributes to the rhythmic arrangement of the passage thereby making the conceptual sphere of the text easier to perceive. From time to time, to conceal the reality and give freedom to her emotions, she has to flee from home and work to find an outpour for the growing pain inside. And the examples provided are only some of the questions she keeps asking herself. In fact, the true power of the pain is not described in plain words or epithets. Rather, it is made obvious through heart-

breaking rhetorical questions the concentration of which at the end of the paragraph intensifies the dynamic pattern of the paragraph and performs a concept-building function. The interchange of stressed positions within the passage and the internal monologue occupying quite a big portion in the paragraph, imparts a specific rhythm which directs the reader's attention on the character's devastated inner state. The rhythm in this case is the tool which regulates and fosters the processes of both the formation and perception of the basic concept of the text.

On the Relevance of Syntax and Rhythm in K. Mansfield's Short Stories

The complex approach to the study of rhythm in a text includes both the analysis of the perception of rhythmic phenomena by the recipient of the text, and the role of rhythm in the transmission and reception of information, since rhythm is a universal law that organizes not only the structure of the story, but also the process of transmitting information. Rhythm, being a repetition of some regular signs, is observed at all levels of text structure, but in this work special attention is paid to rhythmic manifestations at the syntactic level. This is due to the fact that the genre of the story requires the greatest economy of linguistic means and the accentuation of stylistically expressive forms precisely at both lexical and syntactic levels. Using rhythmic techniques at the syntactic level of texts allows authors to stimulate the qualitative increase in cognitive meaning in the process of linear development of the story.

In this respect, another feature of syntactic-rhythmic patterning in Mansfield's stories is to be mentioned. It fosters the creation of the atmosphere of confusion, panic and haste, which to a larger extent contributes to the further elaboration of the conceptual sphere of her stories at the intertextual level: *confusion, uncertainty, disillusionment, despair and undecidedness* are the subconcepts that by and large contribute to the final formation of the concept of *loneliness*.

The materialization of the mentioned subconcepts can be found through a variety of syntactic constructions among which overlapping *gerundial constructions, polysyndeton/asyndeton, and repetition of words denoting motion or bodily movements* can be observed.

Gerundial constructions are generally viewed as one of the most effective tools serving the creation of rhythmical patterns in writing. They help make parts of a sentence and even the succeeding sentences a powerful vocal "choir" and play some specific "melody". This is a technique borrowed by Katherine Mansfield from E. A. Poe whose abundant use of gerundial constructions in his famous *Raven* makes up for the most of the melodic impact it possesses.

He glanced at the book which the girl read so earnestly, mouthing the words in a way that Rosabel detested, licking her first finger and thumb each time that she turned the page. She could not see very clearly; it was something about a hot, voluptuous night, a band playing, and a girl with lovely, white shoulders. (The Tiredness of Rosabel)

Besides the evident melody, gerundial constructions in Mansfield's stories also intensify the feelings of loneliness and despair, i.e. contribute to the realization of the conceptual sphere since in almost all cases they are based on gradation demonstrating some intensification of emotions. The frequent use of gerundial constructions also creates frequent pauses, and as a result, the latter force the reader to gasp for breath while reading, thereby contributing to the overall feeling of panic which, then, is masterfully conveyed to the reader thanks to the manipulation of similar syntactic units, as in the under cited sentences:

While we waited for the car to come up she stood on the step, just as before, twiddling her foot, looking down. (The Young girl)

The two women came up to her, keeping close to the hedge and looking in a frightened way towards the House of Boxes. (How Pearl Button was Kidnapped)

Rhythm at the syntactic level is realized as through the alternation of regular, uniform units of different levels, and with the help of syntactic and stylistic devices, among which, as far as K. Mansfield's stories are concerned, repetition and polysyndeton/asyndeton are to be highlighted.

As the analysis of a wide range of linguistic data shows, polysyndeton and asyndeton also play a significant role in creating the cognitive meaning of Mansfield's texts. Most often polysyndetic and asyndetic patterns are used to change the rhythm of the text, making it faster or slower. In doing so, the writer manages to convey various senses and emotions from gravity tension to excitement, thus giving floor for the concepts to be realized in the text. The segments or sentence clauses in a stressed position enhance the cognitive meaning which the reader perceives unconsciously.

And a little voice, so warm, so close, it half stifled her – it seemed to be in her breast under her heart – laughed out, and said. (The Life of Ma Parker)

But today she passed the baker's by, climbed the stairs, went into the little dark room – her room like a cupboard – and sat down on the red eiderdown (Miss Brill)

She closed the door, lit the gas, took off her hat and coat, skirt, blouse, unhooked her old flannel dressing-gown from behind the door, pulled it on, then unlaced her boots – on consideration her stockings were not wet enough to change.<...>

Rosabel turned to the mirror and placed it on her brown hair, then faced them.<...>

She took off her cloak, dismissed the servant, and went over to the fireplace, and stood peeling off her gloves; the firelight shone on her hair, Harry came across the room and caught her in his arms – "Rosabel, Rosabel, Rosabel. (The Tiredness of Rosabel)

Further, at the compositional level rhythm can be realized through an alternation of the same type of episodes, actions and also a relatively regular repetition of the semantic components. The feeling of haste and confusion also contributes to the overall picture of disillusionment, despair and undecidedness in Mansfield's stories. The chain of verbs of motion, constantly following one another, creates an image of a flow and brings some sort of dynamism to her works. It is quite usual to come across sentences with several verbs all denoting *motion* or *emotional state of mind*.

Henry's heart began to thump and beat to the beat of the train. He felt that it was absolutely necessary that she should look up and understand him at least. He leant forward and clasped his hands round his knees. (Something Childish but Natural)

Verbs denoting physical movement can be counted in numbers. They help make the scene more realistic and visible on the one hand. On the other, the repetition/alternation of the same type of actions creates a specific fragmentary rhythmical pattern which contributes to the realization of the subconcepts *uncertainty, instability, undecidedness*.

Then she shrugged, and smiled and shook her head, meaning she could not speak against the noise... But she got up and buttoned her coat and put her hands to her hat, swaying a little. (Something childish but very natural)

The wind blew close to the ground; it rooted among the tussock grass, slithered along the road, so that the white pumice dust swirled in our faces, settled and sifted over us and was like a dry-skin itching for growth on our bodies. The horses stumbled along, coughing and chuffing. (The woman at the store)

The Enthusiast grunted and yawned, shook himself into existence by rattling the money in his trouser pockets. He jabbed the Mole in the ribs.

As I watched her thinking of Rembrandt and, for some reason, Anatole France, the Stewardess bustled up, placed a canvas stool at her elbow, spread a newspaper upon it, and banged down a receptacle rather like a baking tin. ... (The Journey to Bruges)

Victor sprawled in his chair, patting his little brown dog Bobo and looking, half laughingly, at Max. Suddenly Fuchs looked at Max, raised his eyebrows and nodded across to Victor, who shook his head. From the door Victor watched him plunging through the heavy snow thrust in his pockets—he almost appeared to be running through the heavy snow towards the town. (Blaze)

The more striving the author is, the more modified and transformed a neutral linear presentation is. Authors use a variety of original rhythmic techniques for organizing episodes in the compositional division of stories. In Mansfield's stories alternation/repetition of episodes is built according to the law of gradation, contrast or opposition.

Conclusion

Thus, the study of the problem confirms the initial hypothesis that rhythm in the structure of a short story is an effective means by which the semantic, stylistic, aesthetic capacities of the work of art are increased. Rhythm in K. Mansfield's short stories helps the readers achieve not only a better understanding of the content of the work, but also perceive the conceptual value of the visual and acoustic images, which are aimed to transfer the physical, emotional, mental states of the characters. The syntactic-rhythmic arrangement of the text serves as an important unifying factor contributing to the emergence of the overall conceptual field in the text and highlighting the cognitive aspect of it.

Acknowledgement

This work was supported by the RA MES State Committee of Science, in the frames of the research project № 15T-6B278.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипова А.М. Ритмическая система английской речи / А.М. Антипова. – М. : Высш. школа, 1984. – 120 с.
2. Гумовская Г.Н. Ритм как фактор выразительности художественного текста : дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.04 / Гумовская Галина Николаевна. – М., 2001. – 310 с.
3. Менджерицкая Е.О. Когнитивный синтаксис художественной литературы. Современный английский язык / Е.О. Менджерицкая. – М. : Диалог – МГУ, 1997. – 141 с.
4. Эткинд Е.Г. Ритм поэтического произведения как фактор содержания / Е.Г. Эткинд // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л. : Наука, 1974. – С. 104–121.
5. Черемисина Н.В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь / Н.В. Черемисина. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М. : Рус. язык, 1989. – 240 с.
6. Leech G.N. Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose / G.N. Leech, M.N. Short. – London and New York : Longman, 1981. – P. 39–45.
7. Mansfield K. The Collected Letters of Katherine Mansfield / K. Mansfield. – Volume 5. (eds.) Vincent O'Sullivan and Margaret Scott. – Oxford : Clarendon Press, 1922.
8. Sargsyan M. Representation of the Concept Loneliness in K. Mansfield's Authorial World Picture / M. Sargsyan, G. Madoyan // Armenian Folia Anglistika. International Journal of English Studies. – Yerevan : YSU Press. – 2015. – 2(14). – P. 16–24.
9. Stockwell P. Cognitive Poetics. Introduction / P. Stockwell. – London : Routledge, 2002. – 193 p.
10. Stockwell P. Texture: A Cognitive Aesthetics of Reading / P. Stockwell. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. – 225 p.

11. Semino E. *Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis* (eds.) / E. Semino, J. Culpeper. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2002. – 333 p.

REFERENCES

- Antipova, A.M. (2001). *Ritmicheskaja sistema anglijskoy rechi [The Rhythmic System of English Speech]*. Moscow: Vysshaya shkola.
- Cheremisina, N.V. (1989). *Russkaja intonaciya: poeziya, proza, razgovornaya rech'. [Russian Intonation: poetry, prose, spoken language]*. Moscow: Russkiy yazyk Publ.
- Etkind, E.G. (1974). Ritm poeticheskogo proizvedeniya kak faktor soderzhaniya [Rhythm of a Poetic Work as a Factor of Content]. In: E.G. Etkind, A.F. Losev, & V.I. Martynov (Eds.). *Ritm, prostranstvo i vremya v literature i iskusstve [Rhythm, Space and Time in Literature and Art]* (pp. 104–121). Leningrad: Nauka Publ.
- Gumovskaya, G.N. (2001). *Ritm kak faktor vyrazitel'nosti khudozhestvennogo teksta [Rhythm as a Factor of Text Expressivity]*. (Doct. dissertation). MGPU, Moscow. (in Russian).
- Leech, G.N., & Short, M.N. (1981). *Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose*. London & New York: Longman.
- Mendzherickaya, E.O. (1997). *Kognitivniy sintaksis khudozhestvennoy literatury. Sovremenniy anglijskiy yazyk [Cognitive Syntax of Literary texts. Contemporary English Language]*. Moscow: Dialog – Moscow State University Publ.
- O'Sullivan, V., & Scott, M. (Eds.). (1922). *The Collected Letters of Katherine Mansfield* (Vol. 5). Oxford: Clarendon Press.
- Sargsyan, M., & Madoyan, G. (2015). Representation of the Concept LONELINESS in K. Mansfield's Authorial World Picture. *Armenian Folia Anglistika*. 2(14), 16–24.
- Semino, E., & Culpeper, J. (2002). *Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Stockwell, P. (2002). *Cognitive Poetics. Introduction*. London: Routledge.
- Stockwell, P. (2009). *Texture: A Cognitive Aesthetics of Reading*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

SOURCES OF LINGUISTIC DATA

- Mansfield K. (1959). *Selected Stories*. (Comp. and Comment. By N. Markova. Pref. by I. Katarsky) second edition. Moscow: Foreign Language House.
- Mansfield K. (1984). *The Collected Stories of K. Mansfield*. Middlesex, England. Penguin Books.

Gasparyan Seda Kerobovna – Doctor of Science (Philology), Professor, Honoured Scientist of RA, Corresponding Member of NAS, RA, Department of English Philology, Chair, Yerevan State University, Republic of Armenia, Yerevan, 0025, (Str. Alex Manoogian, 1, Yerevan, 0025, RA); e-mail: sedagasparyan@yandex.ru, sedagasparyan@ysu.am;

Гаспарян Седя Керобовна – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РА, член-корр. НАН РА, зав. кафедрой английской филологии Ереванского государственного университета (ул. Алека Манукяна, 1, Ереван, 0025, Армения); e-mail: sedagasparyan@yandex.ru, sedagasparyan@ysu.am

Sargsyan Mariana S. – Ph.D., Assistant Professor of English Philology Department, Yerevan State University (Str. Alex Manoogian, 1, Yerevan, 0025, RA); e-mail: mariana.sargsyan80@gmail.com

Саргсян Мариана Самвеловна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры английской филологии Ереванского государственного университета (ул. Алека Манукяна, 1, Ереван, 0025, РА); e-mail:mariana.sargsyan80@gmail.com

Madoyan Gohar G. – Ph.D., Assistant Professor of English Philology Department, Yerevan State University (Alex Manoogian st., 1, Yerevan 0025, RA); e-mail: goharmadoyan@mail.ru

Мадоян Гоар Гагиковна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры английской филологии Ереванского государственного университета (ул. Алека Манукяна, 1, Ереван, 0025, РА); e-mail: goharmadoyan@mail.ru

УДК 371.334(076)(100)

INDIRECT SPEECH ACTS VIA CONVERSATIONAL IMPLICATURES AND PRAGMATIC PRESUPPOSITIONS

N.K. Kravchenko (Kyiv, Ukraine)

N.K. Kravchenko. Indirect Speech Acts via Conversational Implicatures and Pragmatic Presuppositions. This paper investigates the correlations between conversational implicature, pragmatic presupposition and indirect act illocution as relying on the acts' «idiomaticity vs. inferentiality» and «transposition vs. non-transposition». I will argue that the meaning of conversational implicatures and indirect acts' illocution relies on situational presuppositions while interpersonal presuppositions determine the choice of directness or indirectness and their coding in accordance with conventional-communicative presuppositions. In addition to the primary and literary illocution, the article introduces the notion of additional illocution that extends the indirect act's meaning without changing its illocutionary type. Correspondingly, the primary illocution, which changes the act's illocutionary type, is viewed as the constituent of transposed acts while additional illocution is appropriate for non-transposed acts. Inferential indirect acts involve two types of relations between illocutions and conversational implicatures, which depends on the acts' transposition vs. non-transposition criteria. In transposed acts, the primary illocution mostly relies on conversational implicature while additional illocution of non-transposed acts relates to implicature through the latter content contribution to speech act's felicity conditions.

Key words: conversational implicature, illocution, indirect speech act, pragmatic presupposition.

Н.К. Кравченко Непрямі мовленнєві акти в ракурсі конверсаційних імплікатур і прагматичних пресупозицій. У статті досліджуються кореляції між конверсаційною імплікатурою, прагматичною пресупозицією і іллокуцією непрямого мовленнєвого акту, що залежать від специфіки непрямого акту як «ідіоматичного vs. інференційного» і «транспонованого vs. нетранспонованого». Показано, що значення конверсаційної імплікатури і ілокуції спирається на ситуаційні пресупозиції, у той час як міжособистісні пресупозиції обумовлюють вибір типу акту, а конвенційно-комунікативні – засобів, що його індексують. Крім традиційного розмежування первинної і буквальної ілокуції, в статті впроваджується поняття додаткової ілокуції, яка розширює семантику акту, не змінюючи при цьому його ілокутивного типу. Відповідно, первинна ілокуція, що змінює тип акту, розглядається в статті як характеристика транспонованого акту, а додаткова – як складова не-транспонованого акту. Інференційний непрямий акт передбачає два типи відношень між ілокуцією і конверсаційною імплікатурою, що залежать від специфіки такого акту як транспонованого і нетранспонованого. Транспонований акт характеризується безпосередньою виводимістю первинної ілокуції з імплікатури, нетранспонований – впливом імплікатури на умови успішності мовленнєвого акту і, опосередковано, на вилучення додаткової ілокуції.

Ключові слова: ілокуція, конверсаційна імплікатура, непрямий мовленнєвий акт, прагматична пресупозиція.

Н.К. Кравченко Непрямые речевые акты в ракурсе конверсационных импликатур и прагматических пресупозиций. В статье исследуются корреляции между конверсационной импликатурой, прагматической пресупозицией и иллокуцией непрямого речевого акта, которые зависят от специфики непрямого акта как «идиоматичного vs. инферентного» и «транспонированного vs. не-транспонированного». Показано, что значение конверсационной импликатуры и иллокуции не прямых речевых актов опирается на ситуационные пресупозиции, в то время как межличностные пресупозиции обуславливают выбор типа акта и индексирующих его средств в соответствии с конвенционально-коммуникативными пресупозициями. Помимо традиционного разграничения

первичной и буквальной иллокуции, в статье вводится понятие дополнительной иллокуции, которая расширяет семантику акта без изменения его иллокутивного типа. Соответственно, первичная иллокуция, меняющая тип акта, рассматривается в статье как характеристика транспонированного акта, а дополнительная – как составляющая не-транспонированного акта. Инференционный косвенный акт предполагает два типа отношений между иллокуцией и конверсационной импликатурой, которые зависят от специфики такого акта как транспонированного и не-транспонированного. Для транспонированного акта характерна непосредственная выводимость первичной иллокуции из импликатуры, для не-транспонированного – воздействие импликатуры на условия успешности акта и, опосредованно, на выведение дополнительной иллокуции.

Ключевые слова: иллокуция, конверсационная импликатура, косвенный речевой акт, прагматическая пресуппозиция.

Introduction

According to J.R. Searle [1979: 31-32], “In indirect speech acts the speaker communicates to the hearer more than he actually says by way of relying on their mutually shared background information, both linguistic and nonlinguistic, together with the general powers of rationality and inference on the part of the hearer”. Therefore, to explicate the procedure of inference of illocution the notions of rationality, inference, linguistic and nonlinguistic background information must be taken into consideration as associated with “the apparatus necessary to explain the indirect part of indirect speech acts” (*ibid.*).

Here, Searle’s statement is viewed from three main perspectives:

Structural: structural elements conventionally indicating illocutionary force,

Presuppositional: shared background knowledge constituted by the set of pragmatic presuppositions,

Implicational: G.P. Grice’s principle of rationality known as the Cooperative Principle, and inference as procedure of conversational implicatures’ calculability.

Linguistic formal-structural devices indicate the illocutionary force of *direct* speech acts. Such illocutionary force indicating devices include performative verbs, the markers of the mood of the verb and other structural elements. In *indirect* speech acts, where the form and function are not directly related, inference of illocution mostly relies on pragmatic triggers. Indirect speech acts’ illocution (ISAI) is then what is implied but not stated by the utterance, where intentional meaning is different from the apparent surface / literal meaning. Such definition of indirect acts’ illocution is similar to the concept of implicature as meaning distinct from what is literal [Osisanwo 2003: 92] and, in particular, it concerns conversational implicature inferred ‘according to the context of utterance’ [Thomas 1995: 57].

In addition, the aforementioned conditions of illocution actualization as compared to the procedure of inferring a conversational implicature, suggested by G. P. Grice, prompts suggestions about some similarities in working out a conversational implicature and a primary illocution of indirect speech act. Thus, according to G.P. Grice [Grice 1975: 50], a process of inferring a conversational implicature (CI) involves its calculability based on the maxim’ flouting with considering the cooperative principle, shared conventional (language) code, background knowledge and the linguistic context of usage (co-text). Searle though not mentioning the flouting of maxims suggests the interpretation of illocution within Gricean inferential model (as relying on general powers of rationality and inference). In view of this it is not unreasonable to assume that the flouting of the Grice’s Cooperative Maxims which make the addressee look for a covert, implied meaning, constitute ISAI’s pragmatic trigger.

However, although the conditions of inference of indirect acts’ illocution, on the one hand, and conversational implicature, on the other hand, are basically the same in Searle’s and Grice’s theories, the functions of flouting of maxims as the illocutionary force pragmatic trigger may not be so single-valued since they vary in idiomatic *vs.* inferential, and transposed *vs.* non-transposed indirect speech acts.

Aforesaid explains the primary **aim** of the article that consists in revealing the correlations between indirect speech acts' illocution, conversational implicature and pragmatic presupposition relying on similarity of their triggers and inference procedure. Corresponding **tasks** of the research involve

- (a) Differentiating the types of pragmatic presuppositions in their interrelation with conversational implicatures and indirect speech acts' illocutions,
- (b) Substantiating the Maxims' flouting as an illocutionary force pragmatic trigger,
- (c) Specifying types of relationships between the indirect speech act illocution and conversational implicature in the framework of the speech acts' "idiomaticity vs. inferentiality" and "transposition vs. non-transposition".

Methods

The data analyzed in this paper include the indirect speech acts taken from conversational, literary and political discourses. We applied descriptive qualitative approach, comprising the data describing, comparing, analyzing, specification, explanation and theoretical justification. Qualitative method agrees with the principal aim of the article, that is the multi-criteria categorization of indirect acts' illocution in the framework of other pragmatic phenomena. ISAI can, therefore be specified as "*multiple realities*" mostly appropriate for qualitative research (for basics of qualitative research see [Lincoln & Guba 1985; Silverman 2001; Strauss & Corbin 1990]).

The collected data are specified by several processes:

The first step is identification of the three-component taxonomy of pragmatic presuppositions as associated with the procedure of ISAI inference.

The second step is establishing the correspondences between the type of presupposition and semantic and structural facets of primary illocution.

The third step is specification of conversational implicatures as relying on the particular types of pragmatic presuppositions.

The fourth step is ISAI analyzing within the framework of conversational implicatures with due regard for their common presuppositions and triggers, i.e. the Maxims' flouting.

The next step is establishing the patterns of correlation between the indirect speech acts' illocution and conversational implicature based on similarities in their working out as well as on criteria of the speech acts' «idiomaticity vs. inferentiality» and «transposition vs. non-transposition». This implies the need of successive analysis of such types of correlations as correspondence, cause-and-effect relations and 'mediation' by speech acts' Felicity conditions evoked by conversational implicatures.

Results and Discussion

Pragmatic Presuppositions: Definition and Taxonomy

According to P. Stalnaker [1972; 1973; 1974; 1998], whose works mostly contributed to this problem, pragmatic presuppositions (PPs) correspond to the background beliefs of the speakers, i.e. propositions whose truth they take for granted in making their statement. Similarly, Teun A. van Dijk equates presuppositions with "the knowledge or belief sets of speaker and hearer" [Dijk 1976: 77]. In the later works, Dijk understands presuppositions as a subset of the cognitive context conditions, projecting this phenomenon into the level of discourse-analysis [Dijk 2008; 2012].

Works on pragmatics take pragmatic presuppositions for granted, as undifferentiated background knowledge, which diminish to some extent their explanatory power as a framework to study other pragmatic phenomena. In my analysis, I will introduce three-componential taxonomy of pragmatic presuppositions consisting of interpersonal, situational and conventional-communicative types.

Interpersonal presuppositions incorporate cognitive information about the speaker-listener personal beliefs about each other, their social status, the level of familiarity and social distance,

their belonging to the common / alien group, sharing the same / different values. Therefore, interpersonal presuppositions determine the choice and combination of pragmatic means to meet the 'face saving balance between proximity and distance' in situations of close relationships or, on the contrary, of social and status inequalities or distance, etc. As is known, close relationships 'allow' direct speech acts as well as the reduction of the considerable part of information known to interlocutors (the Quantity Maxim's flouting) as in (1).

(1) *You understand what the problem is, Albert, she said. Gigi* [Bellow 1982: 107].

Concurrently, interpersonal presuppositions about a social distance evoke negative politeness and indirect acts as in (2).

(2) *You must have been misled by an accidental resemblance* [Maugham 1982: 276].

Interpersonal presuppositions entail *conventional-communicative presuppositions* as communicative competence concerning the culture acceptable strategies associated with particular devices of their indexation and implementation. Such competence determines the choice of speech acts, politeness strategies and maxims, social and institutional role invariants, cooperative maxims and conversational implicatures resulted from their non-observance – in correspondence with culture-specific conventions of a certain society.

For example, in English linguistic culture, knowledge of polite strategies involves the use of whimperatives as conventional indirect speech acts of inquiry with direct illocution of requests or commands – to avoid a face-threatening act of direct imposition as in (3-4).

(3) *Why don't you go and rest for a while?* [Bellow 1982: 185].

(4) *Do you mind just throwing them out of the port-hole?* [Maugham 1982: 322].

In their turn, the conventional-communicative presuppositions, associated with abovementioned strategies rely on Anglo-American cultural values such as «privacy» and «personal autonomy» .

The third type of pragmatic presuppositions includes *situational presuppositions* as interactants' knowledge about the particular communicative situation.

All three types of pragmatic presuppositions form a single cognitive context of the utterance/text interpretation. In other words, the speaker's message, including conversational implicatures and illocutions, intends to be inferred by the hearer by employing the shared pragmatic presuppositions.

Considering the identified types of PPs, I will attempt to determine ways in which they interrelate with the conversational implicatures, inferences and indirect speech acts' illocutions.

Pragmatic Presuppositions in Relation to Illocutionary Meaning and Form

To explicate the interaction between indirect illocution and pragmatic presuppositions I will briefly refer to the distinction between direct and indirect speech acts. While direct acts involve the direct relationship between the illocutionary point of a speech act and its verbal and grammatical structure mostly indicated by sentence forms and performative verbs [Yule 2008: 55], in indirect acts the speaker intends to perform one speech act by means of performing another one. John Searle distinguishes between a primary illocutionary act (what the speaker means to communicate) and a secondary illocutionary act as the literal meaning of the utterance [Searle 1969: 178].

The analysis of the data has shown that there is a certain correspondence between the type of pragmatic presuppositions, on the one hand, and the illocutionary force and its verbal coding, on the other hand.

Dialogues (5-6) illustrate that the speaker's primary illocution and its correct inference principally depends on communicators' situational presuppositions.

(5) *I know. I've read it. Moses, no more* [Bellow 1970: 240].

(6) A: *Are you with me?*

B: *I'm listening, go on, said Herzog* [Bellow 1970: 189].

In (5) the primary directive illocution «*Don't talk about it*» results from the shared situational frame “Discussion of a painful subject”. In (6) A's directive illocution “*Listen to me*” relies on common situational knowledge about B's detached behavior during the dialogue. However, the change of the situational frame (e.g., “*The need of help*”) would entail the illocution of enquiry “*Will you support / join me?*”.

While situational presuppositions specify the meaning of the primary illocution, interpersonal presuppositions determine the choice of directness or indirectness as well as their linguistic arrangement as a part of conventional-communicative presuppositions (communicative competence). In particular, (7-8) display structurally compound utterances, incorporating whimperatives, conditionals, and other means of mitigation to keep the face-saving distance while acts (9-10) occur as structurally simple turns showing close and status-free relations.

(7) *I was hoping we could have a talk about this* [Bellow 1970: 331-332].

(8) *I wouldn't have more to do with him than you can help if I were you, Eleanor*

[Maugham 1982: 273].

(9) *What got into you, Luke? You didn't catch T.B. from your pet, did you?*

[Bellow 1970: 328].

(10) *I'll take a policy on my life*

Not as a favor to me! [Bellow 1970: 112].

Pragmatic Presuppositions in Relation to Conversational Implicatures

Examples (11-12) show that conversational implicatures triggered by the flouting of maxims, rely on the particular background knowledge of the speakers, i.e. their pragmatic presuppositions.

(11) A: *You believe me, don't you?*

B: *I want to, naturally* [Bellow 1970: 54-55].

(12) A: *What makes you think I intend to have a lifelong affair with you? I want some action.*

B: *But Mady – you know how I feel ...* [Bellow 1970: 145].

In (11) B's contribution is obscure and ambiguous urging the interlocutor to look for an implied meaning. Conversational implicature triggered by the flouting of the Maxim of Manner is “Yet I have no reason to trust, but I cannot say that overtly saving your and my own face”. In (12) B changes the topic not answering the direct interlocutor's question because he has nothing to say (he is married and therefore cannot meet the expectations of his girlfriend). He switches the line of conversation to a safer topic, such as the declaration of his feeling. Here, the conversational implicature indicated by the non-observance of the Relation Maxim is “*I cannot marry you*”.

In (11) it comes foremost to interpersonal presuppositions, i.e. the speaker-listener personal beliefs about each other while in (12) CI relies primarily on situational presuppositions explaining the B's inability to justify A's expectations.

In addition, both above-mentioned conversational implicatures simultaneously rely on three types of communicators' presuppositions:

(a) knowledge about each other, i.e. about a degree of familiarity and relationships not allowing to use face threatening answers “*I don't believe you*” in (11) or “*I cannot marry you*” in (12);

(b) communicative competence i.e. possessing, among other things, negative politeness strategies of distancing and indirectness manifested by indirect acts of B;

(c) knowledge about the nature of the particular communicative situation, i.e. about events resulting in B' doubts about A' trustworthiness as in (11) or explaining the B' inability to justify A's expectations as in (12).

Presuppositions and conversational implicatures differ both in their origin and in the type of carried information. Pragmatic presuppositions pertain to the cognitive context (i.e. prior-textual level) while conversational implicatures «belong» to a textual level as means for expanding and

deepening the meaning of the text. The latter constitute therefore the new information while the former are assumed to be known prior to text construction and interpretation.

Indirect Acts within the Framework of Conversational Implicatures and Pragmatic Presuppositions

Similar to conversational implicatures, illocution of indirect acts results from the speakers' intention to mean more than is said. The process of inference of CI and ISAI involves both pragmatic presuppositions and the knowledge derived from the immediate linguistic context.

This suggests that indirect speech acts can be explained within the framework of conversational implicatures, which permit speakers to communicate (and addressees to understand) indirect speech acts' illocution. The flouting of Maxims can serve thereby as the illocutionary force pragmatic trigger. For example, a primarily illocution in dialogues (5, 6, 11, and 12) corresponds to the conversational implicature inferred due to the Quantity Maxim's flouting: the speaker does not specify which aspect of the situation he / she has in mind. Both implicated meanings are equally triggered by Maxims' non-observance and base on situational presuppositions.

The analysis of the data has shown that the type of relationships between the indirect speech acts' illocution and conversational implicature depends on the speech acts' "idiomaticity" or «inferentiality» as well as on the degree of the illocutionary force transformation in transposed *vs.* non-transposed indirect acts.

We have followed J. Searle (1975) and J. Morgan (1978) in that a considerable part of indirect acts appears to be conventionalized, i.e. presented by generalized or conventionalized expressions like "*Can I borrow your pen?*" or "*It's too hot over here*". Such acts are "decontextualized" or contextually non-bound in the sense that their additional meaning is mostly idiomatic and clear without invoking the context. Other indirect acts (let us call them inferential) are interpreted by attracting situational and contextual knowledge and are calculable, following Gordon and Lakoff (1975), from Gricean reasoning.

These two types correspond then to the existing approaches to the explanation of indirect speech acts. One of them may be called "idiomatic" [Sadock 1972; 1974] and the other – "inferential" [Lakoff 1975; Gordon & Lakoff 1975] (for idiom theory *vs.* inference theory – see Levinson 1983: 268).

Idiomatic Indirect Acts in the Light of Implicatures and Pragmatic Presuppositions

Idiomatic indirect acts can be viewed as general idiom constructions mostly used for commands and requests, e.g. the schemes "Can you + verb?" or English "*why not* – questions" [Sadock 1972]. Some scientists call them conventions of usage expressing "short-circuited implicatures": implicatures that once were motivated by explicit reasoning but which do not have to be considered as such any longer [Morgan 1978: 261], activated as the "ready-made".

The vast majority of idiomatic speech acts are transposed, i.e. they involve the transformation of their illocutionary force, which results in changing the type of speech act (as a rule, due to a primary directive meaning) as in (13-15). Let us turn to the following examples:

- (13) *Why don't you let him go down to Monte Carlo and play in the spring tournament there?*
[Maugham 1982: 205].

Here, a primary directive illocutionary force is that of advice: "*I advise you to let him go down to Monte Carlo and play in the tournament*".

- (14) *Why can't you leave us alone?* [Maugham 1982: 291].

A primary directive illocutionary force is perceived as the requests: "Leave us alone".

- (15) *It wouldn't hurt you to stay at home just tonight* [Maugham 1982: 166].

A primary directive illocutionary force is inferred as the warning: "*Stay at home tonight!*"

If to examine idiomatic indirect acts within the framework of implicatures, we can see that their illocutionary force is inferred according to the “rule” both of the conventional and conversational implicatures. On the one hand, idiomatic acts convey the same additional meaning regardless of a context and correspond in this respect to conventional implicatures. More than that, like conventional implicatures, primary illocution of idiomatic indirect acts is inferred from lexical units with inference pattern (*to be not supposed to, can you + verb, why not, etc.*).

On the other hand, similar to conversational implicature, idiomatic illocution is calculable – triggered by the speaker’s non-observance (who thus avoids a direct imposition) of the Quantity and Manner Maxims.

(16) *Why don't you be reasonable like your father and mother?* [Maugham 1982: 293].

The question in (16) constitutes a directive illocutionary force of suggestion “Be reasonable”. This interpretation is conventional, idiomatized, and prompted by the unit *Why don't*. At the same time, additional illocutionary meaning can be viewed as the result of a deliberate non-observance by the speaker of Quantity and Manner Maxims (avoiding direct invitation, he / she is not fully informative and brief).

If viewed from pragmatic presupposition perspective, indirect acts’ idiomacity primarily bases on the conventional-communicative presuppositions, which determine the culture-specific identification of such acts. However, the conventional calculability of the idiomatic acts can be considerably reduced due to situational presuppositions since it is easy to imagine many contexts in which idiomatic indirect acts will be used in their genuine meanings and must be calculated afresh.

Inferential Indirect Acts, Conversational Implicatures and Pragmatic Presuppositions. Transposed and Non-transposed Acts

As distinct from the idiomatic acts, inferential indirect acts always rely on all types of pragmatic presuppositions shaping a single cognitive context of the ISAI identification. Such acts can be either transposed, e.g. with illocutionary force changing the type of the act as in (17), or non-transposed – not changing the act’s type as in (18).

Transposed inferential acts

(17) *Your father said last night that he'd be more than willing to pay for it if you'd go away someplace by yourself and think things. You could take a lovely cruise...* [Salinger 1948: 5].

Here, the literal sentence meaning or in terms of pragmatics, secondary illocutionary meaning is “*You could take a lovely cruise. Your father will willingly pay for it*”.

Primary illocutionary meaning (which is a speaker’s utterance meaning) is deduced as directive (warning): “*Stay away from your husband*”.

Inference of primary illocution in (17) relies on:

(a) macro-textual situational presuppositions in the story “A Perfect Day for Bananafish” which implies the mother’s anxiety for her daughter’s safety because of her husband’s mental disorders,

(b) conversational implicature “*We want to ensure your safety*”. It relies on aforementioned presuppositions and is triggered by the flouting of Quantity and Manner Maxims: the speaker has not disclosed an essential part of information and expresses herself in an ambiguous way by means of hedges, mitigation and Conditional Mood trying to save her own face as well as the faces of her daughter and of her son-in-law.

Conversational implicature bases, in its turn, on interpersonal presuppositions determining the choice of politeness strategy along with conventional-communicative presuppositions providing communicative competence to avoid the face threatening acts.

Non-transposed inferential acts

(18) *Where did you go on the train? Were you running away from me?* [Bellow 1970: 231].

Here, two illocutions can be inferred from the utterance in bold.

Illocution 1 (questioning whether the action was properly assumed): “Were you escaping me?”

Illocution 2 (clarification-seeking question aimed at explaining the motif of action): “*Why were you running away from me?*”.

Inference of illocution 2 bases on:

(a) situational presuppositions constructed by the macro-textual context providing the knowledge about the hearer’s strange behavior,

(b) context-bound interpersonal presuppositions about the communicative strategies expected from the speaker, i.e. face-threatening direct questions, competitive style and speech acts with illocutionary force “*To get the hearer to justify oneself*”,

(c) implicature resulted from the flouting of Maxim of Quantity since the speaker has not disclosed why she interprets the hearer’s actions as an escape from her: “*You have behaved as if you were running away. If it is not, explain yourself*”.

Illocution 2 is an additional illocution that does not change the act’s type and only extends its informational structure. Such type of illocution is distinct both from literary and primary illocution of transposed speech acts and constitutes a foundational property of indirect non-transposed acts.

Indirect Acts’ Illocution and Conversational Implicatures:

Relations of Match and Consequence

Idiomatic and inferential indirect speech acts differ in types of relations with conversational implicature. The first type of relations between CI and indirect acts’ illocution represented by (17) and idiomatic speech acts as in (13-16) is the relation of match: the speaker intentionally flouts one or several Cooperative Maxims to communicate the primary illocution. Such relation is mostly characteristic of idiomatic speech acts (which are basically transposed (13-16)) and of the majority of transposed inferential acts (17, 19, 20).

(19) *Can’t base a whole life on that* [Bellow 1970: 146].

Trying to be polite and avoid forceful wording the speaker in (19) is not perspicuous enough flouting the Maxim of Manner. Conversational implicature triggered by this flouting, relies on interactive presuppositions about the hearer as a victim of abuse. CI as an implied advice “*Forget it*” coincides here with primary directive illocution.

Similarly, in (20) the primary illocutionary force of assertive “B does not want to answer the A’s question” relies on the identical conversational implicature based on the B’s flouting of the Maxim of Relation (B is evasive in his answer switching the conversation to a “safer” topic).

(20) A: *You agree with her?*

B: *How can I? I scarcely know you* [Bellow 1970: 72].

A primary directive illocutionary force in (21) is that of suggestion, which matches the Conversational Implicature: “*Stick to your instincts*”.

(21) *your fundamentally healthy instincts brought you back. They’re wiser than you* [Bellow 1970: 233].

The second type of identified CI-ISAI correlation is the relation of cause-and-effect or dependence when the primarily illocutionary force depends on the conversational implicature as in (18, 22-23).

(22) *But that’s the female nature* [Bellow 1970: 79].

In (22) the conversational implicature “*female is untrustworthy*” as an additional meaning specifying “*what the female nature is*” results from the flouting of the Manner and Quantity maxims (the speaker is obscure and not informative enough) involving the situational presuppositions shaped by the preceding context of the dialogue (*I know Mady is a bitch*, etc.). The implied meaning “*female is untrustworthy*” permits the speaker to communicate (and the addressee to understand) the primary directive illocution: “*Do not trust women*”.

Cause-and-effect relationship between CI-ISAI is specific to inferential speech acts – both transposed (as in 17 and 28) and non-transposed (as in 18, 22-23).

(23) *Muriel, I'm only going to ask you once more--are you really all right?* [Salinger 1948: 5].

The additional illocution of this question is seeking for clarification, which extends the act's informational structure: "*Are you safe? Are you not in danger?*". Unlike primary illocutionary force of the transposed speech acts, illocution in (23) does not transform the illocutionary point of question-request into directive or any other act and only extends its content exemplifying, therefore, the non-transposed speech act.

The utterance gives rise to the conversational implicature: «I know something that allows me to insist on sincere answer to my question». This specifying meaning is triggered by flouting the Quantity and Manner Maxims (the speaker keeps back the most essential part of information and expresses herself covertly using hedging) and relies on the macro-textual context, which provides presuppositions about anti-social behavior of Muriel's husband who is acting «funny» and may completely lose control of himself. To add, illocution partially bases on particular conventional implicature markers *once more* and *really*, which gets the reader to presuppose that a hearer wants to conceal the fact of her being in danger.

The inferred conversational implicature suggests that the speaker holds particular pragmatic presuppositions about the situation and its participants. The speaker assumes that the hearer shares such presuppositions and intends to make sure that they specify the particular point. The conversational implicature "*I know something that allows me to insist on sincere answer to my question*" shapes then *the preparatory condition* of the clarification-seeking illocution "*Are you safe? Are you not in danger?*".

Thereby, in (23) speech acts felicity conditions become a sort of intermediate link between conversational implicatures and indirect acts' illocution. This constitutes a specific subtype of CI-ISAI cause-and-effect relationship, defined as «mediation» – when the primary illocution is evoked by reference to the speech act's Felicity conditions [Austin 1962; Searle 1969; G. Yule 1996: 50] by means of the conversational implicature.

Grician Maxims and Speech Acts' Felicity Conditions

There is a certain correspondence between Grician maxims and speech acts' felicity conditions necessary for a **speech act successful performance**. In particular, the Maxim of Quality is consistent with the Sincerity Condition (if the speech act is being performed seriously and sincerely). Furthermore, compliance with the Quality Maxim constitutes the Essential Condition for assertives: assertive illocution is possible only if the hearer is confident of the speaker's commitments to the truth of the expressed proposition, i.e. that he presents an actual state of affairs. Somehow paradoxically, lexically explicated markers of Maxims' adherence and their accumulation weaken the **felicity conditions** and the degree of the illocutionary force presupposed by such conditions as in (24).

(24) *Don't you think it's rather unwise to go out at night by yourself just now?* [Maugham 1982: 166].

In (24) the speaker mitigates the flatness of his statement by the marker (in italics) of compliance with Maxim of Quality. However, such mean weakens the degree of strength of directive illocution by influencing the Benefit condition (the speaker is not fully sure that his act is being performed in the hearer's interest). To add, the marker of the Maxim's compliance strengthens the "distance" of the speaker from the content of his message by shifting the responsibility to the hearer.

From Conversational Implicature to Illocution through Speech Acts' Felicity Condition

The next type of relation between illocution and conversational implicature is 'mediation' – when the type of the act (its primary illocution) is prompted by its **Felicity conditions, implied by the conversational implicature**.

Example (25) is the indirect transposed speech act that can be interpreted as a directive rather than a commissive. However, the primary illocution of commissive becomes apparent *via Felicity conditions pointed by contextually bound conversational implicature*.

(25) *If we don't succeed in addressing these fundamental problems and in restoring basic values, any attempt to fix what's broken will fail* [Quayle 1992].

Here we have a secondary illocutionary act (of assertive): "*If we don't restore basic values, any attempt to fix what's broken will fail*".

Possible illocution of directive (possible reader's inference): "*Fundamental problems must be addressed and basic values restored to fix something that is broken*".

Conversational implicature: "*Speaker wages an election campaign, implying the Conservative Party as the only political force able to restore the basic values*".

Primarily illocution (of commissive): "*We (our political force) commit to restore basic values*".

The markers of conversational implicature include:

(a) Inclusive *we* (as means of the speaker's identification with his political force, on the one hand, and with the audience – future voters, on the other hand).

(b) Flouting the Maxim of Quantity (the speaker is too verbose), Manner (conditional mood and nominalization reduce distinctness of the propositional content, scaling down the speaker's responsibility for commitment) and Quality of information (by means of exaggeration: any other attempts besides those proposed by the speaker will fail: *If we don't succeed in (...) any attempt to fix what's broken will fail*).

(c) Lexical units indexing the main topos of Conservatives' election discourse: the "basic values".

(d) The macro-textual context, which links the riots in Los Angeles with destruction of "basic values" and, besides, implies the beginning of the election campaign.

The conversational implicature consolidates the following Felicity conditions necessary for the commissive illocution:

Benefit condition: the speaker performs his speech act in the hearer's interests, which is asserted by reference to universal human values and their significance for intended audience.

Ability condition: The speaker has the ability to do the action. This meaning correlates with situation of imaginary choice: the speaker inspires only one, a certain attitude to the situation exaggerating the significance of his / his political force. In addition, he assumes the responsibility for commitment by identifying himself with the forces capable to restore the basic values.

Sincerity conditions: relate to the speaker-audience common ground based on the basic values.

Conversational Implicature and Inference:

Possible Mismatch *via* Pragmatic Presuppositions

So far, I have studied the problem of interrelations between pragmatic presuppositions, indirect acts' illocution and conversational implicatures. Now special attention will be given to the distinction between conversational implicature (implicit meaning communicated by the speaker or writer) and inference (implicit meaning understood by the hearer) caused by dissimilarity in background knowledge of the speaker and the hearer as in (26).

(26) A1: *Then why do you keep aloof, and make me chase you? I realize you want to play the field. After great disappointment, I've done it myself, for ego-reinforcement.*

B1: *A high-minded intellectual ninny, square...*

A2: *Who?*

B2: *Myself, I mean* [Bellow 1970:187].

Move *BI* constitutes the transposed speech act involving the transposition of assertive into expressive with illocutionary force of regret.

Locution: Somebody is called *a high-minded intellectual ninny, square*.

Secondary illocution of assertive: “Statement of one’s own insignificance”.

Primarily illocution of expressive: “*I am very sorry to have hurt your feelings*”.

Conversational implicature (intended by the speaker): “*I am unworthy of you and your emotional sufferings*”.

Inference (inferred by the hearer): “*Perhaps he is talking about me, not about himself*”.

The illocution intended by *B* (in *BI* move) bases on Conversational implicature, which expresses the speaker’s attitudes and emotions towards his own behavior shaping therefore the propositional and sincerity felicity conditions appropriate for expressives. Divergence between the conversational implicature (with its corresponding illocution) and *A*’s inference primarily bases on dissimilarity in interactants’ background knowledge, i.e. their interpersonal presuppositions (while *B* assigns himself to identity category of “worthless”, *A* perceives him as an egocentric person, which is shown by move *AI*), as well as situational presuppositions about the *A-B* relationships. In *A*’s opinion, *B* is neither lucid, clear nor in line with the main topic resulting in miscomprehension by the communicative partner. *A* infers the assertive meaning not intended by the speaker: perhaps he is talking about me, not about himself (this assumption is checked then by the direct question “*Who?*”).

Conclusions

To reveal the correlations between indirect speech acts’ illocution and conversational implicatures I relied on similarity of their triggers and inference procedure involving three types of pragmatic presuppositions, i.e. interpersonal, situational and conventional-communicative. Interpersonal presuppositions incorporate cognitive information about “speaker-listener” social status, their personal attitude towards each other, the level of familiarity and social distance, their belonging to the common or alien group with the same or different values. Interpersonal presuppositions determine conventional-communicative presuppositions as culture-specific conventions of a certain society with means of their manifestation. Situational presuppositions incorporate the communicators’ knowledge about the particular communicative situation.

I argued that the meaning of conversational implicatures and indirect acts’ illocution relies on situational presuppositions while interpersonal presuppositions determine the choice of direct or indirect language use along with their verbal coding related to conventional-communicative presuppositions.

Indirect speech acts can be explained within the framework of conversational implicatures, which permit speakers to communicate and addressees to understand illocutions. Maxims’ flouting can serve thereby as the pragmatic trigger of the illocutionary force. The type of relationships between the indirect speech acts’ illocution and conversational implicature depends on the speech acts’ “idiomaticity” or “inferentiality” as well as on the degree of the illocutionary force transformation in transposed *vs.* non-transposed indirect acts.

Idiomatic indirect acts are general idiom constructions with conventionalized and decontextualized illocutionary meaning while inferential acts’ illocution relies on both the context and situation. Most idiomatic acts are transposed, i.e. their primary (as a rule, directive) illocution involves the illocutionary force transformation.

If viewed within the framework of implicatures, a primary idiomatic illocution is inferred according to the “rule” of both conventional and conversational implicatures. Corresponding to conventional implicatures, idiomatic acts convey the same additional decontextualized meaning triggered by particular lexical units with inference pattern (*to be not supposed to, can you + verb? why not, etc.*). Similar to conversational implicature, idiomatic illocution is calculable – triggered

by non-observance of Quantity and Manner Maxims by the speaker who thus avoids a direct imposition.

If viewed from the perspective of the pragmatic presuppositions, indirect acts idiomaticity primarily bases on the conventional-communicative presuppositions determining the culture-specific patterns of such acts' identification. However, the conventional calculability of the idiomatic acts weakens with the foregrounding of the genuine situational presuppositions.

As distinct from the idiomatic acts, inferential indirect acts always rely on all types of pragmatic presuppositions shaping a single cognitive context of the ISAI identification. Such acts can be either transposed, e.g. with primary illocutionary force changing the act's type, or non-transposed wherein the additional illocution does not change the act's type and only extends its informational structure. For this very reason, I differentiated the primary illocution of transposed speech acts and additional illocution of non-transposed acts.

Idiomatic and inferential indirect speech acts differ in types of relations with conversational implicature. The first type is a correspondence relation when the speaker intentionally flouts one or more Cooperative Maxims to communicate the primary illocution. It is mostly characteristic of idiomatic and transposed inferential speech acts. The second type is a relation of dependence or cause-and-effect when the primarily illocutionary force infers from the conversational implicature. It is specific of inferential speech acts – both transposed and non-transposed.

A specific subtype of the cause-and-effect relationship is “mediation” – when the primary illocution relies on speech act's Felicity conditions evoked by the conversational implicature.

REFERENCES

- Abbott, B. (2000). Presuppositions as nonassertions. *Journal of Pragmatics*, 32 (10), 1419–1437.
- Allan, K. (1997). Indirect Speech Acts. In: Peter V. Lamarque (Ed.). *Concise Encyclopedia of Philosophy of Language* (pp. 401–403). United Kingdom: Elsevier Science Ltd.
- Asher, N., & Lascarides, A. (2001). Indirect speech acts. *Synthese*, 128, 183–228.
- Bellow, S. (1970). *Herzog*. New York: Fowcett Crest Book.
- Bellow, S. (1982). *The Dean's December*. New York: Harper and Row.
- Dijk, T.A. van (1976). Pragmatics, presuppositions and context grammars. In: S.J. Schmidt (Ed.). *Pragmatik* (pp. 53–82). Munich: Fink.
- Dijk, T.A. van (2008). *Discourse and Context: A Socio-Cognitive Approach*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Dijk, T.A. van (2012). Discourse and Knowledge: In J.P. Gee & M. Handford (Eds.), *Handbook of Discourse Analysis* (pp. 587–603). London: Routledge.
- Gordon D., & Lakoff G. (1975). Conversational Postulates. In: P. Cole, & J.L. Morgan (Eds.). *Syntax and Semantics 3: Speech acts* (pp. 83–106). New York: Academic Press.
- Grice, H.P. (1975). Logic and conversation. In: P. Cole, & J. Morgan (Eds.). *Syntax and semantics 3: Speech acts* (pp. 41–58). New York: Academic Press.
- Grice, H.P. (1989). *Studies in the Way of Words*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Horn, L.R. (2007). Toward a Fregean pragmatics: Voraussetzung, Nebengedanke, Andeutung. In: I. Kecskes, & L.R. Horn (Eds.). *Explorations in Pragmatics: Linguistic, Cognitive, and Intercultural Aspects* (pp. 39–69). Berlin: Mouton de Gruyter.
- Lakoff, G. (1975). Pragmatics in Natural Logic. In: E. Keenan (Ed.). *Formal Semantics of Natural Language* (pp. 253–286). Cambridge: Cambridge University Press.
- Leech, G.N., & Thomas, J. (1990). Language, Meaning and Context: Pragmatics. In: N.E. Collinge (Ed.). *Encyclopedia of Language* (pp. 173–206). London: Routledge.
- Levinson, S.C. (1983). *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Levinson, S.C. (1987). Minimization and conversational inference. In: M. Bertuccelli Papi, & J. Verschueren (Eds.). *The pragmatic perspective: Selected papers from the 1985 International Pragmatics Conference* (pp. 61–129). Amsterdam & Philadelphia: Benjamins.
- Levinson, S.C. (2000). *Presumptive Meanings: The Theory of Generalized Conversational Implicature*. Cambridge: MIT Press.
- Lincoln, Y.S., & Guba, E.G. (1985). *Naturalistic inquiry*. Newbury Park, California: Sage.
- Maugham, W.S. (1982). *Collected Short Stories*. New York: Penguin Books.
- Mey, J.L. (2001). *Pragmatics: An Introduction*. Oxford: Blackwell.
- Morgan, J. (1978). Two types of convention in indirect speech acts. In: P. Cole (Ed.). *Syntax and semantics: Pragmatics* (pp. 261–281). New York: Academic Press.
- Osisanwo, W. (2003). *Introduction to discourse analysis and pragmatics*. Lagos: Femolous Fetop Publishers.
- President Obama's Speech on Combating ISIS and Terrorism*. (2014, September 11). Available from: <http://edition.cnn.com/2014/09/10/politics/transcript-obama-syria-isis-speech/index.html>
- Quayle, J.D. (1992, May 19). *Murphy Brown speech*. Available from: http://www.vicepresidentdanquayle.com/speeches_ StandingFirm_CCC_1.html
- Sadock, J.M. (1972). Speech act idioms. In: P. Peranteau, J. Levi, & G. Phares (Eds.). *Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society* (pp. 329–339). Chicago, IL: Chicago Linguistic Society.
- Sadock, J.M. (1974). *Toward a Linguistic Theory of Speech Acts*. New York: Academic Press.
- Salinger, J.D. (1953). *Nine Stories*. Available from: http://materlakes.enschool.org/ourpages/auto/2013/2/25/50973306/Nine_Stories_by_J_D_Salinger.pdf
- Schlenker, Ph. (2008). Be articulate: A pragmatic theory of presupposition. *Theoretical Linguistics*, 34, 157–212.
- Searle, J.R. (1969). *Speech acts: An essay in the philosophy of language*. Cambridge: Cambridge University.
- Searle, J.R. (1979). *Expression and Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Searle, J.R. (1980). What Is a Speech Act? In: A. Pugh, J.V. Leech, & J. Swann (Eds.), *Language and Language Use* (pp. 312–327). London: Heirman Educational Book & Open University Press.
- Searle, J.R., & Vanderveken, D. (1985). *Foundations of Illocutionary Logic*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Silverman, D. (2001). *Interpreting qualitative data: Methods for analysing talk, text, and interaction*. London: Sage Publications.
- Simons, M. (2006). Foundational issues in presupposition. *Philosophy Compass*, 1 (4), 357–372.
- Strauss, A., & Corbin, J. (1990). *Basics of qualitative research*. Newbury Park, London: Sage Publications.
- Thomas, J. (1995). *Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics*. New York: Longman Group Ltd.
- Yule, G. (1996). *Pragmatics*. New York: Oxford University Press.

Kravchenko Natalia Kymovna – doctor of philological sciences, professor, Professor O.M. Morokhovsky Department of English Philology and Philosophy of Language; Kyiv National Linguistic University (Velyka Vasylkivska St., 73, GSP, Kyiv-150, 03680, Ukraine); e-mail: NKravchenko@outlook.com

Кравченко Наталья Кимовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и философии языка имени профессора О.М. Мороховского Киевского национального лингвистического университета (ул. Большая Васильковская, 73, Киев, 03680, Украина); e-mail: NKravchenko@outlook.com

УДК 811.111.26

**FACT AND FICTION IN
 RAY BRADBURY'S *FAHRENHEIT 451*
 G.H. Muradian (Yerevan, Armenia)**

G.H. Muradian. Fact and fiction in Ray Bradbury's *Fahrenheit 451*. Science fiction is a literary genre based on imaginative fiction and postulated scientific discoveries, the intersection of the world of science fiction and the world of reality. It makes people think about the future of the world and plays an important role in the predictions of a highly technologized world, society and their problems. A number of authors have been involved in technological predictions, a famous American writer Ray Bradbury among them, with his science fiction novel *Fahrenheit 451* (1953). In this article my purpose will be to focus on the ontological juxtaposition of factitiousness and fictitiousness in science fiction literature in general and in the abovementioned novel in particular, concerning myself with bringing out the linguistic and stylistic properties of Bradbury's novel in terms of literal and figurative language through the linguostylistic method of analysis. Moreover, I will also concentrate on certain cognitive notions and strategies that condition the factual aspect of the novel and contribute to the creation of an environment of *cognitive estrangement* and finally disclose the cognitive frameworks, resources, meanings, as well as the figurative language of the novel.

Key words: Cognition, estrangement, factitious linguistic units, *Fahrenheit 451*, fictitious linguistic units, science fiction.

Г.А. Мурадян. Факт и фикция в романе Р. Брэдбери “451 градус по Фаренгейту”. Научная фантастика – литературный жанр, основанный на воображении и постулированных научных открытиях, в котором пересекаются мир научной фантастики и мира реальности. Он заставляет людей задуматься о будущем и играет важную роль в предсказаниях высокотехнологического мира, общества и их проблем. Ряд авторов были вовлечены в технологические предсказания, и среди них известный американский писатель Рэй Брэдбери, автор научно-фантастического романа *451 градус по Фаренгейту* (1953). Мое исследование сосредоточено на онтологическом сопоставлении фактивности и фиктивности в научно-фантастической литературе в целом и в упомянутом романе, в частности. В нем с помощью лингвостилистического метода анализа выявлены лингвостилистические особенности романа Брэдбери, настоящие и выдуманные терминологические и образные лингвистические элементы. Я также обращаюсь к определению ряда когнитивных понятий и стратегий, обуславливающих фактивный аспект романа и способствующих созданию среды *когнитивной отчужденности*, тем самым раскрывая когнитивные схемы, вербальные средства и способы, фигуральный язык данного романа.

Ключевые слова: научная фантастика, отчужденность, познание, фактивные языковые единицы, фиктивные языковые единицы, 451 градус по Фаренгейту.

Г.А. Мурадян. Факт і фікція в романі Р. Бредбері “451 градус за Фаренгейтом”. Наукова фантастика – літературний жанр, заснований на уяві і постульованих наукових відкриттях, в якому перетинаються світ наукової фантастики і світ реальності. Він змушує людей замислитися про майбутнє і відіграє важливу роль у прогнозах високотехнологічного світу, суспільства та їх проблем. Ряд авторів були залучені в технологічні передбачення, і серед них відомий американський письменник Рей Бредбері, автор науково-фантастичного роману *451 градус за Фаренгейтом* (1953). Моє дослідження зосереджено на онтологічному зіставленні фактивності і фіктивності в науково-фантастичній літературі в цілому і в згаданому романі, зокрема. У ньому за допомогою мовностилістичного методу аналізу виявлено мовностилістичні особливості роману Бредбері, справжні й вигадані термінологічні та образні лінгвістичні елементи. Я також звертаюся

до визначення ряду когнітивних понять і стратегій, що обумовлюють фактивний аспект роману і сприяють створенню середовища когнітивної відчуженості, тим самим розкриваючи когнітивні схеми, вербальні засоби і способи, фігуральну мову цього роману.

Ключові слова: відчуженість, *451 градус за Фаренгейтом*, наукова фантастика, пізнання, фактивні мовні одиниці, фіктивні мовні одиниці.

Anything you dream is fiction, and anything you accomplish is science, the whole history of mankind is nothing but science fiction.

(Talk: Ray Bradbury 2014)

Introduction

In the 21st century we live in a world full of technological advancement and an abundance of cyberspace; we are astounded at different innovations proving right the predictions of the previous centuries about mankind going to be technologized. Science fiction – imaginative fiction based on scientific discoveries and the ideology of change, the form of literature that talks about facts wrapped in fiction, the intersection of the world of science fiction and the world of reality¹ – plays a topical and important role in this type of predictions. It also makes people speculate about the future of mankind and the world. Science fiction futures express our utopian dreams and dystopian nightmares, showing in creative visions what we see as best and worst for our present world. A number of authors have been involved in future technological predictions, and, concerned with producing science fiction literature, some of them adhere to hard science fiction – referring to natural sciences and pure technological advancement, and others – to soft science fiction – discussing socio-political futuristic issues. Among the latter is the famous American writer Ray Bradbury with his science fiction novel *Fahrenheit 451* (1953). Thus, the **object** of the present study is the linguostylistics of *Fahrenheit 451*. Although the novel is a good example of future prediction, the author himself once mentioned: “I didn't write *Fahrenheit 451* to predict the future, I wrote it to prevent the future” [in Prochnow 2013]. Preventing a disastrous future is actually one of the most important humanistic objectives of the literary genre of science fiction. The linguistic **aim and objective** of this study is to disclose the cognitive frameworks, resources, meanings, as well as the figurative language of the novel, hidden-between-the-lines messages of the author.

The science fiction writer sets the focus on the technological aspect and its relation to imagination, creating the genre initially called *scientifiction* by editor, journalist and publisher Hugo Gernsback [1926], and then – *science fiction*. The Golden Age (or Classic Age) of science fiction which lasted from the late 1930s through the early 1960s was marked by great attention to accurate detail in natural sciences, especially physics, astrophysics, and chemistry, and precise depiction of worlds that more advanced technology might make possible to create.² The New Wave movement (1960-1980)³ dealing with issues like gender, human relationships, and, community which sought to apply mainstream literary qualities to science fiction, preceded the current phase of Cyberpunk/Post-Cyberpunk science fiction (1980 onwards). Previous to and at the beginning of the New Wave period Ray Bradbury had already gained respect in the field.

The **task** of the present case study is to reveal certain aspects of the ontological juxtaposition of factitiousness and fictitiousness in science fiction literature in general and in *Fahrenheit 451* in particular. Firstly, of particular concern are the linguostylistic peculiarities of the mentioned novel in terms of literal and figurative language, denotative vocabulary and expressive means of language. In other words, the analyses carried out on the semantic, metasemiotic and meta-metasemiotic levels of investigation through the linguostylistic and linguopeotic methods of analysis [Gasparyan 2008] enable us to disclose certain stylistic peculiarities of Bradbury's novel. Secondly, concentration on specific cognitive notions and strategies that condition the factitious aspect of science fiction and contribute to the creation of an environment of *cognitive estrangement* [Suvin

1979: 17] make it possible to present not only a literary or solely linguistic analysis but also to view them in light of certain style-forming cognitive linguistic peculiarities.

Intersection of Cognition and Estrangement in *Fahrenheit 451*

Science fiction relies on science even when it is contradicting, ignoring or negating some specific laws of science or technological advancement. It is the form of literature that examines the ways in which science penetrates, alters, and transforms the themes and worldview of fiction, involving in part true, in part fictitious laws or theories of science in which the cognitive content is never questioned.

Cognition, with its rational, logical, objective, real implications, refers to that aspect of science fiction that makes us understand the alien pictures of a given science fiction creation. *Estrangement* is the author's and the reader's unreal, subjective, imaginative, desirable view for a better, different personal and socio-political future that appears on a scale that is sometimes commonplace and sometimes magnificent. The intersection and cooperation of cognition and estrangement or cognitive estrangement results in what D. Suvin [1979: 38] argues to be the *novum*, the "totalizing phenomenon or relationship deviating from the author's and addressee's norm of reality." Suvin [1988: 76] makes the following case: "Born in history and judged in history, the *novum* has an ineluctably historical character. So has the correlative fictional reality or possible world which, for all its displacements and disguises, always corresponds to the wish-dreams and nightmares of a specific sociocultural class or implied addressees." The future in these terms expresses its conditions of possibility – conditions found in the human history of the present and hence – in no way devoid of scientifically possible cognitive solutions.

Cognition is a way of thinking about reality that takes its objectivity for granted. Estrangement is a way of describing reality that assumes the subjectivity of the mind and experience. At first sight the two notions seem to contradict each other. But science fiction is a form of literature in which the one complements the other. Science fiction pretends to take the objectivity of the world it describes for granted, yet clearly does not describe the objective world as we know it to be. It is scientific, but clearly unrealistic and fictitious.⁴

Estrangement differentiates science fiction from not only the realistic literary mainstream fiction but also from myth, folk (fairy) tale and fantasy. The mentioned discourses also doubt the laws of the author's empirical world, but they escape out of their horizons into a closed world indifferent to cognitive possibilities. Anything is possible in a myth, folk tale and fantasy, because they are manifestly impossible, whereas in science fiction the basic fact and the possibly predictable future is taken as a cornerstone. Estrangement, thus, is the process of separating or distancing ourselves from the real world and allowing our minds to imagine or create something that does not exist in our world but might exist in the future. It bases itself on notions that are cognitively logical, and then makes these notions imaginative.

Thus, cognitive estrangement is the ontological juxtaposition of cognitive concepts and imaginative patterns that create an unreal, nevertheless a logical science fictional world. In other words, cognitive estrangement is the factual reporting of fiction. It has the significant effect of estranging, alienating us from our usual assumptions about reality. Through cognitive estrangement science fiction describes unfamiliar things as if they were familiar [Suvin 1988]. Both the presence and interaction of cognition and estrangement, reflection of the factitious and the fictitious, the real and the unreal, the objective and the subjective, the literal and the figurative, the semantic and the metasemiotic, the conceptual and the metaphorical is a must for science fiction [Muradian 2013: 104].

The Linguostylistic Expression of Cognition/Fact and Estrangement / Fiction in *Fahrenheit 451*

Bradbury described his method of composition as “word association, often triggered by a favorite line of poetry” [Encyclopedia of Science Fiction and Fantasy 2005: 59-60]. Literary critic and writer J.B. Priestley [in CliffsNotes 2015] noted that behind Bradbury’s tales are “deep feelings of anxiety, fear, and guilt.” Both characterizations are typical of the style of *Fahrenheit 451*. The novel takes its title from the supposed temperature at which books burn – and is set in a repressive dystopian future where reading is banned and books should be destroyed.

As already mentioned, the role of cognition regarded as the factitious aspect of science fiction and opposing the fictitious one termed as estrangement, is great in *Fahrenheit 451*. In order to understand the discourse of the novel we should try to comprehend its cognitive framework, resources, semantic meanings conditioned by certain socio-technological changes and sociological ideology. Of no less importance is the comprehension of its estrangement models (conditioned by tropes, figures of speech, inherent and adherent connotations) requiring interpretation on the metasemiotic and meta-metasemiotic levels. The multiple cognitive connections or different arrays of information turn into creative mappings, transfers, and fictitious elaborations worked out by the author whose language is not purely semantic; it prompts for construction of meaning in an imaginative context with particular creative, estrangement resources.

From the very first passage of the story we cognize the sociological fact; if there is no knowledge (books), there is no development of consciousness and individual morality in society; if there is no ethical framework, there is no proper community. The cognitive framework helps to understand that along with books any form of personal intelligence, independent thought, and freedom of expression is destroyed, repressed, imprisoned. The estrangement functions within this major framework – in the dystopian world of fire. The fireman Guy Montag (the protagonist) is the killer of the future contrary to his original mission.

It was a special pleasure to see things eaten, to see things blackened and changed. With the brass nozzle in his fists, with this great python spitting its venomous kerosene upon the world, the blood pounded in his head, and his hands were the hands of some amazing conductor playing all the symphonies of blazing and burning to bring down the tatters and charcoal ruins of history. <...> He strode in a swarm of fireflies. He wanted above all, like the old joke, to shove a marshmallow on a stick in the furnace, while the flapping pigeon-winged books died on the porch and lawn of the house. [Fahrenheit 451, p. 1]

At first sight neutral, the words *eaten*, *blackened*, *changed* increase their stylistic charge when we cognize them in association with the fire. Metaphorically, the fire is presented as a *great python spitting its venomous kerosene upon the world*, and the hands of Guy Montag (burning the books) – as *the hands of some amazing conductor*. Burning gives Montag a sense of power, as if he had control over *symphonies of blazing and burning* (an epithet). Like the way a conductor influences music produced by an orchestra, Montag feels that he controls the world he burns. The metaphorical expression *to bring down the tatters and charcoal ruins of history* emphasizes the cultural and historical value of the things burnt. Books are a vital part of the cultural heritage, yet Montag feels nothing but pleasure when burning them. The act of burning is associated with destructive, irresponsible pleasure. We know this because symphonies are refined, sophisticated, enjoyable musical pieces and comparing the act of burning to that of a symphony tells us that Montag sees the burning as a feast for his senses. Fireflies are a beautiful scene when they fly in a swarm. The metaphor *He strode in a swarm of fireflies* describes the sparks and burning embers flying around Montag as he walks through the wreckage. The metaphorical utterance *the flapping pigeon-winged books died on the porch and lawn of the house* contains an epithet (*pigeon-winged books*) and a personification (*books died on the porch and lawn of the house*). Burning books, like

burning pigeons soaring in the sky, like burning human imagination, happiness, hopes, desires and thus plunging people into intellectual darkness (meta-metasemiotical level) enhances the impact of the brutality of what is happening around.

The example below reads:

He held his pants out into an abyss and let them fall into darkness. His hands had been infected, and soon it would be his arms. He could feel the poison working up his wrists and into his elbows and his shoulders, and then the jump-over from shoulder-blade to shoulder-blade like a spark leaping a gap. His hands were ravenous. [Fahrenheit 451, p. 19]

In the genuine metaphor *held his pants out into an abyss and let them fall into darkness*, the inherently connotative noun *abyss* (a space so great that cannot be measured), combined with *darkness*, is indicative of a certain change in the psychology of the protagonist. He is trying to hold his breath when stealing books (to be burnt) as he no longer enjoys the process. This action is just an involuntary bodily reflex. He regards his hands as infected and describes the process through the simile *the poison working up his wrists [...] like a spark leaping a gap*. The *poison* refers to his sense of guilt at wrongdoing. Later this same sense is more vividly expressed when describing how Montag washes his hands at the fire station in an attempt to cleanse them from the guilt (an obvious allusion to Shakespeare's Lady Macbeth). A personified metaphorical expression we come across in the passage is *his hands were ravenous*. The larger context enables us to understand and interpret the meta-content of *ravenous* as his desire to satisfy his unconscious, instinctive eagerness (hunger) for destroying books.

At first sight completely contradicting, estrangement and cognition are interconnected. Estrangement is considered a basic human cognitive ability, central to meaning-making and rationality. As argued by many authors [Johnson 1987; Fauconnier and Sweetser 1996; Lakoff and Johnson 1999], the way we reason and what we can experience as meaningful is based on structures of imagination. Thus, Bradbury's creative language is the result of cognition that centers on estrangement constructions of meaning as the discourse unfolds in the context.

They had two machines, really. One of them slid down into your stomach like a black cobra down an echoing well looking for all the old water and the old time gathered there. It drank up the green matter that flowed to the top in a slow boil. Did it drink of the darkness? Did it suck out all the poisons accumulated with the years? It fed in silence with an occasional sound of inner suffocation and blind searching. It had an Eye. The impersonal operator of the machine could, by wearing a special optical helmet, gaze into the soul of the person whom he was pumping out. [Fahrenheit 451, p. 6]

The extended metaphor elaborated within the general cognitive frame covers the whole passage. The concept of advanced technology (*two machines; impersonal operator of the machine; wearing a special optical helmet*) comes to the fore. This technology, called to save human lives (and it does in this case), is compared to an evil snake sucking the poison out of the body (*slid down into your stomach like a black cobra*). It peeps into the depths of the human soul, drains people of their freedom and knowledge (*It had an eye; gaze into the soul of the person whom he was pumping out*). The inherently connotative nouns *darkness*, *poisons*, *suffocation* are indicative of Mildred's despair and unhappiness. In the century of technological advancement where the human factor is not very important, *the machines* save us but they also control our lives and add to our loneliness.

The negative cognitive view of technology is enhanced through the highly expressive means used in the next example:

It was not the hysterical light of electricity but-what? But the strangely comfortable and rare and gently flattering light of the candle. One time, when he was a child, in a power-failure, his mother had found and lit a last candle and there had been a brief hour of rediscovery, of such illumination that space lost its vast dimensions and drew comfortably around them, and they, mother and son, alone, transformed, hoping that the power might not come on again too soon. [Fahrenheit 451, p. 3]

The two epithets – *the hysterical light of electricity* and *the strangely comfortable and rare and gently flattering light of the candle* – represent two eras: the life before and after technology. The two contradicting notions, the negatively charged *hysterical* and the positively charged *comfortable* indicate that the author's sympathies are with the *rare* first, the good old days with *gently flattering light of the candle*. The next, sixty-one word sentence, and especially the linguistic units *a brief hour of rediscovery; illumination; space lost its vast dimensions and drew comfortably around them; hoping that the power might not come on again too soon* complement this view. Semantically, the word *hysterical* refers to a state where things are out of control. When applied to the *light of electricity*, it shows (on the metasemiotic level) that the light is strong and unsettling to the senses. Interestingly, the larger cognitive frame (technological advancement) helps us to disclose meta-metasemiotic reflections: *the hysterical light of electricity* (technology) reinforces a sense of loneliness and inferiority; in contrast, it is in the candlelight that, basking in warmth, we feel the beauty and happiness of life. The candlelight is *illumination*; the electric light is confusion and depression.

The following passage is a good example of Bradbury's cognitive prediction of the destructive force of technology at a time when the electronic disaster had not arrived yet.

Without turning on the light he imagined how this room would look. His wife stretched on the bed, uncovered and cold, like a body displayed on the lid of a tomb, her eyes fixed to the ceiling by invisible threads of steel, immovable. And in her ears the little Seashells, the thimble radios tamped tight, and an electronic ocean of sound, of music and talk and music and talk coming in, coming in on the shore of her unsleeping mind. [Fahrenheit 451, p. 5]

The seashell symbolizes nature. When we press a seashell against our ear, it seems we hear the sound of the sea. Indirectly compared *thimble radios* and *the little Seashells* are in fact incompatible. The aim of the comparison is to focus on the separation of man from nature, from the real life, materialized in the *thimble radios* (today's iPods – small digital audio players that can store thousands of tracks from the Internet). The separation is expressed through the following expressive means: *His wife stretched on the bed, uncovered and cold, like a body displayed on the lid of a tomb* (simile); *invisible threads of steel* (epithet); *immovable* (connotative adjective), *electronic ocean of sound* (epithet); *unsleeping mind* (epithet). The result of the separation is still more depressing: people live beside one another but listen to their headphones rather than engaging in conversation. The constant, hypnotizing, manipulating sound can only give an illusion of happiness. The meta-metasemiotic reflections indicative of a society plagued by hedonism⁵ – show the isolation of man obsessively dwelling upon mass entertainment instead of the real world. The latter is expressed in Beatty's advice to Montag:

Don't give them any slippery stuff like philosophy or sociology to tie things up with. That way lies melancholy. [Fahrenheit 451, p. 77]

Cognitively, philosophy and sociology are disciplines that examine the nature of life and human existence. Estrangement, however, realized through the word *melancholy*, refers to the notion that *philosophy or sociology* embroil the mind in difficult issues and may lead to depressing truths

(according to Beatty). Thus, Montag (and the society) must reject the disciplines, opting instead to focus on amusement.

However, the novel does not end on such a despondent note. *The tree of life* (p. 77) symbolizing fertility and growth, promises much hope and gives a sense of optimism. The society depicted in the novel is the metaphorization of our past, present and future, and we are glad to find that there is hope for regeneration, a change for the better for mankind on this small planet of Earth.

Conclusion

Science fiction has its unique place in the world of literature. Its uniqueness is conditioned by the all-important juxtaposition of fact and fiction, cognition and estrangement, intellect and imagination, literal and figurative discourses. This juxtaposition, reflected in the cognitive frame of an estranged creative language, works perfectly in Ray Bradbury's *Fahrenheit 451*. The findings presented in this paper support the claim that both cognition and estrangement, and their linguostylistic expressions should be present and interactive in science fiction. Bradbury's estrangement, at first sight an escape from cognition, creates a society that does not exist in reality, and might exist in the future (or already exists). The cognitive framework, resources, meanings, however, is a constant existence in the novel conditioned by certain socio-technological changes and sociological ideology expressed through certain linguistic units realizing their literal meanings. Bradbury's *Fahrenheit 451* proved to be a very useful source for our research thanks to the presence of cognitive notions and richness of figurative language, combined with the hidden-between-the-lines authorial messages.

NOTES

1. Science fiction is a genre of literature that resists easy definition. This has become clear due to a number of works and discussions put forward during the course of its development. All of the many definitions offered by critics have been contradicted or modified by other critics.
2. This was the period in science fiction history that focused on the ability of the given narrative to function within the boundaries of the predictable future and perceive it as something *nostalgic*. This period takes as a premise the idea that science fiction is not interested in what *may happen* but in the way things *have been* [Encyclopedia of Science Fiction and Fantasy 2005].
3. The New Wave, initially centered in England and soon moved to the United States, changed the focus of science fiction from the hard (based on natural sciences) to the soft (based on the humanities).
4. Robert Scholes, in his book *Structural Fabulation* [1975: 2], has stressed the fictitious strain of science fiction. He defines *fabulation* as "fiction that offers us a world clearly and radically discontinuous from the one we know, yet returns to confront that known world in some cognitive way."
5. Hedonism is the doctrine that assumes pleasure or happiness is the highest, the primary or the most intrinsic good for mankind. A hedonist maximizes net pleasure (pleasure without pain) and lacks respect for intellectual activity.

REFERENCES

- Bradbury R. (1953). *Fahrenheit 451* Available from: <http://www.neabigread.org/books/fahrenheit451/readers-guide/epub/>
- Bradbury, R.D. (1953). *Fahrenheit 451*. NY: Random House.
- Critical Essays: Ray Bradbury's Fiction*. Available from: <http://www.cliffsnotes.com/literature/f/fahrenheit-451/critical-essays/ray-bradburys-fiction>
- Fauconnier, G., & Sweetser, E. (1996). *Spaces, Worlds, and Grammar*. Chicago: University of Chicago Press.
- Gasparyan, S.K. (2008). *Lingvopoetika obraznogo sravneniya [Linguistic poetics of figurative comparison]*. Yerevan: Lusakn Publ.
- Gernsback, H. (1926). Introduction. In: Gernsback, H. (Ed.). *Amazing Stories* (pp. 5–11). New York: Experimenter Publishing.

- Johnson, M. (1987). *The Body in the Mind. The Bodily Basis of Meaning, Reason and Imagination*. Chicago: Chicago University Press.
- Lakoff, G., & Johnson, M. (1999). *Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York: Basic Books.
- Muradian, G.H. (2013). Metaphoric Blending in Science Fiction. *Kalbu Studijos. Studies About Languages*, 22, 198–204.
- Prochnow, A. (2013). *Presentations*. Available from: <https://prezi.com/r1ptinlslvag/fahrenheit-451/>
- Scholes, R. (1975). *Structural Fabulation: An Essay on Fiction of the Future*. Bloomington: Indiana University Press.
- Suvin, D. (1979). *Metamorphoses of Science Fiction*. New Haven, Ct: Yale University Press.
- Talk: Ray Bradbury* (2014). Available from: https://en.wikiquote.org/wiki/Talk:Ray_Bradbury.
- Westfahl, G. (2005). *The Greenwood Encyclopedia of Science Fiction and Fantasy*. Westport, Ct.: Greenwood Press.

Muradian Gaiane – PhD, Associate Prof., Yerevan State University (Alex Manoogian, 1, Yerevan, 0025, Armenia); e-mail: g.murad@ysu.am

Мурадян Гаянэ Арутюновна – канд. филол. наук, доцент, Ереванский государственный университет (ул. Алекса Манукяна, 1, Ереван, 0025, Армения); e-mail: g.murad@ysu.am

УДК 811.111[36+42]

**ECHO QUESTIONS IN ENGLISH CONVERSATIONAL DISCOURSE:
 STRUCTURAL-SEMANTIC, COGNITIVE-COMMUNICATIVE,
 AND FUNCTIONAL CHARACTERISTICS**
N.S. Strelchenko (Kyiv, Ukraine)

N.S. Strelchenko. Echo questions in English conversational discourse: structural-semantic, cognitive-communicative, and functional characteristics. The article focuses on echo questions, common in English conversational discourse, presenting their structural-semantic, cognitive-communicative, and functional characteristics from the perspective of cognitive-discursive research paradigm. The language material under analysis (13,938 echo questions in discourse contexts) has been selected from British and American prose of the 20th and 21st centuries as well as 92 feature films. In the study, echo questions are identified on the basis of semantic and/or structural relation to the preceding utterance (stimulus), manifested as its full, partial or paraphrased repetition. Structural and semantic differences from the stimulus are viewed as operation of the syntactic processes of complication and compression, which may be combined with the realization of actualizing, qualifying, and social modus categories. Cognitive-communicative characteristics of echo questions encompass their role in building/updating a mental context model of the communicative situation, repairing communicative failures and restoring discourse coherence, verbalizing mental processes operating during comprehension of the interlocutor's utterance (sensation, perception, thinking, memory, attention) and emotions. Functioning of echo questions, regulated by the mental context model of the communicative situation, involves performing speech acts, both direct (quesitives) and indirect (directives, expressives, metacommunicatives, constatives, and commissives), as well as realizing a number of communicative strategies (information-cognitive, directive, argumentative, evaluative, and metacommunicative) by means of the corresponding tactics.

Key words: communicative strategy, communicative tactic, conversational discourse, discourse coherence, echo question, mental context model of the communicative situation, speech act.

Н.С. Стрельченко. Питання-перепити в англomовному діалогічному дискурсі: структурно-семантичні, когнітивно-комунікативні та функціональні характеристики. У статті розглядаються мовні та мовленнєві характеристики питань-перепитів, поширених в англomовному діалогічному дискурсі, з позицій когнітивно-дискурсивної парадигми лінгвістики. Матеріалом дослідження слугували фрагменти діалогічного дискурсу, відібрані з прозових творів британських та американських авторів ХХ–ХХІ ст., а також англomовних художніх кінофільмів. Виокремлення питань-перепитів як одиниці аналізу було здійснено на основі семантичного та/або структурного зв'язку з реплікою-стимулом, відмінності розглянуто як реалізацію синтаксичних процесів ускладнення/компресії репліки-стимулу, які можуть поєднуватися з актуалізаційними, кваліфікативними та соціальними категоріями модусу. Когнітивно-комунікативні характеристики питань-перепитів пов'язані з їхньою роллю в побудові/оновленні ментальної моделі контексту комунікативної ситуації, подоланні комунікативних збоїв, вербалізації психічних процесів та емоцій, а функціонування – з реалізацією мовленнєвих актів та ряду комунікативних стратегій і тактик.

Ключові слова: діалогічний дискурс, когерентність дискурсу, комунікативна стратегія, комунікативна тактика, ментальна модель контексту комунікативної ситуації, мовленнєвий акт, питання-перепит.

Н.С. Стрельченко. Вопросы-переспросы в англоязычном диалогическом дискурсе: структурно-семантические, когнитивно-коммуникативные и функциональные характеристики. В статье рассматриваются языковые и речевые характеристики вопросов-переспросов,

распространенных в англоязычном диалогическом дискурсе, с точки зрения когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики. Материалом исследования послужили фрагменты диалогического дискурса из прозы британских и американских авторов XX–XXI веков, а также англоязычных художественных кинофильмов. Определение вопросов-переспросов как единицы анализа производилось на основании семантической и/или структурной связи с репликой-стимулом; отличия рассматривались как реализация синтаксических процессов усложнения/компрессии реплики-стимула, которые могут совмещаться с актуализационными, квалификативными и социальными категориями модуса. Когнитивно-коммуникативные характеристики вопросов-переспросов связаны с их ролью в построении/обновлении ментальной модели контекста коммуникативной ситуации, преодолении коммуникативных сбоев, вербализации психических процессов и эмоций, а функционирование – с реализацией речевых актов, коммуникативных стратегий и тактик.

Ключевые слова: вопрос-переспрос, диалогический дискурс, когерентность дискурса, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, ментальная модель контекста коммуникативной ситуации, речевой акт.

1. Introduction

Echo questions are attracting considerable interest due to being a common feature of conversational discourse [Carter & McCarthy 2006: 199]. Researchers have addressed them from a number of standpoints: as dialogical citation [Arutjunova 1986], expression of distrust [Kovsh 2007], a strategy to realize lying [Pyrozhenko 2001], a grammatical-syntactic means of speech contact prolongation and turn-taking [Chhetiani 1987: 146–151], discourse cohesion and rapport-building [Tannen 2007: 48–101]. However cognitive-communicative characteristics and functioning of echo questions in English conversational discourse have not been dealt with in depth, which makes the present study **topical**. The **object** of analysis is echo questions in English conversational discourse and its **subject matter** is constituted by structural-semantic, sociocognitive, and pragmatic-discursive characteristics of echo questions functioning in English conversational discourse. The **aim** of the research is to examine semantic-syntactic, sociocognitive, and communicative characteristics of echo questions in English conversational discourse. The language **material** under analysis (13,938 echo questions in discourse contexts) has been selected by means of continuous sampling from 26 prose works of British and American authors of the 20th and 21st centuries as well as 92 English feature films. To achieve the aim of the study a number of **methods** have been employed at different stages of the research: general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction), structural (constructional and transformational analysis, following G.G. Pochepcov [2009]), and functional method (cognitive-contextual, speech-act, contextual-pragmatic, and discourse analyses).

2. Results and discussion

2.1 Structural-semantic characteristics of echo questions

In the literature, several terms are used: "echo" [Huddleston 1984: 376–377], "echo question" [Artstein 2002; Biber et al. 1999; Carter & McCarthy 2006; Cruttenden 1986; Fiengo 2007; Leech 2006; Quirk et al. 1985; Radford 2009; Santorini 2007], "repeat question" [Fiengo 2007: 76], and "metalinguistic question" [Horn 2001: 381]. P. Collins [2006: 186] uses the terms "echo" and "echo question" interchangeably.

Identification and study of echo questions as a language and speech unit presupposes considering formal, semantic, and functional criteria applied by researchers. According to the **form**, Quirk et al [1985: 803] distinguish four types of simple sentences (clauses [Collins 2006: 180–181]) in English: declaratives, interrogatives (yes/no and wh-), imperatives, and exclamatives. Structurally, echo questions may correspond to any type of the "stimulus" (J. McCawley's term [1998: 561]) which they repeat.

Taking into account the differentiation between the terms "interrogative" and "question" suggested by M.I. Zhinkin [1955: 23], it should be noted that according to their **formal**

characteristics, echo questions may be represented by general/special interrogatives and depending on the type of the expected answer [Quirk et al. 1985: 806; Tsui 1992: 90] they may be general (with/without inversion or tag questions), special, and alternative questions.

According to their functional-semantic characteristics, echo questions are regarded as "a type of sentence used to question something which someone else has just said (often in an air of incredulity), repeating all or most of what they have just said" [Radford 2009: 383], repetition of the interlocutor's previous utterance [Leech 2006: 35; Teschner & Evans 2007: 64], which performs a number of functions in conversational discourse such as confirming that the interlocutor's utterance has been perceived and understood accurately, requesting to repeat the utterance or elaborate on the provided information, often caused by misunderstanding, which may be real or feigned [Santorini & Kroch 2007], expressing emotion/evaluation: surprise, disbelief, disapproval or anger [Leech 2006; Santorini & Kroch 2007; Teschner & Evans 2007].

Studying cognitive-communicative characteristics and functioning of echo questions, we take the following features into account: the preceding and following utterances, expression of rational and/or emotional information, full/partial or paraphrased repetition of the stimulus, semantic and/or structural connection with the latter [Strelchenko 2015: 246]. Consider the following situation with an echo question demonstrating a paraphrased version of the interlocutor's utterance.

(A) "*... I got laid off yesterday, replaced by a computer.*"

(B) "*You got fired?*" *Her mother sounded stunned* [Steel 2010: 30].

While the grammatical structure of the stimulus is completely preserved (S + get + Participle II), the echo question expresses additional connotative meanings (negative evaluation of the past event and the emotion of surprise).

In order to define systematic relations underlying functional realizations of echo questions compared with the structure of the stimulus, the "stimulus – echo question" unity has been analyzed from the viewpoint of its structural modifications. According to G.G. Pochepcov [2009: 361–381], relations between syntactic units may be explained with reference to the term "syntactic process", which presupposes formation of a derivative unit from a basic one. Syntactic derivation pertains to the level of the sentence and its parts. According to the structural changes of a syntactic element, G.G. Pochepcov distinguishes processes which involve its complication (expansion, complication, contamination, extension, adjoinment, enclosure) and compression (replacement, representation, ellipsis). In this study, we view the stimulus as a basic structure and the echo question as a derived one, which differs from the stimulus in the number of the repeated elements (full/partial repetition), part-of-speech characteristics, and the vocabulary used. The following example illustrates operation of two syntactic processes: ellipsis and extension:

(A) "*You saw her?*"

(B) "*Didn't see her. Wasn't looking that way. Just a rustle and a sort of smell of scent.*"

(A) "*Scent? A good scent?*" [Christie 2007: 173].

In the English language, an echo question constitutes a structural-functional pattern generalizing a number of communicative meanings [Bloh 2000: 47], which is actualized in speech [Pochepcov 2009: 312] in a particular communicative situation.

Predicativity, understood as reference of the sentence meaning to reality, encompasses the categories of tense, modality, and person (in a broad syntactic sense) and is expressed with varying degrees of completeness in any sentence [Vinogradov & Istrina 1960: 78–82]. Studying modality in echo questions, we follow the approach of T.V. Shmeleva [1984], who, drawing on the ideas put forward by Ch. Bally, V.V. Vinogradov, and F. Daneš, differentiates between objective and subjective (communicative aspect and modus) meaning of a sentence. Communicative aspect pertains to the opposition of questions/non-questions and information structure of an utterance, while modus encompasses actualizing (personalization, placement in time and space), qualifying

(modality, authorization, persuasiveness, evaluation), and social categories (attitude to the interlocutor and directness in formulating an utterance).

The expression of modus categories by means of echo questions (as compared with the stimulus utterance) may be combined with the operation of syntactic processes. For instance, the category of authorization may be realized along with the syntactic processes of replacement and enclosure:

Beth: *You're terrific.*

Nick: *You really think so?* Beth nods [Frost 2004].

In the language material analyzed, non-clausal echo questions, realizing implicit predicativity [Dymarskij 2013], are represented by (a) syntactic non-clausal units [Biber et al. 1999: 1082–1089], which can form clauses (units of a higher level) and stand alone: (A) *I mix it up myself from phosphorus.* (B) **Phosphorus?** [Bennet 1996], or (b) inserts. For instance, interjections, discourse markers, and backchannels may join another structure by means of intonation, however, they are not related to it syntactically [Biber et al. 1999: 1082–1089]:

"Words!" said Megan Barnard.

"Eh?" Poirot looked at her inquiringly.

"What you've been saying. It's just words. It doesn't mean anything" [Christie 1989: 81].

Structurally, Poirot's utterance differs from the stimulus, however, its functions in this communicative situation (indicating misunderstanding and requesting to repeat and elaborate on the information provided) allow us to regard it as an echo question.

2.2 Theoretical approach to studying cognitive-communicative characteristics and functioning of echo questions

Examining echo questions in English conversational discourse presupposes interpreting both the utterance and the context of its use. Developing his sociocognitive theory of discourse studies, T. van Dijk [2008: 15–24] defines *context* as a dynamic (constantly updated), individual and subjective mental model regulating the processes of discourse production and comprehension.

Identifying cognitive-communicative nature of echo questions involves studying their role in building a mental context model of the communicative situation (elaborating on its components), repairing communicative failures (in cases when communicators have difficulty building a mental model), as well as verbalizing the speaker's mental processes and expressing emotions after he/she perceives the interlocutor's utterance. Describing the functioning of echo questions calls for examining the influence of the existing mental context model on their illocutionary/perlocutionary success, and the communicative strategies and tactics they realize.

2.3 Cognitive-communicative characteristics of echo questions

Cognitive-communicative nature of echo questions may be studied with reference to their role in the processes of information exchange and comprehension. According to T. van Dijk, discourse production and comprehension are regulated by mental models ("subjective representations of *events* or *situations* in which a person participates at a certain *moment of time*, at a certain *place*, with other participants (with variable *identities* and social *roles*), engaged in a specific *action* and with specific *goals*" [van Dijk 2012: 588]). A mental model may feature both the speaker's personal experience and discourse (e.g., the news) [van Dijk 2012: 588–589]. Apart from the explicitly expressed verbal information, a mental model is complemented by inferences based on the knowledge and beliefs shared by members of a language community, which make mutual understanding possible [Zwaan & Radvansky 1998: 163]. The structure of a mental model is at least partially isomorphic with the sentence meaning (e.g., in the case of reading the protagonist in a story corresponds to the agent on the syntactic level) [van Dijk 2014: 53].

Characterizing the types of mental models, T. van Dijk [2012: 588–589] differentiates between a semantic situation model, which represents the situation or events described in a

discourse/text, and a dynamic pragmatic context model of the communicative situation in which the interlocutors are currently taking part. In the course of comprehending the interlocutor's utterance, speaker B (who produces an echo question) reconstructs mental model of A's (interlocutor's) discourse or intentions and uses an existing mental context model of the communicative situation to plan his/her own discourse. Context models ensure that the discourse is pragmatically appropriate for the communicative situation, while their influence remains implicit and is manifested only in cases of communicative failures [van Dijk 2008: 19].

Analysis of the language material revealed that apart from repairing communicative failures, echo questions in conversational discourse are also used to build/update mental context models, influencing communicative interaction, and situation models of the past events being discussed, by asking for repetition (clarification/elaboration) of the respective elements of the previous utterance or discourse. Besides, echo questions are used as inferences or assumptions by speaker B to verbalize implicit information necessary to build a mental (context/situation) model.

In the case of building a context model, echo questions are used to ask about the interlocutor's personality, status and role, knowledge, beliefs, intentions, wishes, plans, attitudes, emotions, and the subject being discussed, while a situation model of a past event may be updated in terms of time/period, place of action, the participants, their characteristics and behaviour, attitudes, wishes, and motives. A situation model, which contains information about past events or previous conversations of the communicators, constitutes a component of the context model (namely knowledge), while past actions of the people interacting (and their motives) are defined by context models in the past.

Identifying who the interlocutor is usually takes place at the beginning of a conversation, with echo questions being used to inquire about his/her name and occupation:

Makinson: *Is there some way I can help you, gentlemen? My name is Makinson.*

Poirot: *Peter Makinson? The agent of Henry Gascoigne?*

Makinson: *Yes, what a tragic loss!* [Rye 1989a].

According to T. van Dijk [2012: 589], understanding a discourse presupposes building its coherent mental model, which involves "integration of information from the discourse and the comprehender's knowledge and cognitive activities" [Zwaan & Rapp 2006: 737]. In research on discourse comprehension, three levels/types of mental models/representations are studied: the surface structure (a word-for-word representation of the text, which is forgotten quickly unless it is pragmatically relevant); the textbase or propositional representation ("idea units explicitly stated in the text, along with some bridging inferences"); and the situation model (information from the text complemented by background knowledge) [Zwaan & Rapp 2006: 737].

When speaker B has difficulty building/updating a mental model on the basis of the interlocutor's utterance and his/her own knowledge, echo questions are employed to repair communicative failures. Misunderstanding of the interlocutor's utterance may be caused by word identification problems, lexical/structural ambiguity, failing to identify the interlocutor's reference or communicative intention, implicit information or speaker A flouting P. Grice's Cooperative Principle and its subsequent maxims [Grice 1989: 26]. In such cases echo questions serve to restore discourse coherence:

Ann Shapland: *The Emir Ibrahim is in London, Miss Bulstrode. He wants to take Princess Shaista out tomorrow.*

Miss Bulstrode: *To take her out of the school?*

Ann Shapland: *No, no. Just out for lunch.*

Miss Bulstrode: *Oh! Yes, by all means. But she must be back by eight o'clock* [Kent 2008].

In this communicative situation, Miss Bulstrode uses an echo question to resolve lexical ambiguity of Ann Shapland's utterance.

Difficulties in building a mental model may also be caused by inconsistencies between the stimulus utterance and speaker B's general, cultural or situation-specific knowledge:

Hannah: *My last cake, he calls it "Delicious death".*

Miss Blacklock: *Oh, but that's a compliment!*

Hannah: *Death is a compliment?* shrugs her shoulders [Giles 1985].

Thus, echo questions indicate a coherence break and subsequent communicative failure; on the other hand, they are employed to increase discourse coherence by asking the interlocutor to resolve misunderstanding.

Being used as a reaction to the interlocutor's utterance, echo questions may be studied as a means of verbalizing speaker B's mental processes (sensation, perception, thinking, memory, and attention [Vynoslavs'ka et al. 2005]), operating when he/she perceives the interlocutor's utterance. Cognitive-contextual analysis [van Dijk 2000] of the language material revealed that echo questions serve to repair communicative failures on the levels of **sensation** and **perception**, caused by noise, speaker B's hearing impairment or speaker A's unclear pronunciation:

"He didn't say what he has going?" Rider asked.

"Not yet. But it must be something. He wouldn't even tell me which prosecutor he's working with."

"Ricochet."

"What?"

She said it slower. "Rick O'Shea. He's on the Waits case. I doubt Olivas has anything else going. They just finished the prelim on that and are heading to trial" [Connelly 2006].

During the process of **thinking** echo questions provide speaker B with additional time to elaborate on important details or consider his/her answer to the question posed:

The inspector was transfigured with excitement. His native accent rattled like a stick upon railings. "Man," he cried, "there's not a doubt of it! Barker has just marked the window himself. It's a good deal broader than any bootmark. I mind that you said it was a splay-foot, and here's the explanation. But what's the game, Mr. Holmes – what's the game?"

"Ay, what's the game?" my friend repeated thoughtfully [Doyle 1993: 878].

Memory is verbalized both in terms of its processes (remembering (*How on earth am I going to remember all this?* [Ephron 1998]), recollecting (*Alan Carstairs? I've heard that name before somewhere.* [Davies & Wharmby 1980]), forgetting), and types of memory (voluntary mechanical/logical, sensory/short-term/long-term) as well as stimulating the interlocutor's mental activity (*"Looking back at the evening which you spent together, does anything stand out in your memory as throwing any possible light upon the tragedy? Think carefully, Mr. Tregennis, for any clue which can help me."* [Doyle 1993: 786]). Communicative failures may also be caused by speaker B's lack of attention while perceiving/remembering the interlocutor's utterance or being unable to divide his/her attention between several communication channels.

According to F. Daneš [2004: 25–26], conversational discourse is characterized by a complex interplay of cognitive and emotional activity. Rational evaluation of the interlocutor's utterance may be combined with the expression of positive or negative emotions; at the same time, emotions affect mental processes such as thinking and memory (recollecting). Emotions accompanying the operation of mental processes may be expressed by description of speaker B's nonverbal behaviour, nomination of his/her emotions, and emotionally charged vocabulary. Several emotions may be expressed simultaneously or succeed one another under the influence of the current context model and constant evaluation of speaker A's utterances. The emotions expressed differ in terms of being voluntary/involuntary, sincere/feigned, and conscious/unconscious.

Description of speaker B's emotions may be performed by his/her interlocutor/observer (the narrator in fiction) or result from introspection. Consider the following example:

Poirot's voice arrested her.

"Wait, mademoiselle. I have something to tell you. Come back."

Rather unwillingly, I thought, she obeyed.

Somewhat to my surprise, Poirot plunged into the whole story of the A B C letters, the murder of Andover, and the railway guide found by the bodies.

He had no reason to complain of any lack of interest on her part. Her lips parted, her eyes gleaming, she hung on his words.

"Is this all true, M. Poirot?"

"Yes, it is true."

"You really mean that my sister was killed by some horrible homicidal maniac?"

"Precisely."

She drew a deep breath.

"Oh! Betty – Betty – how – how ghastly!" [Christie 1989: 52–53].

In this communicative situation, Megan's emotional state is described by Captain Hastings, present during the conversation. Her unwillingness to continue communication gives way to interest expressed by means of naming the emotion, describing the girl's nonverbal behaviour (facial expression and gaze which show her attention and involvement) as well as her use of echo questions. Megan's interest is combined with surprise and fear, expressed by the discourse marker *really* and the adjective *horrible*, which have emotive connotations [Longman Dictionary of Contemporary English].

Thus, cognitive-communicative nature of echo questions has been studied with reference to their role in building/updating mental (context/situation) models, increasing conversational discourse coherence by repairing communicative failures as well as verbalizing mental processes and emotions.

2.4 Functioning of echo questions

Depending on the speaker's communicative intention they serve to realize, echo questions in conversational discourse are used to perform a number of speech acts. A typology of the latter, applicable to studying the English interrogative sentence from the diachronic perspective has been put forward by I.S. Shevchenko [1998: 47–51] (based on the works of J. Searle and G.G. Pochepcov) in which the following types of speech acts are distinguished: quesitive, directive (injunctive and requestive), expressive, metacommunicative, constative, and commissive.

The illocutionary force of a quesitive speech act is realized when echo questions are used to request elaboration, clarification or repetition of some elements of the stimulus utterance, check an inference or assumption, and ask for confirmation or commitment.

As formal and functional characteristics of an utterance may be correlated in a number of ways [Pochepcov 2009: 444–446], echo questions combine secondary illocution of a quesitive with primary illocution of an indirect directive (injunctive, requestive, disagreement-directive), expressive, metacommunicative, constative or commissive (promissive, asking for instructions, refusal, and menacive).

Pragmatic analysis of reactions to echo questions revealed that success of the latter in terms of illocution (recognizing the interlocutor's communicative intention) and perlocution (performing the required actions or changing one's beliefs [Davis 1980: 54; van Dijk 1977: 198–200]) is defined by mental context models of the communicative situation (namely similarities/differences in the communicators' aims, interests, knowledge/beliefs, their psychological/emotional state, social status and roles as well as linguistic features of a speech act [van Dijk 1981: 128–132]). For instance, perlocutionary success of a quesitive speech act lies in receiving the answer requested: Ellie Henderson: *How did you know that?* Captain Hastings: *Er, the captain mentioned it. He just happened to mention it* [Rye 1989b], whereas refusal to provide information means unsuccessful perlocution:

Deniston Russell: *They're my burglar tools.*

Constable: *Burglar tools? What do you want with them?*

Deniston Russell: *I refuse to say* [Zampi 1951].

Strategic use (production) of echo questions is regulated by the mental context model of the communicative situation. Thus, echo questions may serve to elaborate on the components of the context model, which is constantly updated, increase its coherence by repairing communicative failures, and attain speaker B's ends influenced by the existing context model.

Types of communicative strategies suggested in the study correlate with the components of the communicative act [Jakobson 1987: 66]: addresser (evaluative strategy), message (information-cognitive strategy), addressee (directive and argumentative strategies), context, code and contact (metacommunicative strategy). Table 1 presents the typology of communicative strategies and tactics developed.

Table 1

Typology of strategies and tactics

Strategies	Tactics
information-cognitive strategy	requesting elaboration/repetition/clarification/confirmation, checking an inference/assumption, summarizing, giving an answer, avoiding a detailed answer, asking for instructions/permission/commitment
directive strategy	ordering, exhorting, instructing, recommending/advising, requesting
argumentative strategy	providing conditions for possibility of an action, changing the subject of conversation, appealing to necessity/impossibility/absence of alternatives/nonidentity/cause-effect relationship/the structure of reality/compatibility/plausibility/insufficient evidence/common sense/authority/gains/pathos, arguing ad hominem
evaluative strategy	expressing rational evaluation, disagreeing, criticizing, expressing irony, expressing emotional evaluation, evaluating the interlocutor
metacommunicative strategy	establishing communicative contact and identifying the interlocutor, prolonging/terminating communicative contact, inducing the interlocutor to perform a communicative action, regulating the subject under discussion, regulating temporal aspect of the conversation, managing turn-taking, influencing the wording of the interlocutor's utterance, evaluating the interlocutor's utterance, defining the meaning of a word, suggesting a nomination

3. Conclusions

In this study, echo questions are identified on the basis of semantic and/or structural relation to the stimulus utterance, manifested as full/partial repetition or paraphrase thereof. Structural and semantic correlation of an echo question with the stimulus utterance is viewed as realization of the syntactic processes of complication/compression, which may be combined with actualizing, qualifying, and social modus categories.

Methodologically, the research is based on T. van Dijk's sociocognitive theory of discourse analysis, whereby cognitive-communicative nature of echo questions is viewed through their role in building/updating a mental context model of the communicative situation, repairing communicative failures thus increasing discourse coherence as well as verbalizing mental processes (sensation, perception, thinking, memory, attention) and emotions.

Functioning of echo questions in conversational discourse (realization of speech acts, communicative strategies and tactics) is regulated by the existing mental context model of the communicative situation. Speech acts performed by echo questions may be direct (quesitives) and indirect (directives, expressives, metacommunicatives, constatives, commissives), with their

illocutionary/perlocutionary success depending on the mental context model (communicators' differing aims, interests, knowledge/beliefs, their psychological and emotional states, social status and roles, and the language means used). The typology of communicative strategies and tactics developed in this study is based on the correlation between the speaker's communicative aim and the components of the communicative act proposed by R. Jakobson. In order to update a mental context model, the speaker employs tactics of information-cognitive strategy, which ensure gaining/providing the relevant information. Evaluative strategy enables the speaker to express his/her rational/emotional evaluation; argumentative strategy involves an attempt to change the interlocutor's beliefs, while directive strategy is aimed at his/her behaviour. Metacommunicative strategy regulates the communication process with respect to establishing, prolonging, and terminating communicative contact, turn-taking, temporal and status characteristics of the communicators, formulation of the stimulus utterance as well as defining the subject of conversation.

The approach developed may find further application in studying cognitive-communicative characteristics and functioning of echo questions in different types of discourse both synchronically and diachronically.

REFERENCES

- Artstein, R. (2002). A focus semantics for echo questions. In: A. Bende-Farkas, & A. Riester (Eds.). *Workshop on information structure in context* (pp. 98–107). Stuttgart: IMS. Available from: <http://artstein.org/publications/echo.pdf>
- Arutjunova, N.D. (1986). Dialogičeskaja citacija (K probleme čuzhoj reči) [Dialogical citation (On the subject of other's speech)]. *Voprosy jazykoznanija. – Topics in the study of language, 1*, 50–62 (in Russian).
- Bennett, E. (1996). *Dumb witness*. [Motion picture]. UK: Carnival Film & Television.
- Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S., & Finegan, E. (1999). *Longman grammar of spoken and written English*. London: Longman.
- Bloh, M.Ja. (2000). *Teoreticheskie osnovy grammatiki [Theoretical foundations of grammar]*. Moscow: Vysshaja škola Publ.
- Carter, R., & McCarthy, M. (2006). *Cambridge grammar of English*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chhetiani, T.D. (1987). *Lingvisticheskie aspekty fatičeskoj metakommunikacii. [Linguistic aspects of phatic metacommunication]* (Candidate dissertation). Kiev State Teachers' Training Institute of Foreign Languages, Kyiv, Ukraine. (in Russian).
- Christie, A. (1989). *Selected Detective Prose*. Moscow: Raduga Publ.
- Christie, A. (2007). *Murder on the Orient Express*. London: Harper.
- Collins, P. (2006). Clause types. In: B. Aarts, & A. McMahon (Eds.). *The Handbook of English Linguistics* (pp. 180–197). Oxford: Blackwell Publishing.
- Connelly, M. (2006). *Echo Park*. New York: Little, Brown and Company.
- Cruttenden, A. (1986). *Intonation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Daneš, F. (2004). Universality vs. culture-specificity of emotion. In: E. Weigand (Ed.). *Emotion in dialogic interaction: Advances in the complex* (pp. 23–32). Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Davies, J., & Wharmby, T. (1980). *Why didn't they ask Evans?* [Motion picture]. UK: London Weekend Television.
- Davis, S. (1980). Perlocutions. In: J.R. Searle, F. Kiefer, & M. Bierwisch (Eds.). *Speech Act Theory and Pragmatics* (pp. 37–55). Dordrecht: Reidel Publishing Company.
- Dijk, T.A. van (1977). *Text and context: Explorations in the semantics and pragmatics of discourse*. New York: Longman.

- Dijk, T.A. van (1981). Towards an empirical pragmatics: Some social psychological conditions of speech acts. *Philosophica*, 27(1), 127–138.
- Dijk, T.A. van (2000). *Cognitive discourse analysis: An introduction*. Available from: <http://www.discursos.org/unpublished%20articles/cogn-dis-anal.htm>
- Dijk, T.A. van (2008). *Discourse and context: A sociocognitive approach*. New York: Cambridge University Press.
- Dijk, T.A. van (2012). Discourse and knowledge. In J.P. Gee, & M. Handford (Eds.). *The Routledge handbook of discourse analysis* (pp. 587–603). London: Routledge.
- Dijk, T.A. van (2014). *Discourse and knowledge: A sociocognitive approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Doyle, A.C. (1993). *The case-book of Sherlock Holmes*. Ware: Wordsworth Editions Limited.
- Dymarskij, M.Ja. (2013). Predikacija i predikativnost' [Predication and predicativity]. In: A.V. Bondarko (Ed.). *Glagol'nye i imennye kategorii v sisteme funkcional'noj grammatiki [Verbal and nominal categories in the system of functional grammar]* (pp. 81–87). SPb.: Nestor-Istoriya Publ.
- Ephron, N. (1998). *Sleepless in Seattle* [Motion picture]. USA: Warner Bros.
- Fiengo, R. (2007). *Asking questions. Using meaningful structures to imply ignorance*. Oxford: Oxford University Press.
- Frost, H. (2004). *Single Santa seeks Mrs. Claus* [Motion picture]. USA: Hallmark Entertainment.
- Giles, D. (1985). *A murder is announced* [Motion picture]. UK: BBC.
- Grice, P. (1989). *Studies in the way of words*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Horn, L.R. (2001). *A natural history of negation*. Stanford: CSLI Publications.
- Huddleston, R. (1984). *Introduction to the grammar of English*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jakobson, R. (1987). Linguistics and poetics. In: K. Pomorska, & S. Rudy (Eds.). *Language in literature* (pp. 62–94), Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Kent, J. (2008). *Cat among the pigeons* [Motion picture]. UK: ITV Productions.
- Kovsh, O.A. (2007). Repliki-povtory s semantikoj nedoverija v bolgarskom jazyke [Repetitions expressing distrust in the Bulgarian language]. In B.Ju. Norman, & N.V. Suprunchuk (Eds.). *Juzhnoslavjanske jazyki v ih istorii i sovremennom sostojanii [South Slavic languages: Their history and modern state]* (pp. 68–80). Minsk: IP Logvinov Publ.
- Leech, G. (2006). *A glossary of English grammar*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Longman Dictionary of Contemporary English* (2003). Harlow: Pearson Education Limited.
- McCawley, J.D. (1998). *The syntactic phenomena of English*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Pochepcov, G.G. (2009). *Izbrannye trudy [Selected works]*. Kharkiv: HNU imeni V.N. Karazina.
- Pyrozhenko, O.G. (2001). *Kognityvni ta komunikatyvni aspekty verbalizacii' konceptu nepravdy u dialogichnomu dyskursi (na materialy suchasnoi' anglijs'koi' movy). [Cognitive and communicative aspects of verbalization of the concept of lying in dialogical discourse (on the data of the present-day English language)]* (Candidate dissertation synopsis). V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine. (in Ukrainian).
- Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., & Svartvik, J. (1985). *A comprehensive grammar of the English language*. London: Longman.
- Radford, A. (2009). *An introduction to English sentence structure*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rye, R. (1989a). *Four and twenty blackbirds* [Motion picture]. UK: Picture Partnership Productions.
- Rye, R. (1989b). *Problem at sea* [Motion picture]. UK: Picture Partnership Productions.
- Rye, R. (1989c). *Triangle at Rhodes* [Motion picture]. UK: Picture Partnership Productions.

- Santorini, B., & Kroch, A. (2007). *The syntax of natural language: An online introduction using the Trees program*. Available from: <http://www.ling.upenn.edu/~beatrice/syntax-textbook/>
- Shevchenko, I.S. (1998). *Istoricheskaia dinamika pragmatiki predlozhenija: anglijskoe voprositel'noe predlozhenie 16-20 vekov [Historical dynamics of the pragmatics of the sentence: The English interrogative sentence of 16th–20th centuries]*. Kharkiv: Konstanta Publ.
- Shmeleva, T.V. (1984). Smyslovaja organizacija predlozhenija i problema modal'nosti [Sentence meaning and the issue of modality]. In: K. Gorshkova, & E.V. Klobukova (Eds.). *Aktual'nye problemy russkogo sintaksisa: publikacii laboratorii "Russkij jazyk i russkaja literatura v sovremennom mire" filologicheskogo fakul'teta MGU [Topical problems of Russian syntax: Publications of the "Russian language and Russian literature in the modern world" laboratory of Philological Faculty of Moscow State University]* (pp. 78–100). Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta.
- Steel, D. (2010). *Legacy: A Novel*. New York: Delacorte Press.
- Strelchenko, N.S. (2015). Pytannia-perepyty v terminolohichnomu aspekti [Echo questions from the terminological point of view]. *Naukovi zapysky. Serii: Filolohichni nauky (movoznavstvo) – Scientific papers. Series: Philology (Linguistics), 138*, 243–248 (in Ukrainian).
- Tannen, D. (2007). *Talking voices: Repetition, dialogue, and imagery in conversational discourse*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Teschner, R.V., & Evans, E.E. (2007). *Analyzing the grammar of English*. Washington, D.C.: Georgetown University Press.
- Tsui, A. (1992). A functional description of questions. In: M. Coulthard (Ed.). *Advances in Spoken Discourse Analysis* (pp. 89–110). London: Routledge.
- Vinogradov, V.V., & Istrina, E.S. (Eds.). (1960). *Grammatika russkogo jazyka [Grammar of the Russian language]*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ.
- Vynoslavs'ka, O.V., Breusenko-Kuznjecov, O.A., Zlyvko, V.L., Apisheva, A.Sh., & Vasyl'jeva, O.S. (2005). *Psychologija : Navch. posib. dlja stud. vyshch. navch. zakl. [Psychology: Manual for students of higher educational establishments]*. Kyiv: Firma "INKOS" Publ.
- Zampi, M. (1951). *Laughter in Paradise* [Motion picture]. UK: Associated British Picture Corporation.
- Zhinkin, N.I. (1955). Vopros i voprositel'noe predlozhenie [The question and the interrogative sentence]. *Voprosy jazykoznanija. – Topics in the study of language, 3*, 22–34 (in Russian).
- Zwaan, R.A., & Radvansky, G.A. (1998). Situation models in language comprehension and memory. *Psychological Bulletin, 123*(2), 162–185.
- Zwaan, R.A., & Rapp, D.N. (2006). Discourse comprehension. In M.J. Traxler, & M.A. Gernsbacher (Eds.). *Handbook of Psycholinguistics* (pp. 725–764). New York: Elsevier.

Natalia S. Strelchenko – PhD, Lecturer, Chair of English philology and translation, Kyiv National Linguistic University (Velyka Vasylkivska St., 73, GSP, Kyiv-150, Kyiv, 03680, Ukraine); e-mail: eglantine@ukr.net

Стрельченко Наталия Сергеевна – канд. филол. наук, преподаватель кафедры английской филологии и перевода Киевского национального лингвистического университета (ул. Большая Васильковская, 73, ГСП, г. Киев-150, 03680, Украина.); e-mail: eglantine@ukr.net

УДК 811-111

METAPHORS OF DEPRESSIVE EMOTIONS IN PSYCHOPATHOLOGICAL DISCOURSE: A COGNITIVE LINGUISTIC ANALYSIS

O.V. Vakhovska (Kyiv, Ukraine)

O.V. Vakhovska. Metaphors of depressive emotions in psychopathological discourse: a cognitive linguistic analysis. This paper addresses metaphor and focuses on the role of metaphor in conceptualization of emotion experience of depression. The objective of this paper is two-fold. It aims (1) to appease the criticism of negligence with respect to big data and real discourses that conceptual metaphor theory is presently facing and (2) to expose and analyse with a cognitive linguistic methodology metaphorizations of depressive emotions in psychopathological discourse. In accordance with this objective, the investigation behind this paper is fuelled by big metaphorical data recruited from pieces of modern English psychopathological discourse on major and manic depression recorded in the form of two single-author depression memoirs. Metaphors of depressive emotions and their entailments organize within these pieces ramified metaphorical systems that reflect subcategorization of emotion experience by the depressive mind. Metaphors in these systems are of various types; they are based on bodily and cultural experiences, have different cognitive functions and may be archetypal in nature. Their targets are distinct emotion concepts. Their sources belong to diverse domains of human experience. Metaphorical meanings for the depressive emotions expose qualitative aspects of emotion experience of depression in its variation and subtlety. Metaphors of depressive emotions in the data encompass creative and conventional conceptualizations. The data allow an assumption that whereas conventional metaphors perform the function of understanding an emotion experience and naming it, creative metaphors expose in this experience its most elusive aspects and their cognitive function is augmented by the aesthetic one. Apart from implications for cognitive linguistics, the findings summarized in this paper are suggestive for research in phenomenology of depression, in clinical psychology and psychopathology and in cognitive poetics and literary theory and criticism. In prospect, this paper will grow into a larger-scale research on the issue of metaphorical creativity.

Key words: big data, cognitive linguistics, conceptual metaphor theory, depression, emotion, metaphor, psychopathological discourse.

О.В. Ваховська. Метафори депресивних емоцій в психопатологічному дискурсі: лінгвокогнітивний аналіз. Стаття присвячена метафорі та досліджує роль метафори у концептуалізації емоційного досвіду депресії. Стаття ставить перед собою дві взаємозв'язані мети. По-перше, стаття демонструє здатність методологічного апарату теорії концептуальної метафори охопити множинні метафоричні дані, тоді як саме відсутність такої здатності є, з точки зору деяких критиків, недоліком цієї теорії. По-друге, стаття пропонує аналіз метафоричної концептуалізації депресивних емоцій у психопатологічному дискурсі та застосовує у цьому аналізі лінгвокогнітивну методологію. У відповідності до таких цілей, дослідження спирається на множинні дані метафоричної концептуалізації емоційних станів, спостережуваних у випадках депресії та маніакально-депресивного синдрому. Дані вилучено з сучасного англomовного психопатологічного дискурсу, представленого двома одноосібними мемуарами депресивних хворих. Метафори, що концептуалізують депресивні емоції, та їхні інференції організують у психопатологічному дискурсі розгалужені метафоричні системи, які відбивають особливості підкатегоризації емоційного досвіду у свідомості депресивних хворих. Метафори в цих системах належать до різних типів та виконують різні когнітивні функції. Серед них є метафори, базовані як на тілесному, так і на культурному загальнолюдському досвіді. Деякі метафори є архетиповими. Референти досліджуваних метафор є концептами, що відповідають окремим емоціям. Їхні кореляти належать до різних царин людського досвіду. Метафоричні значення, що виникають при проєкції метафоричних корелятів

на емоційні концепти, викривають якісні аспекти емоційного досвіду депресії в його багатомірності та складності. Метафори депресивних емоцій охоплюють конвенційні та неконвенційні концептуалізації. Перспективою запропонованого дослідження є глибоке вивчення питання метафоричної креативності. Поштовхом такого вивчення постає спостереження, що тоді як конвенційні метафори виконують головним чином функцію розуміння, роз'яснення та найменування емоційного досвіду, неконвенційні метафори висвітлюють у такому досвіді ті його аспекти, що є найскладнішими для словесного описання. Когнітивна функція таких метафор посилюється функцією естетичною. Окрім значущості для когнітивної лінгвістики, отримані результати є релевантними для феноменологічних, клінічних, психологічних та психопатологічних досліджень депресії, а також для лінгвопоетичних та літературознавчих розвідок.

Ключові слова: депресія, емоція, когнітивна лінгвістика, метафора, множинні дані, психопатологічний дискурс, теорія концептуальної метафори.

О.В. Ваховская. Метафоры депрессивных эмоций в психопатологическом дискурсе: лингвокогнитивный анализ. Стаття посвящена метафоре и исследует роль метафоры в концептуализации эмоционального опыта депрессии. Стаття ставить перед собой две взаимосвязанные цели. Во-первых, она демонстрирует способность методологического аппарата теории концептуальной метафоры охватить множественные метафорические данные, тогда как именно отсутствие такой способности является, с точки зрения некоторых критиков, недостатком этой теории. Во-вторых, статья предлагает анализ метафорической концептуализации депрессивных эмоций в психопатологическом дискурсе и применяет в этом анализе лингвокогнитивную методологию. В соответствие с этими целями, исследование опирается на множественные данные метафорической концептуализации эмоциональных состояний, наблюдаемых в случаях депрессии и маниакально-депрессивного синдрома. Данные получены из современного англоязычного психопатологического дискурса, представленного двумя мемуарами депрессивных больных. Метафоры, концептуализирующие депрессивные эмоции, и их инференции организуют в психопатологическом дискурсе разветвленные метафорические системы, отражающие особенности подкатегоризации эмоционального опыта в сознании депрессивных больных. Метафоры в этих системах принадлежат разным типам и выполняют различные когнитивные функции. Среди них есть метафоры, основанные как на телесном, так и на культурном общечеловеческом опыте. Некоторые метафоры являются архетипическими. Референты исследуемых метафор являются концептами, соответствующими отдельным эмоциям. Их корреляты принадлежат различным областям человеческого опыта. Метафорические значения, возникающие при проекции метафорических коррелятов на эмоциональные концепты, вскрывают качественные аспекты эмоционального опыта депрессии в его многомерности и сложности. Метафоры депрессивных эмоций охватывают конвенциональные и неконвенциональные концептуализации. Перспективой исследования является глубокое изучение проблемы метафорической креативности. Стимулом для такого изучения становится наблюдение, что если конвенциональные метафоры выполняют главным образом функцию понимания, разъяснения и наименования эмоционального опыта, то неконвенциональные метафоры освещают в таком опыте те его аспекты, которые наименее поддаются словесному описанию. Когнитивная функция таких метафор усиливается функцией эстетической. Кроме значимости для когнитивной лингвистики, полученные результаты являются релевантными для феноменологических, клинических, психологических и психопатологических исследований депрессии, а также для лингвопоэтики и литературоведения.

Ключевые слова: депрессия, когнитивная лингвистика, метафора, множественные данные, психопатологический дискурс, теория концептуальной метафоры, эмоция.

Introduction

Discourse is a complex cognitive and communicative phenomenon related to speech as to a process of language use that depends on extralinguistic factors and is recorded in form of texts [Shevchenko, Morozova 2003]. Different discourses are subjective construals of the experiential world exposed through language. It is discourses that generate metaphors, with metaphors functioning as 'agents of signification' within the discourses they originate from: 'Language is conceptualized as increasingly important in the social construction of reality. <...> not only *what*

we say is decisive but also *how*, with which rhetorical means we articulate meaning. Especially metaphors play a crucial role in constructing reality' [Walter, Helmig 2005: 1]. Metaphors of depressive emotion that originate from psychopathological discourse construe and support the reality of this discourse. In psychopathological discourse, interaction between metaphorical targets, or distinct depressive emotion concepts, and sources, or concepts in whose terms depressive emotions are conceptualized, produces large amounts of metaphorical expressions that manifest numerous conceptual metaphors. This is a situation that qualifies as **non-trivial** for cognitive linguistic theorizing and research, and it is this particular situation that I address in my paper by way of reference to conceptual metaphor theory in its standard version and to **big metaphorical data** from modern English psychopathological discourse on depressive emotions. My **objective** in writing this paper is therefore two-fold. I aim to appease the criticism of negligence with respect to big data and real discourses that conceptual metaphor theory is presently facing and to expose and analyse with **a cognitive linguistic methodology** metaphorizations of depressive emotions in psychopathological discourse, which is intended to prove the ability of the theory to handle and accommodate big data recruited from real discourses.

In what follows, I explore the problem of developing a cognitive linguistic methodology for efficient big metaphorical data analysis, select from the literature such a methodology and adopt it into my study (**Section 2**). With this methodology, I form, systematize and analyze my data collection. In my analysis, I expose two distinct metaphorical systems of depressive emotions that correspond to the two pieces of discourse I investigate (**Section 3**). I **conclude** my paper with a discussion and prospects for further research.

Big metaphorical data and real discourses in cognitive linguistic theorizing and research

Conceptual metaphor theory [Lakoff, Johnson 1980a, b, 1999; Lakoff 1990, 1993; Kövecses 2010], insightful and effective as it is, is being criticized for disregard of real discourses and of their big metaphorical data and, consequently, for inability of handling these data. The theory itself confesses of negligence in this respect and seeks for improvement [Kövecses 2010; for criticism, see Clausner, Croft 1997; Deignan 1999, 2005; Cameron 2003; Ritchie 2003; Pragglejaz Group 2007; Stefanowitsch 2007]. Various publications in the field do provide metaphorical expressions supposed to illustrate particular theoretical assumptions but these expressions are often *ad hoc*; they may be converged into informal data collections but these collections seldom outnumber ten (uncontextualized) items that may be coined for the occasion but not recruited from real discourses. On a rarer occasion, there are no illustrations to theoretical claims altogether. At the same time, a study fueled by several hundreds or thousands of real thematically and discursively related metaphorical expressions requires a methodology for efficient big metaphorical data analysis. [Zhabotynska 2011] suggests such a methodology. This methodology derives itself from the basic notions articulated within the conceptual metaphor theory and includes a number of steps that elaborate on metaphorical targets and sources and on mapping mechanisms between these:

Step 1. Analysis of the target conceptual space:

- identification of target concepts within a piece of discourse through their manifestations with names determined by given research objectives;
- associating the target concepts into domains within the target space.

Step 2. Analysis of the source conceptual space:

- identification of source concepts through their metaphorical relations to the target concepts within this piece of discourse;
- associating the source concepts into domains within the source space.

Step 3. Analysis of metaphorical mappings between the target and the source spaces:

- identification of conceptual links between the individual targets and sources, with generalized metaphorical formulas, for example, A THEORY *is* A BUILDING, for these links;
- compilation of a list of metaphorical formulas for each target; identification of how prominent these formulas are for this target. This subroutine evaluates the naming density for each metaphorical formula through calculating the iteration of metaphorical expressions associated with this formula in the given piece of discourse -- the more metaphorical expressions manifest a formula, the more prominent for the target this formula is;
- identification and alignment of components in the structures of the target and the source that enter mappings in each metaphorical formula; unfolding each metaphorical formula into a narrative that exposes these interacting components, for example, the metaphorical formula A THEORY *is* A BUILDING is unfolded into a narrative 'A building /A THEORY/ is being built by a builder /A SCHOLAR/ from building materials /IDEAS/'.

Step 4. Analysis of one-to-many mappings between the target and the source spaces:

- identification of a metaphorical range for each target through specifying the sources that are mapped onto it;
- identification of a metaphorization degree for each target through calculating the extent of its metaphorical range and comparing this extent to those of the other targets -- the higher a metaphorization degree, the more prominent the target.

Step 5. Analysis of one-to-many mappings between the source and the target spaces:

- identification of a metaphorical scope for each source through specifying the targets onto which it is mapped;
- identification of a metaphorical potential for each source through calculating the extent of its metaphorical scope and comparing this extent to those of the other sources -- the higher a metaphorical potential, the more prominent the source.

At each of these steps, there are conclusions that together allow generalizations concerning the cognitive foundations of vast amounts of thematically related metaphorical expressions. Ultimately, there is an option of comparing the cognitive foundations of metaphorical systems generated by different discourses. Prominence of metaphorical targets and sources, their metaphorization degrees and metaphorical potentials expose cultural prominence of respective metaphorical conceptualizations and also variation that is characteristic of these conceptualizations in different discourses and idiostyles. Targets with high metaphorization degrees and sources with high metaphorical potentials may differ across cultures, population groups, and individuals and be suggestive for historical, cultural, political, social and psychological studies, for linguistics, stylistics, philology, literary criticism, hermeneutics, poetics and cognitive poetics, for descriptive and critical discourse analysis, etc. The mind is metaphorical in nature, and exposure and comparison of metaphorical models of the world generated by various collective and individual minds has far-reaching theoretical and practical implications.

A case study of big metaphorical data on depressive emotion conceptualization in modern English psychopathological discourse

I adapt the methodology spelled-out above for my analysis of metaphorical conceptualization of depressive emotion in modern English discourse. I work with masses of metaphorical expressions that originate from psychopathological discourse of depression memoirs. These expressions split into two data sets -- one set comes from *Darkness Visible: A Memoir of Madness* (84 pages) by the American writer William Clark Styron Jr. (1925–2006) who suffered from major depression, the

other set comes from *An Unquiet Mind: A Memoir of Moods and Madness* (224 pages) by the American clinical psychologist Kay Redfield Jamison (born 1946) who suffers from manic depression. This span over two depression memoirs with their 308 pages and abundant emotion metaphorizations and over two depression types with their distinct emotion disturbances is intended to safeguard the robustness and validity of my conclusions and to include into my analysis both positive and negative emotions. Each of these sets of data is formed, systematized and analyzed through a number of procedures.

First, I read each of the depression memoirs and select from it text fragments that contain emotion names detecting the occurrence of particular emotion concepts in a linguistic context; for the emotion names that I ground my selection on and for respective emotion concepts, see [Vakhovska 2017: 14–15]. I filter these fragments into those with non-metaphorical and those with metaphorical conceptualizations of depressive emotions. Non-metaphorical conceptualizations and text fragments that manifest them are removed from the selection; metaphorical conceptualizations and text fragments that contain them are documented and taken for further analysis.

Second, I extract from the selected fragments their metaphorical expressions and distribute these expressions into thematic groups associated with particular emotion concepts that these expressions manifest; the list of emotion concepts for my investigation comes from [Scherer 2005]. Metaphorical expressions from [Styron 1992] manifest 18 emotion concepts: FEAR, ANXIETY, SADNESS, DESPERATION, ANGER, TENSION/STRESS, DISGUST, JOY, SHAME/GUILT, BOREDOM, ADMIRATION/AWE, DISAPPOINTMENT, HOPE, LONGING, RELAXATION/SERENITY, DISSATISFACTION, IRRITATION, and EMOTION; metaphorical expressions from [Jamison 1996] manifest 25 emotion concepts: INTEREST/ENTHUSIASM, FEAR, DESPERATION, LOVE, SADNESS, JOY, SHAME/GUILT, DISAPPOINTMENT, ANGER, PLEASURE/ENJOYMENT, IRRITATION, LONGING, CONTENTMENT/SATISFACTION, HAPPINESS/ELATION, TENSION/STRESS, HOPE, HOSTILITY, RELAXATION/SERENITY, RELIEF, BOREDOM, AMUSEMENT, ANXIETY, DISSATISFACTION, LUST, and (POSITIVE and NEGATIVE) EMOTION. These concepts are targets onto which various sources are mapped to metaphorically conceptualize them.

Third, I identify the sources that are mapped onto the emotion concepts in each data set. The sources are listed below according to their prominence in the data; each mapping is illustrated with a memoir citation, with citations not intended as exhaustive for respective mappings in the data. For [Styron 1992], the metaphorical sources are A CONFINING FORCE: *suddenly I was flabbergasted, stunned with horror*; A RIVALING FORCE: *a kind of panic and anxiety overtook me, just for a few minutes, accompanied by a visceral queasiness – such a seizure was at least slightly alarming, after all*; A CONTAINER: *I watched myself in <...> terror*; A HUMAN BEING: *a feeling of chagrin <...> attends the news of nearly anyone's suicide*; CONTENT INSIDE A CONTAINER: *the hours of the most intense misery*; A LANDSCAPE: *I chose the dinner <...> through indifference*; A BURDEN: *anguish can no longer be borne*; A PHYSICAL OBJECT: *acute fear*; A CORROSIVE: *the rhythmic daily erosion of my mood – anxiety, agitation, unfocused dread*; SEEDS OF A PLANT: *dammed-up sorrow <...> the potential seeds of self-destruction*; A SUBSTANCE: *mingled terror and fascination*; A LOCATION: *I used alcohol as the magical conduit to <...> euphoria*; BAD WEATHER: *the despair had commenced its merciless daily drumming*; INDEMNITY: *joy may be indemnity enough for having endured the despair beyond despair*; WHOLENESS: *whoever has been restored to health has almost always been restored to the capacity for <...> joy*; A BADGE: *self-loathing (depression's premier badge)*; A DEEP FREE FALL: *my father <...> had been hospitalized in my boyhood after a despondent spiraling downward that in retrospect I saw greatly resembled mine*; A DESTRUCTIVE FORCE: *It is hopelessness even more than pain that crushes the soul*; A GOOD SPIRIT: *the last lines of the best-known part of that poem, with their evocation of hope*; A LIQUID: *violent fluctuations of mood*; AN EVENT: *a flicker of the desperate state of mind*; AN EVIL SPIRIT: *these words have been more*

than once employed to conjure the ravages of melancholia; A PLANT: a form of repudiation, offshoot of that self-loathing <...> by which I was persuaded that I could not be worthy of the prize; A PREDATOR: the anguish devouring his brain; ARMOR: a shield against anxiety <...> Suddenly vanished <...>, and I was emotionally naked, vulnerable as I had never been before; A STAIN: the psychotic strain tainting my life; and FIRE: her face flushed angrily as she whirled in a stately volte-face.

Some of the sources are specified. A CONFINING FORCE is specified as A BED OF NAILS: It is hopelessness even more than pain <...> One does not abandon, even briefly, one's bed of nails, but is attached to it wherever one goes; A FOGBOUND SHIP: fogbound horror; AN ENGULFING TIDE: my thought processes were being engulfed by a toxic and unnameable tide that obliterated any enjoyable response to the living world; A PRISON: despair <...> comes to resemble the diabolical discomfort of being imprisoned in a fiercely overheated room. And because no breeze stirs this caldron, because there is no escape from this smothering confinement, it is entirely natural that the victim begins to think ceaselessly of oblivion; A SNARE: The fading evening light <...> ensnared me in a suffocating gloom; A SPASM: the throes of melancholia; RIVETS: riveted with fear, and I stood stranded there, helpless, shivering; SIEGE: my brain had begun to endure its familiar siege: panic and dislocation; and TOXIC FOG: the horror, like some poisonous fog bank, roll in upon my mind, forcing me into bed. There I would lie for as long as six hours, stuporous and virtually paralyzed, gazing at the ceiling and waiting for that moment of evening when, mysteriously, the crucifixion would ease up. A RIVALING FORCE is specified as DEMONS: anxiety <...> those demons from beginning to swarm through the subconscious. A HUMAN BEING is specified as A PRISONER: the anxiety <...> that I had hidden away for so long somewhere in the dungeons of my spirit, and A STRANGER: It came out of the cold night; I did not think such anguish possible. BAD WEATHER is specified as DRIZZLE: the gray drizzle of horror. Altogether there are 27 source concepts and 13 specifications of some of them.

For [Jamison 1996], the metaphorical sources are CONTENT INSIDE A CONTAINER: terror in the room; A PHYSICAL OBJECT: I lost all interest; A HUMAN BEING: I waited and waited for the return of the laughter high moods and awesome enthusiasms, but, except for rare appearances, they had given way to anger, despair, and bleak emotional withdrawal; A SUBSTANCE: the perceptible level of terror in the room; A LANDSCAPE: my journey into madness <...> started with normal perceptions of the world <...> and then continued through ecstatic and visionary states to unremitting despair and, finally, reemergence into the normal world, but with heightened awareness; A CONTAINER: I lived in terror; A CONFINING FORCE: paralyzed with fear <...>, unable to go in and unable to leave; A RIVALING FORCE: my curiosity had made strong inroads on my fears; AN ARMAMENT: Madness, on the other hand, most certainly can, and often does, kill love through its mistrustfulness, unrelenting pessimism, discontents, erratic behavior, and, especially, through its savage moods; UNTAMED HORSES: to rein in my enthusiasms; A BUILDING: a relationship that succeeded, finally, in restoring love; A LIQUID: powerful and complicated emotions and behaviors distilled into deadeningly dull diagnostic phrases; UP: high enthusiasms; A NATURAL FORCE: completely and irrationally swept away by the power of our feelings; AN EVIL SPIRIT: St. Andrews was an amulet against all manner of longing; A RESTLESS SEA: no respite from the cold undercurrents of thought and feeling that dominate the horribly restless nights of despair; A DESTRUCTIVE FORCE: those devastated by the <...> guilt; DOWN: Virginia Woolf, in her dives <...>, said it all: 'How far do our feelings take their colour from the dive underground?'; A BRICK IN A BREAKWATER WALL: love is, to me, the ultimately more extraordinary part of the breakwater wall: it helps to shut out the terror and awfulness, while, at the same time, allowing in life and beauty and vitality; A BURDEN: sadness of classical music became unbearable to me; A GIFT: an illness that is unique in conferring <...> pleasure; A LACE: an answer laced with terror; A MEDICINE: no amount of love can cure madness <...> Love can help, it can make the pain more tolerable;

A PIGMENT: *my work has been tremendously colored by my emotions*; A PRODUCT: *guilt <...> that suicide generates*; A SPARKLE: *like hundreds of subsequent periods of high enthusiasms it was short-lived and quickly burned itself out*; A TOOL: *I fully appreciate the seriousness with which my ideas were taken by my parents*; AIR: *a second wind of pleasure*; AN EARTHQUAKE: *The too rigid structuring of my moods and temperament, which had resulted from a higher dose of lithium, made me less resilient to stress than a lower dose, which, like the building codes in California that are designed to prevent damage from earthquakes, allowed my mind and emotions to sway a bit. Therefore, and rather oddly, there was a new solidness to both my thinking and emotions*; AN EVENT: *what then, after the medications, psychiatrist, despair, depression, and overdose?*; AN ILLNESS: *recovering from <...> new moods*; AN INFECTION: *my high moods; <...> their infectious ability to induce high moods and enthusiasms in other people*; AN INSULT: *the wretched, convoluted, and pathetically confused mass of gray worked only well enough to <...> taunt me with the total, the desperate, hopelessness*; BEASTS: *Madness <...> can, and often does, kill love through <...> its savage moods*; DAY and NIGHT: *but then as night inevitably goes after the day, my mood would crash*; MERCURY: *mercurial moods*; and SHOOTING STARS: *feelings are fast and frequent like shooting stars, and you follow them until you find better and brighter ones.*

Some of the sources are specified: A HUMAN BEING is specified as A PUBLIC AUTHORITY: *my mercurial moods <...> took a huge personal and academic toll during those college years*, and A SUBSTANCE is specified as A NARCOTIC: *I had become addicted to my high moods; I had become dependent upon their <...> euphoria*, and A BLEACH: *no amount of love can <...> unblacken one's dark moods*. Altogether there are 38 source concepts and 3 specifications of some of them.

Fourth, I figure out conceptual links between the individual emotion concepts and their metaphorical sources and specify, through respective generalized metaphorical formulas, conceptual metaphors for these links. For each emotion concept, I systematize conceptual metaphors according to their iteration rate and arrange these metaphors into a list that reflects their prominence for this concept; the total number of conceptual metaphors and metaphorical expressions is indicated for each emotion concept. I then unfold each conceptual metaphor into a narrative that captures the conceptual components of the target and the source that enter the mapping in this particular metaphor. These narratives are descriptions that show for each conceptual metaphor its peculiarities in highlighting certain features of the emotion concept and in utilizing distinct features of the source that metaphorizes this concept. I conclude each narrative with a memoir citation with metaphorical expression(s) for the respective conceptual metaphor; this citation is intended to validate the narrative I suggest for the metaphor. Below, I illustrate this with a fragment of my documentation for FEAR and its metaphorical conceptualization in each of the data sets:

Metaphorical conceptualization of FEAR in [Styron 1992]

FEAR

[14 conceptual metaphors, 23 metaphorical expressions]

- The **FEAR is A CONFINING FORCE** conceptual metaphor [1 metaphorical expression]

An external confining force /FEAR/ deprives the emoter of consciousness and strength as if by a sudden blow, and she is overwhelmed and unable to move: *suddenly I was flabbergasted, stunned with horror.*

- The **FEAR is SIEGE** conceptual metaphor [1 metaphorical expression]

This force /FEAR/ imprisons the emoter's brain into itself as if a captive: *my brain had begun to endure its familiar siege: panic and dislocation.*

- The **FEAR is RIVETS** conceptual metaphor [1 metaphorical expression]

This force /FEAR/ makes the emoter unable to move as if fastening her tightly by metal pins and making no escape possible: *riveted with fear, and I stood stranded there, helpless, shivering.*

- The **FEAR is TOXIC FOG** conceptual metaphor [1 metaphorical expression]
There are clouds of toxic fog /FEAR/ around the emoter that make her lethargic, agonizing and crippled: *the horror, like some poisonous fog bank, roll in upon my mind, forcing me into bed. There I would lie for as long as six hours, stuporous and virtually paralyzed, gazing at the ceiling and waiting for that moment of evening when, mysteriously, the crucifixion would ease up.*
- The **FEAR is A FOGBOUND SHIP** conceptual metaphor [1 metaphorical expression]
The emoter is on board a ship /FEAR/ that is unable to sail or navigate because of heavy fog: *fogbound horror.*
- The **FEAR is CONTENT INSIDE A CONTAINER** conceptual metaphor [5 metaphorical expressions]
There are two containers, a larger /THE EMOTER/ and a smaller /EMOTION/ ones; the larger container /THE EMOTER/ includes the smaller one /EMOTION/. The smaller container /EMOTION/ is filled with content /FEAR/: *a sense of dread; a feeling of <...> dreadfulness.* This content /FEAR/ can overflow its container /EMOTION/ and fill the larger container /THE EMOTER/: *filled me with a new fright.* This content /FEAR/ can also fill a container /ORDEAL/ that is not inside /THE EMOTER/: *indistinguishable ordeals of fogbound horror.* The emoter has a container /WORDS/ but its intended content /FEAR/ is not inside because it is too large: *the horror of depression is <...> quite beyond expression.*
- The **FEAR is A HUMAN BEING** conceptual metaphor [2 metaphorical expressions]
A human being /FEAR/ accompanies the people /NEWS/ that come to the emoter from the outside world: *a feeling of dreadfulness attends the news of nearly anyone's suicide.* The emoter wants to make this human being /FEAR/ calm: *to calm the <...> incipient dread.*
 - The **FEAR is A PRISONER** conceptual metaphor [1 metaphorical expression]
The emoter is owner to a torture chamber in one of whose cells /DUNGEONS OF SPIRIT/ she has locked, as a child, a prisoner /FEAR/; /FEAR/ has grown up in this cell: *the <...> incipient dread that I had hidden away for so long somewhere in the dungeons of my spirit.*
- The **FEAR is A RIVALING FORCE** conceptual metaphor [3 metaphorical expressions]
A rivaling force /FEAR/ gradually and stealthily /IN THE AFTERNOON SHADOWS/ trespasses upon the emoter: *the afternoon shadows with their encroaching <...> dread.* This force /FEAR/ surpasses the emoter in strength: *the horror of depression is so overwhelming.* This force /FEAR/ has allies /ANXIETY and DISGUST/; they together attack the emoter suddenly and unexpectedly and manage to take control of her for a short time: *a kind of panic and anxiety overtook me, just for a few minutes, accompanied by a visceral queasiness – such a seizure was at least slightly alarming, after all.*
- The **FEAR is A PHYSICAL OBJECT** conceptual metaphor [2 metaphorical expressions]
The emoter has a physical object /FEAR/ that is sharp at the end and whose structure is intricate: *acute fear; exquisite panic.*
- The **FEAR is A SUBSTANCE** conceptual metaphor [2 metaphorical expressions]
/FEAR/ is a substance that can be dispersed or mixed with another substance /ADMIRATION/AWE/: *unfocused dread; mingled terror and fascination.*
- The **FEAR is A CORROSIVE** conceptual metaphor [1 metaphorical expression]
The emoter has an intact and solid object /EMOTION/ that is slowly destroyed, worn and eaten into and away by the action of a corrosive /FEAR/: *the rhythmic daily erosion of my mood – <...> unfocused dread.*
- The **FEAR is DRIZZLE** conceptual metaphor [1 metaphorical expression]

There is drizzle /FEAR/ around the emoter, and it is dismal and monotonous /GRAY COLOUR/: *the gray drizzle of horror.*

- The **FEAR is A CONTAINER** conceptual metaphor [1 metaphorical expression]
The emoter finds herself in a container /FEAR/: *I watched myself in <...> terror.*

Metaphorical conceptualization of FEAR in [Jamison 1996]

FEAR

[9 conceptual metaphors, 31 metaphorical expressions]

- The **FEAR is CONTENT INSIDE A CONTAINER** conceptual metaphor [10 metaphorical expressions]
There is a container /A ROOM; A MAN; MANIC DEPRESSION; A SOUL; A SCREAM; EYES; DAY and NIGHT / filled with content /FEAR/: *terror in the room; a man <...> filled with rage; terror involved in this kind of madness; terror in my soul; a scream of terror; fear in anyone's eyes; eyes wild with fear; I can see it in his eyes: <...> terror; the night terrors, the day terrors. /FEAR/ may need a deep container /EMOTION/: a profound sense of dread.*
- The **FEAR is A CONFINING FORCE** conceptual metaphor [6 metaphorical expressions]
An external confining force /FEAR/ deprives the emoter of will and ability to move: *paralyzed with fear <...>, unable to go in and unable to leave; paralyzed by fright; paralyzing fear; bodies paralyzed in terror.* This force /FEAR/ grasps the emoter forcibly in an attempt to move: *shaking with fear*; it takes control of the emoter's eyes and makes their expression frantic and distracted: *eyes wild with fear.*
- The **FEAR is A PHYSICAL OBJECT** conceptual metaphor [5 metaphorical expressions]
The emoter comes to realize that there is a physical object /FEAR/ in her possession: *I would wake up in the morning with a profound sense of dread.* This object /FEAR/ has the property of emerging out of volatile substance /THOUGHT/ and is then available to visual perception in form of a bounded thing: *to see my worst fears realized.* This object /FEAR/ can be moved away and pushed back: *pushed back the nightmare fears*; it can be put into a container /A SOUL/ that the emoter has, and then another human being /A PSYCHIATRIST/ will be able to see this object /FEAR/ there as well: *my psychiatrist very early on saw this terror in my soul.* The emoter sees this object /FEAR/ in containers /EYES/ that belong to other people: *I had never seen such fear in anyone's eyes.*
- The **FEAR is A SUBSTANCE** conceptual metaphor [2 metaphorical expressions]
There is a substance /FEAR/ inside a container /A ROOM/, and it rises to a certain visually perceptible level inside this container /A ROOM/: *the perceptible level of terror in the room.* This substance /FEAR/ can be mixed with other substances /CONCERN, IRRITATION and DISAPPOINTMENT/ in another container /EYES/: *in his eyes: a dreadful mix of concern, terror, irritation, resignation.*
- The **FEAR is A HUMAN BEING** conceptual metaphor [2 metaphorical expressions]
A human being /FEAR/ can be made captive and taken by force into a container /WORDS/: *one brief observation in his medical notes that captured this paralyzing fear completely.* This human being /FEAR/ can walk and then discontinue walking: *terror stopped.*
- The **FEAR is A RIVALING FORCE** conceptual metaphor [2 metaphorical expressions]
There is an external force /FEAR/ that is rivaling the emoter; the emoter's ally /INTEREST/ENTHUSIASM/ makes damaging raids and forays on her rival /FEAR/: *my curiosity had made strong inroads on my fears.* This rival /FEAR/ is however not the strongest one that the emoter has; stronger than /FEAR/ is /PAIN/: *even stronger than the terror, however, were the expressions of pain in the eyes of the women.*
- The **FEAR is A CONTAINER** conceptual metaphor [2 metaphorical expressions]

There is a container /FEAR/ with contents /BODIES/: *bodies <...> in terror*. The emoter lives in this container /FEAR/: *I lived in terror*.

- The **FEAR is A RESTLESS SEA** conceptual metaphor [1 metaphorical expression]
Around the emoter is a restless and violent sea /FEAR/. There is a breakwater wall /THE EDGE OF SANITY/ that shuts out and protects the emoter from this sea /FEAR/ and encloses her into a harbour /MENTAL HEALTH/ of steady waters /LIFE, BEAUTY and VITALITY/; there is one brick /LOVE/ that the strength of the whole wall /THE EDGE OF SANITY/ extraordinarily depends on: *love is, to me, the ultimately more extraordinary part of the breakwater wall: it helps to shut out the terror and awfulness, while, at the same time, allowing in life and beauty and vitality*.
- The **FEAR is A LACE** conceptual metaphor [1 metaphorical expression]
There is an object /AN ANSWER/ that the emoter has; this object /AN ANSWER/ is ornamented with a lace /FEAR/ adorning it: *an answer laced with terror*.

Finally, I systematize the emotion concepts into a list of metaphorical targets according to their metaphorization degrees; each target on this list is given with its metaphorical range. Targets with equal metaphorization degrees are arranged alphabetically. Similarly, the concepts used to metaphorize depressive emotions are systematized into a list of metaphorical sources according to their metaphorical potential; each source on this list is given with its metaphorical scope. The total number of respective conceptual metaphors and metaphorical expressions is indicated for each source. Sources with equal metaphorical potentials are arranged alphabetically.

According to my data, there are 87 conceptual metaphors of depressive emotions and 120 metaphorical expressions that manifest these metaphors in [Styron 1992] and 124 conceptual metaphors and 212 metaphorical expressions in [Jamison 1996]. The results of my analysis of metaphorical conceptualization of depressive emotions for [Styron 1992; Jamison 1996] are given in more detail and summarized in [Vakhovska 2017: 48–70, 108–156].

Conclusion

In this paper, I have studied from a cognitive linguistic perspective big metaphorical data on depressive emotion that come from modern English psychopathological discourse. My investigation has been fuelled by 211 conceptual metaphors and their 332 linguistic manifestations. The data are direct samples from pieces of psychopathological discourse on major and manic depression recorded in the form of two single-author depression memoirs. Metaphors of depressive emotions are formative for psychopathological discourse in that they construe and support its subjective reality. These metaphors and their entailments organize within the pieces of psychopathological discourse ramified metaphorical systems that reflect subcategorization of emotion experience by the depressive mind. Metaphors in these systems are of various types; they are based on bodily and cultural experiences, have different cognitive functions and may be archetypal in nature. Their targets are the FEAR, DESPERATION, SADNESS, ANXIETY, INTEREST/ENTHUSIASM, ANGER, JOY, SHAME/GUILT, LOVE, DISAPPOINTMENT, TENSION/STRESS, PLEASURE/ENJOYMENT, LONGING, HOPE, BOREDOM, IRRITATION, RELAXATION/SERENITY, DISGUST, CONTENTMENT/SATISFACTION, HAPPINESS/ELATION, HOSTILITY, ADMIRATION/AWE, DISSATISFACTION, RELIEF, AMUSEMENT, LUST, and (POSITIVE and NEGATIVE) EMOTION emotion concepts. Their sources belong to diverse domains of human experience. The depressive emotions are explained and structured metaphorically in terms of the CONTENT INSIDE A CONTAINER, A CONFINING FORCE (A BED OF NAILS, A FOGBOUND SHIP, AN ENGULFING TIDE, A PRISON, A SNARE, A SPASM, RIVETS, SIEGE, TOXIC FOG), A PHYSICAL OBJECT, A HUMAN BEING (A PRISONER, A PUBLIC AUTHORITY, A STRANGER), A CONTAINER, A RIVALING FORCE (DEMONS), A LANDSCAPE, A SUBSTANCE (A NARCOTIC,

A BLEACH), A BURDEN, A LIQUID, AN ARMAMENT, UNTAMED HORSES, A BUILDING, A CORROSIVE, AN EVIL SPIRIT, SEEDS OF A PLANT, A DESTRUCTIVE FORCE, AN EVENT, UP, A LOCATION, A NATURAL FORCE, A RESTLESS SEA, BAD WEATHER (DRIZZLE), INDEMNITY, WHOLENESS, DOWN, A BADGE, A BRICK IN A BREAKWATER WALL, A DEEP FREE FALL, A GIFT, A GOOD SPIRIT, A LACE, A MEDICINE, A PIGMENT, A PLANT, A PREDATOR, A PRODUCT, A SPARKLE, A STAIN, A TOOL, AIR, AN EARTHQUAKE, AN ILLNESS, AN INFECTION, AN INSULT, ARMOR, BEASTS, DAY, FIRE, MERCURY, NIGHT, and SHOOTING STARS concepts. The metaphorical meanings for the depressive emotions expose qualitative aspects of emotion experience of depression in its variation and subtlety.

Apart from implications for cognitive linguistics, the results of my analysis are suggestive of peculiarities, either singularly or in comparison and contrast, of two individual clinical cases of depression and of two individual literary world models, which might be of relevance for investigations in phenomenology of depression, for clinical psychology and psychopathology and for cognitive poetics and literary theory and criticism. In particular, prominence of conceptual metaphors and of metaphorical targets and sources shows their importance, as well as that of the emotion experience itself, for the emoter. Targets with higher metaphorization degrees become more accentuated for the listener/reader. Sources with higher metaphorical potentials are typical images with the help of which the emoter, either willfully and deliberately or not, creates an unconscious influence upon the listener/reader. Metaphorical meanings that emerge from mappings between targets and sources are mental construals that the emoter intends to carry over to the listener/reader, and there is always a significant difference in these construals, which is exposed through differences in the narratives that capture these meanings.

Metaphors of the depressive emotions are often complex, simultaneous and overlapping. They are dense in the pieces of discourse I have studied and range from completely conventional through more or less unconventional to genuinely novel metaphorical conceptualizations. I assume, in the light of my data, that creative and conventional metaphorical conceptualizations have different cognitive and aesthetic functions and that creative metaphors fuller report on depressive emotion experience in its integrated and complex nature than conventional metaphors. **In prospect**, I intend to check if this assumption holds true by a larger-scale analysis of creative and conventional metaphorical concepts of depressive emotions.

REFERENCES

- Cameron, L. (2003). *Metaphor in Educational Discourse*. London: Continuum.
- Clausner, T., & Croft, W. (1997). Productivity and Schematicity in Metaphors. *Cognitive Science*, 21(3), 247–82.
- Deignan, A. (1999). Corpus-based Research into Metaphor. In: L. Cameron, G. Low (Eds.). *Researching and Applying Metaphor* (pp. 177–99). Cambridge: Cambridge University Press.
- Deignan, A. (2005). *Metaphor and Corpus Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins.
- Kövecses, Z. (2010). A New Look at Metaphorical Creativity in Cognitive Linguistics. *Cognitive Linguistics*, 21(1), 663–97.
- Lakoff, G. (1990). The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image Schemas? *Cognitive Linguistics*, 1, 39–74.
- Lakoff, G. (1993). The Contemporary Theory of Metaphor. In: A. Ortony (Ed.). *Metaphor and Thought* (pp. 202–51). New York: Cambridge University Press.
- Lakoff, G., & Johnson, M. (1980a). Conceptual Metaphor in Everyday Language. *The Journal of Philosophy*, 77(8), 453–86.
- Lakoff, G., & Johnson, M. (1980b). *Metaphors We Live By*. Chicago: Chicago University Press.

- Lakoff, G., & Johnson, M. (1999). *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New York: New York Basic Books.
- Pragglejaz Group. (2007). MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse. *Metaphor and Symbol*, 22(1), 1–39.
- Ritchie, L.D. (2003). "ARGUMENT IS WAR" – Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors. *Metaphor and Symbol*, 18(2), 125–46.
- Scherer, K.R. (2005). What are Emotions? And How can They be Measured?. *Social Science Information*, 44(4), 695–729.
- Shevchenko, I.S., & Morozova, Ye.I. (2003). Diskurs kak myslekomunikativnoe obrazovanie [Discourse as a Mental and Communicative Phenomenon]. *Visnyk Kharkiv. nats. un-tu im. V.N. Karazina. – V.N. Karazin National Univ. Messenger*, 586, 33–38 (in Russian).
- Stefanowitsch, A. (2007). Words and their Metaphors. In: A. Stefanowitch, & S.Th. Gries. (Eds.). *Corpus-based Approaches to Metaphor and Metonymy* (pp. 64–105). Berlin: Mouton de Gruyter
- Vakhovska, O.V. (2017). *Metaphor in First-Person Verbal Report on Emotion Experience of Depression* (MSc Thesis in Cognitive Science). Osnabrück: Osnabrück University.
- Walter, J., & Helmig, J. (2005). Metaphors as Agents of Signification. Towards a Discursive Analysis of Metaphors. *Metaphors in Political Science*. ECPR Granada Workshop
- Zhabotynska, S.A. (2011). Kontseptualnaya metafora: protsedura analiza dlya mnozhestvennykh dannyykh [Conceptual Metaphor: A Procedure of Big Data Analysis]. *Zbirnyk statey za materialamy VII Mizhnarodnoyi konferentsiyi: Aktualni problemy mentalingvistiki. – A Collection of Papers from 7th Int. Conference: Current Issues of Mentalinguistics*. Cherkasy, 3–6 (in Russian).

DATA SOURCES

- Jamison K.R. *An Unquiet Mind: A Memoir of Moods and Madness*. New York: Vintage Books, 1996.
- Styron W. *Darkness Visible: A Memoir of Madness*. New York: Vintage Books, 1992.

Vakhovska Olha Volodymyrivna – PhD in Linguistics, Assistant Professor, Department of Germanic and Romance Languages, Faculty of Germanic Linguistics, Kyiv National Linguistic University (Velyka Vasylkivska Street, 73, Kiev, 03680, Ukraine); e-mail: vakhovskayaolga@gmail.com

Ваховская Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры германских и романских языков факультета германской филологии Киевского национального лингвистического университета (ул. Большая Васильковская, 73, Киев, 03680, Украина); e-mail: vakhovskayaolga@gmail.com

РЕДАКТОР

Ирина Семеновна Шевченко, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: irina.shevchenko7@gmail.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Евгения Валериевна Бондаренко, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ievgeniia.bondarenko.2014@gmail.com

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Донка Александрова, доктор философии, профессор кафедры риторики университета Климента Охридского, г. София, Болгария; e-mail: donka_bar@hotmail.com

Алла Дмитриевна Белова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Украина; www.philolog.univ.kiev.ua

Лилия Ростиславовна Безуглая, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Украина; e-mail: bezugla@daad-alumni.de

Дэниэл Вандервекен, доктор философии, профессор факультета философии университета Квебека, г. Труа-Ривьер, Канада, e-mail: daniel.vanderveken@uqtr.ca

Седа Керобовна Гаспарян, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Ереванского государственного университета, Армения; e-mail: sedagasparyan@ysu.am

Светлана Анатольевна Жаботинская, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого, Украина; e-mail: saz9@ukr.net

Владимир Ильич Карасик, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета, Россия; e-mail: vladimir_karasik@mail.ru

Евгения Анатольевна Карпиловская, доктор филологических наук, профессор, зав. отделом структурно-математической лингвистики Института украинского языка Национальной академии наук Украины; e-mail: karpilovska@gmail.com

Герхард Коллер, доктор философии, директор лингвистического центра университета имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия; e-mail: Gerhard.Koller@sz.uni-erlangen.de

Геннадий Николаевич Манаенко, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института, зав. проблемной научно-исследовательской лабораторией «Личность. Информация. Дискурс» ("ЛИД"), Россия; e-mail: manaenko@list.ru

Алла Петровна Мартынюк, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода английского языка Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Украина; e-mail: allamart@list.ru

Франциско Домингес Матито, доктор философии, професор университета Ла Риоха, г. Мадрид, Испания; e-mail: fd.matito@unirioja.es

Лев Михайлович Минкин, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды, Украина; e-mail: lev.minkin@gmail.com

София Ахметовна Моисеева, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Белгородского государственного университета, Россия; e-mail: moisseeva@bsu.edu.ru

Елена Ивановна Морозова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Украина; e-mail: elena.i.morozova@gmail.com

Валентина Григорьевна Пасынок, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой методики и практики английского языка, декан факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Украина; e-mail: inyaz@univer.kharkov.ua

Анатолий Николаевич Приходько, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой германской филологии Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара, Украина; e-mail: aprykhod@rambler.ru

Виктория Афанасьевна Самохина, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Украина; e-mail: englishphilology.karazin@yahoo.com

Елена Александровна Селиванова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики перевода Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого, Украина; e-mail: oselivanova@ukr.net

Людмила Васильевна Солощук, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Украина; e-mail: lsolo@ukr.net

Маргарет Фриман, доктор философии, почетный профессор Вэлли Колледжа (г. Лос-Анжелес), со-директор Мэрифилд института когниции и гуманитарных наук, г. Хит, США; e-mail: freemamh@lavc.edu

Наталья Чабан, доктор философии, доцент, зам директора национального центра европейских студий университета Кентербери, г. Крайстчерч, Новая Зеландия, e-mail: natalia.chaban@canterbury.ac.nz

Валерия Евгеньевна Чернявская, доктор филологических наук, профессор, научный директор института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, Россия; e-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

СЕКРЕТАРЬ

Котов Михаил Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Украина; e-mail: mykhailo.kotov@gmail.com

**РЕКОМЕНДАЦИИ АВТОРАМ ЖУРНАЛА «КЖД»
Рекомендации по оформлению статей научных журналов
для включения в зарубежные индексы цитирования**

Материалы принимаются в объеме не менее 0.5 авторского листа (10 стр.) на русском, английском или немецком языках в текстовом редакторе Microsoft Word (.doc), шрифт Times New Roman, размер шрифта 12, интервал 1. Текст форматируется по ширине. Отступ для абзаца 1,25 см, поля: слева и справа – 2 см., сверху и внизу – 2,5 см. В левом углу указывается УДК. По центру заглавными буквами жирным шрифтом пишется название статьи. На следующей строке по центру указываются инициалы и фамилии авторов, в скобках – город, страна. Например:

**ВТОРИЧНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ В КОГНИЦИИ И ДИСКУРСЕ
А.Н. Петренко (Киев, Украина)**

Далее 11 кеглем приводятся аннотации на русском и украинском языках. Авторам рекомендуется структура аннотации, повторяющая структуру статьи, однако, предмет, тема и цель работы указываются в том случае, если они не ясны из заглавия статьи. Текст резюме должен быть максимально информативен, не повторять формулировки в названии статьи, не содержать вводных предложений, типа «В статье автор рассматривает...». Результаты работы представляются максимально точно и информативно. При этом предпочтение отдается новым результатам, и данным долгосрочного значения, важным открытиям и выводам, которые опровергают или дополняют существующие теории. Разрозненные положения в тексте должны логично вытекать одно из другого. Допускаются только общеизвестные аббревиатуры, либо дается расшифровка авторских аббревиатур при первом их употреблении. Объем аннотации – минимум 100 слов (670 знаков / 770 знаков с пробелами). В конце аннотации с новой строки после фразы жирным шрифтом с абзацным отступом «Ключевые слова» в алфавитном порядке перечисляются основные понятия из статьи (в единственном числе). Не рекомендуется приводить термины, не употребленные в аннотации.

Далее – аналогичная (близкий перевод) аннотация на английском языке (11 кегль). Авторам следует помнить, что такая аннотация является, практически, единственным источником, на основании которого иностранный читатель может составить представление о сути и ценности статьи. Поэтому главными требованиями к ней являются: информативность (отсутствие общих и вводных фраз), оригинальность (не «калькированный» перевод аннотации на русском языке), содержательность (отражение основного содержания статьи и результатов исследований), структурированность (следование логике аргументации статьи), аутентичность (качественный английский язык), компактность. В тексте авторского резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций. Рекомендуется включение в аннотацию следующих структурных компонентов: Purpose (цели и задачи исследования), Results (результаты и выводы) и Discussion (практическое значение и перспективы). Текст должен быть связным с использованием слов «следовательно», «более того», «например», «в результате» и т.д. («consequently», «moreover», «for example», «the benefits of this study», «as a result» etc.), либо разрозненные излагаемые положения должны логично вытекать один из другого. Необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т.е. «The study tested», но не «It was tested in this study» (частая ошибка российских аннотаций).

В конце после фразы жирным шрифтом с абзацным отступом «Key words» в алфавитном порядке перечисляются основные термины, употребляемые в статье. Желательно употребление

терминологии, общепринятой в мировой науке. См. рекомендации зарубежных издательств (Emerald Publishing, <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm>).

Структура статьи после аннотаций различается для эмпирической и теоретической статей.

Эмпирическая статья (Empirical/Case Study)

Статья представляет результаты экспериментального исследования, иллюстрации выявленной проблемы; анализ способов решения проблемы; обоснование необходимости исследований в какой-либо сфере. Структура эмпирической статьи, как правило, включает разделы:

Аннотация эмпирического исследования должна отражать: проблему исследования; его гипотезу; полное описание выборки; основные особенности методологии и метода исследования; краткое описание полученных результатов, их надежности и сферы применения.

1. Введение (Introduction): постановка и обоснование проблемы, анализ последних исследований и публикаций; выявление нерешенных проблем и предложение пути их решения; актуальность исследования; определение цели (теоретической и практической) и гипотезы исследования; описание хода изложения материала в статье.

2. Методология исследования (Methods) – описание степени разработанности проблемы в научных публикациях, методологических основ и методов, процедуры проведения исследования, описание выборки, возможные погрешности результатов. Этот раздел призван дать четкое представление об объективности полученных результатов.

3. Результаты исследования (Results) – описание результатов (с иллюстрациями, таблицами, которые нумеруются и снабжаются названием) и их анализ. Этот раздел статьи можно дополнительно структурировать на подразделы. Результаты проведенного исследования оформляются в виде списков.

4. Обсуждение и дискуссия (Discussion) – интерпретация полученных результатов; их сравнение с аналогичными результатами других исследований по тематике статьи; предложения по применению собственных выводов; предложение дальнейших направлений исследований. Этот раздел всегда насыщен ссылками. Задача автора – подготовить в дискуссионной части статьи обоснованную поддержку всем выводам, которые он планирует сделать по результатам исследования.

5. Выводы (Conclusions) – важнейшая часть статьи, краткое изложение тезисов, которые автор предлагает на профессиональное обсуждение по результатам проведенного исследования, имея целью показать важность своего исследования и его перспективы.

Благодарность (факультативный раздел) выражается ученым, коллегам, друзьям, помогавшим в работе, а также спонсорам, грантодателям и т.д.

Теоретическая статья (Theoretical article)

В статье на основе существующей литературы разрабатываются имеющиеся / выдвигаются новые теоретические положения. Она содержит анализ развития теории, уточнение теоретических конструктов, представление новой теории, сравнение нескольких теорий, демонстрация преимуществ одной теории по сравнению с другой. Структура такой статьи зависит от ее содержания. Эмпирические данные вводятся, если они важны для решения теоретической проблемы.

Структура теоретической статьи, как правило, включает разделы:

Аннотация для теоретической статьи должна описывать: как теория или модель работает; принципы, на которых она основана; основные особенности представленной теории / метода, какие явления она учитывает и объясняет; ее надежность и связи с эмпирическими результатами.

Введение (Introduction). Постановка проблемы; актуальность исследования; краткий анализ последних исследований и публикаций для выделения нерешенных ранее частей

общей проблемы, которым посвящается данная статья; определение цели, задач (как правило, нескольких) (Aims / tasks / objectives).

В основной части (под соответствующим теме названием) статья может иметь дальнейшие подразделы (Sections and subsections). Как правило, она начинается с детального изложения и всестороннего анализа известных результатов и теорий. Далее приводится нужное количество подразделов, отражающее ответы на каждый поставленный автором вопрос и дискуссию с обоснованием полученных результатов. При необходимости свои доводы автор подкрепляет нумерованными примерами, таблицами, рисунками.

Выводы (Conclusions) суммируют полученные результаты и дают ответы на все поставленные ранее вопросы (в соответствии с целью и заданиями статьи). Намечаются конкретные перспективы дальнейших исследований в этом направлении.

Благодарность (факультативный раздел) выражается ученым, коллегам, друзьям, помогавшим в работе, а также спонсорам, грантодателям и т.д.

Перечень обязательных элементов любой статьи включает:

Введение (Introduction), **актуальность, цель, задачи** (Aims / tasks / objectives) исследования, его **объект, предмет, материал; подзаголовки** статьи (Sections and subsections), **выводы** (Conclusions) и **перспективы** исследований в этом направлении.

Все структурные элементы необходимо выделять полужирным шрифтом.

Примеры и их перевод выделяются *курсивом*, нужное в них подчеркивается. Подразделы, важнейшие понятия даются жирным шрифтом; авторы могут использовать подчеркивание. Растяжка шрифта, постраничные сноски в электронных изданиях не допускаются. При необходимости возможны примечания после текста статьи перед списком литературы.

Рекомендуемое среднее число ссылок в статье составляет 10–30 публикаций (аналогично SCOPUS). Ссылки на литературу оформляются в квадратных скобках по образцу [Арутюнова 1976: 15; Leech 1985: 373].

В конце статьи приводится список литературы.

Для русскоязычной статьи **ЛИТЕРАТУРА** (заглавными буквами полужирным шрифтом без двоеточия в конце) дается как список со сплошной нумерацией в алфавитном порядке, где по требованиям ДАК Украины публикации размещаются сначала те, что написаны в кириллице, затем – на латинице и других языках. Тире и дефис различаются.

Пример:

1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
2. Смуцинська І.В. Модальність французького художнього тексту: типи та засоби вираження : дис. ... доктора філол. наук : 10.02.05 / Смуцинська Ірина Вікторівна. – К., 2003. – 478 с.
3. Карпова Е.В. Стратегии вежливости в современном английском языке (на материале малоформатных текстов) : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Е.В. Карпова. – СПб, 2002. – 17 с.
4. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова. – М. : АСТ: «Восток – Запад», 2007. – 314 с.

Для статьи, написанной по-русски, список литературы приводится дважды: сначала **ЛИТЕРАТУРА**, затем ее дублирование в латинице REFERENCES. Для статьи, написанной по-английски или на другом европейском языке, дается только REFERENCES.

После слова **REFERENCES** (заглавными буквами полужирным шрифтом без двоеточия в конце) приводится нумерованный алфавитный список всех источников по образцу APA style 6th (порядок авторов в двух списках может быть разным в соответствии с конкретным алфавитом).

Оформление транслитерированной библиографии по стандарту APA style 6th ed.:

При перечислении нескольких авторов перед фамилий последнего ставится знак & после запятой.

В названии журнала после запятой том приводится курсивом, номер выпуска в скобках – ровно, например: *10* (2)

Названия журналов, издательств транслитерируются латиницей и не переводятся.

Для изданий на восточнославянских языках:

Статья:

Shevchenko, I.S., & Morozova, Ye.I. (2003). Diskurs kak myslekomunikativnoe obrazovanie [Discourse as a mental and communicative phenomenon]. *Visnyk Kharkiv. nats. un-tu im. V.N. Karazina. – V.N. Karazin National Univ. Messenger*, 586, 33-38 (in Russian)

Электронный источник:

Zagurenko, A.A. (2002). Ekonomicheskaya optimizatsia [Economic optimization]. *Neftyanoe khozyaistvo – Oil Industry*, 11. Available from: <http://www.opus>

Материалы конференции:

Zagurenko, A.A. (2002). Osobennosti proektirovaniya [Features of design]. Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma: *Novye tekhnologii – Proceedings from 6th Int. Symposium: New technologies*. Kyiv, 267-272 (in Russian).

Книга:

Zagurenko, A.A. (2002). *Ekonomicheskaya optimizatsia [Economic optimization]*. Kyiv: Nauka Publ.

Диссертация:

Zagurenko, A.A. (2002). *Ekonomichna optymizatsia. [Economic optimization]*. Unpublished candidate dissertation, National Teachers' Training University of Ukraine, Kyiv, Ukraine (in Ukrainian)

Автореферат диссертации (сокращения: dokt./ kand.):

Zagurenko, A.A. (2002). *Ekonomichna optymizatsia. [Economic optimization]*. Unpublished candidate dissertation synopsis, National Teachers' Training University of Ukraine, Kyiv, Ukraine. (in Ukrainian)

Для изданий на иностранном европейском языке

Книга одного автора:

Lakoff, G. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: Chicago University Press.

Книга БЕЗ автора, под. редакцией:

Lakoff, G. (Ed.). (1980). *Title of the book*. Chicago: Chicago University Pres.

Книга нескольких авторов:

Jung, C., & Franz, M. (1964). *Man and his symbols*. New York: Doubleday Publ.

Статья:

Author, A.A., Author, B.B., & Author, C.C. (2005). Title of the article. *Title of the journal*, 10 (2), 49-53.

Глава в книге:

Shuman, A. (1992). Entitlement and authoritative discourse. In: J.H. Hill, & J.T. Irvine (Eds.). *Responsibility and evidence in oral Discourse* (pp. 135-160). Cambridge and New York: Cambridge University Press.

Обязательно указывать идентификаторы DOI для тех источников, где они есть, например:

Brownlie, D. (2007). Toward effective poster presentations. *European Journal of Marketing*, 41, 1245-1283. doi:10.1108/03090560710821161

Транслитерированную часть названий статей и фамилий авторов во избежание ошибок рекомендуется делать автоматически на сайтах <http://translit.kh.ua/> (для украинского языка) и <http://www.translit.ru> (для русского), а затем переносить в текст библиографии.

В конце статьи после библиографии дается информация об авторе на русском и английском языках: ФИО (полностью), степень и звание автора, место работы (полное название так, как оно дано на сайте, и почтовый адрес организации), город, страна, электронный адрес для корреспонденции.

Все статьи проходят анонимное рецензирование. Авторам могут быть предложены изменения, которые желательно внести в течение двух недель после их получения.

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

КОГНІЦЯ, КОМУНІКАЦЯ, ДИСКУРС

Міжнародний електронний збірник наукових праць. 2017, № 14
Напрямок «Філологія»

Російською, українською, англійською, німецькою мовами

Комп'ютерне верстання

Л.П. Зябченко

Комп'ютерна підтримка сайту

В.О. Шевченко

61022, м. Харків, майдан Свободи, 4
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Надруковано: ХНУ імені В. Н. Каразіна
61022, м. Харків, майдан Свободи, 4,
тел.: 362-01-52

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3367 від 13.01.09.